

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от 17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно только с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, предоставлены авторами статей, героями интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке; придерживается независимой политики. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА

- Бахтеев Д. В.**
Предэкспертная верификация подложных подписей: человеческий и машинный подходы 4
- Тозик И. В.**
Разъяснение несовершеннолетнему возможности ответить «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» и влияние этого на достоверность показаний 11

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Незнамов Ал. В.**
Цифровые технологии и субъекты гражданского процесса 19
- Иванов Е. И.**
Сингапурская конвенция о медиации: основные положения 27

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Гаврин Д. А.**
Особенности обращения взыскания на криптовалюты в процедуре несостоятельности (банкротства) 35

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Авдеева О. А.**
Содержание права на здоровье в международном праве: от аморфного архетипа к синтетической концепции 45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дьячкова А. В., Соболев О. В., Птухина И. В.

Правовые вопросы обеспечения безопасной социальной жизни в неформальной цифровой среде 53

Стенькин Д. С., Чучаев Д. А.

Внедрение цифровых технологий в деятельность органов исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов) 64

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Кокотова М. А.

Пределы права на насилие участников организаций по борьбе с преступностью в России, Франции, Бельгии, Австрии, Великобритании и США 76

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Горбачев В. П.

Прокурорский надзор за предварительным следствием в Российской империи после судебной реформы 1864 г. 85

CONTENTS

FORENSIC SCIENCE

- Bakhteev D. V.**
Pre-Expert Verification of Forged Signatures: Human and Machine Approaches 4
- Tozik I. V.**
Explaining to a Minor the Possibility to Answer «I Don't Know»,
«I Don't Remember», «I Don't Understand»
and Its Influence on the Reliability of Testimony 11

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

- Neznamov Al. V.**
Digital Technologies and Subjects of Civil Procedure 19
- Ivanov E. I.**
Singapore Convention on Mediation: The Main Provisions 27

BUSINESS LAW

- Gavrin D. A.**
Peculiarities of Levy Execution of Cryptocurrencies in Insolvency
(Bankruptcy) Proceedings 35

INTERNATIONAL LAW

- Avdeeva O. A.**
The Right to Health in International Law: From an Amorphous Archetype
to a Synthetic Conception 45

ADMINISTRATIVE LAW

- Diachkova A. V., Sobolev O. V., Ptukhina I. V.**
Legal Issues of Ensuring a Safe Social Life in an Informal Digital Environment 53
- Stenkin D. S., Chuchadeev D. A.**
Introduction of Digital Technologies into the Activities of Executive Authorities
(on the Example of Control and Supervisory Authorities) 64

COMPARATIVE LAW

- Kokotova M. A.**
The Limits of Legally Permitted Violence for Members of the Organizations
Devoted to Crime Prevention in Russia, France, Belgium, Austria,
Great Britain and USA 76

HISTORY OF STATE AND LAW

- Gorbachev V. P.**
Prosecutor's Supervision of the Preliminary Investigation
in the Russian Empire after the Judicial Reform of 1864 85

Д. В. Бахтеев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРЕДЭКСПЕРТНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ПОДЛОЖНЫХ ПОДПИСЕЙ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И МАШИННЫЙ ПОДХОДЫ*

В работе приводится общая характеристика экспертных и предэкспертных (оперативных) исследований подписей как основного реквизита юридически значимых документов; методов офлайн- и онлайн-распознавания подделки подписей. Приводятся примеры случаев, когда может потребоваться такая верификация, раскрываются статистические данные вероятностей совершения ошибок человеком и интеллектуальной системой. Описывается эксперимент по определению точности распознавания подлога подписи человеком и системой искусственного интеллекта. В ходе эксперимента была установлена средняя правильность верификации рукописных подписей человеком, составившая 61,18 %. Приводится соотношение ложноположительных и ложноотрицательных ошибок при верификации подписей как человеком, так и интеллектуальной системой.

Раскрываются отдельные элементы научного проекта NSP-SigVer, в рамках которого разрабатывается система верификации подписей на основе технологии искусственных нейронных сетей: гипотеза, содержание датасета, статистические результаты экспериментов с технологией искусственных нейронных сетей, позиционирование проекта в системе научной конкуренции. Автор заключает, что выводы систем такого рода имеют ориентирующее, но не доказательственное значение, и что человек оценивает эти выводы субъективно. В статье также описывается логика оценки вероятности подлинности подписи, предлагаемой интеллектуальной системой.

Ключевые слова: подписи, подлог подписи, почерковедение, распознавание подписи, NSP, почерковедческая экспертиза, проверка документов

Для цитирования

Бахтеев Д. В. Предэкспертная верификация подложных подписей: человеческий и машинный подходы // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 4–10. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_4.

УДК 343.98

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_4

Подлог документов в виде внесения заведомо ложных реквизитов в их форму является одной из наиболее распространенных форм правонарушений в судопроизводстве, в первую очередь гражданском и арбитражном, что, однако, не исключает наличия данной проблемы в уголовном и административном процессе. Подложные документы встречаются также в деятельности кадровых подразделений, служб безопасности различных коммерческих организаций. Цель их

создания неоднозначна. Лицо может выполнять подлог, стремясь исказить содержание передаваемой информации, например в целях последующего отрицания факта подписания документа, либо же действовать де-факто добросовестно (например, в случае, когда секретарь подписывает договор за директора с его согласия при его отсутствии на рабочем месте).

Наиболее распространенным объектом подлога является рукописная подпись. В криминалистике, в первую очередь зарубежной, выделяют квалифицированные (*skilled*) и простые подложные подписи, а также авто-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10011>.

подлоги. В последнем случае исполнителем подписи является ее владелец, а цель такого действия – отказ в будущем от признания подписи подлинной. В отношении квалифицированных и простых подложных подписей существует дискуссия. В работах группы Л. Г. Хейфманна [Hafemann, Sabourin, Oliveira 2017], Д. Импедово и Г. Пирло [Impedovo, Pirlo 2008], в том числе в обзорных статьях [Leclerc, Plamondon 1994], простыми называют подложные подписи, выполненные без знания о том, как выглядит оригинальная, а квалифицированными – выполненные с наличием такого знания. Данная позиция видится не вполне корректной: ситуация, когда у правонарушителя нет данных о подписи объекта и подложная подпись изготавливается не путем копирования, а с нуля, творчески, представляется крайне маловероятной, хотя иногда и встречается. Примером тому могут служить «фантомные» подписи [Кабанов, Цветкова 2022], т. е. подписи, выполненные от имени несуществующего субъекта и предназначенные, как правило, для потенциального отрицания факта законного подписания документа.

Думается, что дифференциацию между квалифицированными и простыми подписями следует проводить именно по критерию квалификации лица, выполняющего имитацию (подлог) подписи. С позиций опыта и логики выполнения подписей лица, способные выполнить квалифицированную имитацию, могут быть дифференцированы на две условные группы: «художники» и «криминалисты». Первые, обладая художественным мышлением, способны создавать в своей памяти цельный образ поддельваемой подписи и затем переносить его на бумагу. Вторые же с помощью знаний о системе общих и частных признаков подписи, способах ее подлога могут поэлементно «воспроизводить» эту систему в поддельваемом документе.

Исследование спорных документов является задачей криминалистического почерковедения. Верификация реквизита может рассматриваться с двух сторон: как установление подлинности или как установление того, что отсутствуют признаки подлога. Можно выделить два уровня верификации подписи (равно как и других реквизитов документов): оперативную проверку документа (в том числе сличение достоверно подлинного до-

кумента со спорным), а также экспертное исследование спорного документа [Козочкин, Рыбалкин 2016: 127]. В первом случае субъектом распознавания признаков возможного подлога часто является лицо, не обладающее соответствующими знаниями и навыками, во втором – носитель специальных знаний в лице эксперта-криминалиста с допуском к проведению почерковедческих исследований. Соответственно, исследование подложных документов может быть оперативным (предэкспертным) либо экспертным.

Предэкспертные исследования подписи, как правило, требуют оперативности и относятся к профессиональной деятельности следователя, оперативного сотрудника, судьи, представителей банковских, страховых, нотариальных и иных структур – т. е. субъектов, к функциям которых относится первичное восприятие документов и их реквизитов, в том числе и на предмет их подложности. Подозрения в последнем случае могут оказаться как беспочвенными, так и вполне обоснованными. Точности принятия решений, а как следствие – экономии времени и ресурсов на дополнительные проверочные процедуры, такие как назначение и производство судебной почерковедческой экспертизы, может способствовать интеллектуальная система, помогающая в принятии решений относительно подписи как реквизита юридически значимого документа. Отметим также, что большинство классических и современных исследований в области почерковедения ориентировано на судебного эксперта, в то время как задача криминалистической науки, в числе прочего, – предоставить полезный и удобный инструментарий всем своим субъектам.

Современные направления множества криминалистических исследований опираются на интеллектуальную обработку цифровых объектов. Почерковедение не стало исключением и постепенно адаптирует разнообразные автоматизированные системы, в том числе на основе искусственных нейронных сетей [Бахтеев 2020]. Такие интеллектуальные методы распознавания подлога могут применяться онлайн и офлайн [Huang, Xue, Liu 2023; Radhika, Gopika 2014]. В первом случае обработке подлежат динамические признаки выполнения подписи как сложного трехмерного процесса, т. е. фиксируется не только итоговая подпись, но

и процесс ее выполнения. Это делается с помощью видеозаписи или при использовании сенсорных экранов (человек ставит подпись не на бумаге, а на дисплее). Офлайн-распознавание лучше отражает прикладные ситуации работы с документами: в этом случае обрабатывается только подпись как итоговое графическое изображение, процесс ее выполнения исследуется опосредованно. Разумеется, с точки зрения юридической практики абсолютное большинство методов должно быть ориентировано на офлайн-распознавание: правоприменитель часто имеет дело с итоговым документом, содержащим рукописную подпись, подлинность которой может вызывать сомнения.

С точки зрения юридической практики абсолютное большинство методов должно быть ориентировано на офлайн-распознавание

Примером внедрения автоматизации в почерковедческие экспертизы является экспериментальный проект, который представляет собой основанную на сиамских искусственных нейросетях интеллектуальную систему *NSP-SigVer*, предназначенную для офлайн-распознавания подлога подписи [Bakhteev, Sudarikov 2020]. Проект реализуется с 2018 г. на кафедре криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

Проверяемая экспериментальная гипотеза выглядит следующим образом. Оригинальные подписи у разных людей обладают разной степенью вариационности. При этом чем устойчивее общие и частные признаки подписи, тем меньше их вариационность и тем более они значимы для отражения свойств конкретного почерка. При анализе большого количества подписей среднее значение этой вариационности вполне можно установить и таким образом определить для каждой подписи «нормализованное состояние», отражающее большинство ее частных признаков. Нормализованное состояние подложной подписи будет отличаться от нормализованного состояния подписи оригинальной. При накоплении опыта система на основе искусственной нейронной сети должна научиться

отличать подлинную подпись от поддельной путем сравнения достоверно подлинной подписи со спорной.

В качестве очевидного объекта для сравнения, используемого с целью установить критерии эффективности системы, в данном случае выступает человек как субъект оперативного распознавания подлога подписи. В связи с этим в рамках проекта было организовано специальное анкетирование, направленное на выявление показателей распознавания подлинных и подложных подписей людьми.

Вероятность успешности такого действия напрямую зависит от опыта и специальной подготовки человека, а также от качества самого подлога. Каждому из 258 респондентов предлагалась анкета, включавшая форму для сбора установочных показателей: пола; возраста; уровня образования; наличия подготовки в области почерковедения, исследования документов или в смежных областях; субъективной оценки собственных навыков респондента по выявлению подлога подписи. Далее предлагалось засечь время (анкета являлась хронометрируемой: выяснению подлежало также среднее время сопоставления подписей), за чем следовал набор из десяти комплектов по пять подписей, одна из которых была достоверно подлинная, а подлинность остальных четырех нужно было попытаться установить на основе их визуального сравнения. Разумеется, выборка не вполне достаточна для полноценного экспериментального анкетирования, к тому же сравнивались напечатанные изображения, лишённые объема и, соответственно, не дающие возможности сличить нажим и наклон пишущего прибора. Однако, как показывает опыт автора и его коллег, в большинстве случаев при предэкспертной проверке документов внимания на детали исполнения подписи почти не обращается, а сами подписи сравниваются исключительно визуально, без, например, просмотра на просвет или при косопадающем освещении.

В итоге анкетирования средняя самооценка эффективности распознавания подлога подписи у респондентов составила 4,72 балла из 10, а правильность распознавания – 61,18 %. Это позволяет сделать вывод о том, что люди распознают подлог подписи значительно лучше, чем оценивают свой соответствующий навык. Отметим, что лица со специальной почерковедческой подготов-

кой оценили свои способности выше – как 6,61 из 10, а правильность распознавания для этой категории респондентов выросла не столь значительно, до 70,19 %.

Анкетирование проводилось также с фиксацией времени. В среднем на заполнение всей анкеты респонденты тратили 8 минут 25 секунд, т. е. примерно 8 секунд на одно сравнение пары подписей. Отметим также, что респонденты, чья правильность распознавания составила 75 % и более, использовали больше времени: в среднем 9 минут 10 секунд.

Учитывая приведенные результаты верификации, следует рассмотреть феномен ошибок при осуществлении этой операции человеком. Аналогичная система ошибок характерна для современных интеллектуальных систем. Для целей настоящего исследования наибольший приоритет имеют ложноположительные и ложноотрицательные ошибки. В первом случае респондент воспринимает оригинальную подпись как подложную, во втором – наоборот. С точки зрения юридической практики ложноположительные ошибки обычно более заметны и потому менее критичны: при совершении такой ошибки будут задействованы дополнительные средства проверки документа: обращение к более опытному коллеге, службе безопасности организации, назначение исследования специалиста или экспертного исследования. Ложноотрицательные ошибки намного более латентны. Соотношение ложноположительных и ложноотрицательных ошибок для верификации подписей человеком по итогам эксперимента – 75 % к 25 % соответственно.

Приведенные данные следует оценивать критично: в реальной практике человек, как правило, предполагает, что все реквизиты документа подлинны, а во время описываемого анкетирования респонденты могли догадаться, что среди предъявляемых подписей есть подложные (точное количество подложных подписей респондентам известно не было). Таким образом, приведенные параметры нужно оценивать как *завышенные*.

Другим важным аспектом разработки интеллектуальной системы является ее датасет. Как известно, качество принятия решений человеком во многом зависит от его опыта. Сходным образом работа интеллектуальной системы определяется содержанием датасета для обучения. В рамках этого проекта был

собран первый в мире датасет, содержащий кириллические подписи. С учетом направленности проекта на распознавание подлога система должна обучаться в том числе и на подложных подписях.

В описываемом проекте большинство лиц, осуществлявших подделку, были либо профессиональными художниками, либо экспертами-почерковедами. В обоих случаях профессиональные навыки позволяли крайне внимательно скопировать подпись-оригинал (в то время как в простых подделках участники эксперимента упускали из виду ту или иную характеристику поддельваемой подписи). Практика разделения группы лиц, осуществляющих в ходе почерковедческих исследований подложные (смонтированные) подписи, известна: так, она упоминается в работах Г. В. Черепенко [Черепенко 2020] и группы Л. Г. Хейфмана.

По состоянию на август 2023 г. датасет NSP является крупнейшей в мире базой естественных подписей, т. е. выполненных без автоматической генерации. В датасет NSP входят изображения подписей 625 человек, включающие в сумме 107 676 изображений, среди которых 34 881 относится к оригинальным подписям, а 72 795 – к соответствующим им подложным. Так, в следующем по размеру датасете с изображениями сгенерированных подписей 330 человек содержится всего 51 849 подписей, из которых 23 049 относятся к оригинальным, а 28 800 – к подложным [Vargas, Ferrer, Travieso et al. 2007].

Сегодня эксперимент продолжается путем наращивания и сравнения разных моделей обучения искусственной нейронной сети, средняя точность искусственной интеллектуальной системы сейчас составляет 92 %, что значительно превышает аналогичные человеческие показатели. Распределение ошибок: ложноположительные – 42 %, ложноотрицательные – 58 %, т. е. интеллектуальная система в настоящее время более склонна к ложноотрицательным ошибкам.

Отметим, что при сравнении двух подписей система не принимает решение за человека, а лишь предлагает ему свою оценку вероятности совпадения подписей, т. е. выполнения их одним лицом. Критерии принятия решения, т. е. распределение диапазонов вероятностей относительно вариантов решений, остаются за человеком: к примеру, для одного субъекта оценка в 85 % будет

достаточной для признания документа корректным, для другого тот же процент будет основанием для проведения дополнительной проверки.

Наиболее перспективной формой прикладного использования описываемой системы является мобильное приложение: современный смартфон обладает достаточными характеристиками камеры и скоростью обращения к удаленному серверу (на котором осуществляется обработка загруженных изображений подписи искусственными нейросетями). Отметим, что в криминалистической литературе прорабатывается концепция работы с оцифрованными почерковыми объектами [Мещеряков, Пошвин, Цурлуй 2019], однако в настоящем проекте речь идет именно о предэкспертном исследовании спорного документа. Соответственно, требования к качеству оцифровки подписи могут быть значительно более щадящими, а результат такой ав-

томатизированной проверки не может иметь иного значения, кроме ориентирующего.

На основании всего изложенного можно сделать вывод о том, что разработка интеллектуальных систем, направленных на определение подлинности или подложности спорного образца подписи, является очень актуальной и востребованной. Актуальность данного направления объясняется технико-технологической возможностью его реализации в совокупности со значительными показателями эффективности искусственной системы. Востребованность же вызвана высокой частотой возникновения ситуаций, в которых необходимо выявить подлог, причем не только в работе юристов, но и в других областях человеческой деятельности, где происходят прием и обработка документов. Таким образом, дальнейшее развитие проектов такого рода и развитие рассмотренной сферы в других направлениях имеют общесоциальное значение.

Список литературы

Bakhteev D. V., Sudarikov R. NSP Dataset and Offline Signature Verification // Quality of Information and Communications Technology: 13th International Conference, QUATIC 2020 / ed. by M. Shepperd, F. Brito e Abreu, A. Rodrigues da Silva et al. Cham: Springer, 2020. P. 41–49. DOI: 10.1007/978-3-030-58793-2_4.

Hafemann L. G., Sabourin R., Oliveira L. S. Offline Handwritten Signature Verification-Literature Review // 2017 Seventh International Conference on Image Processing Theory, Tools and Applications (IPTA 2017). Montreal: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. P. 1–8.

Huang J., Xue Y., Liu L. Dynamic Signature Verification Technique for the Online and Offline Representation of Electronic Signatures in Biometric Systems. 2023 // URL: <https://www.mdpi.com/2227-9717/11/1/190> (дата обращения: 20.08.2023). DOI: 10.3390/pr11010190.

Impedovo D., Pirlo G. Automatic Signature Verification: The State of the Art // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part C (Applications and Reviews). 2008. Vol. 38. P. 609–635.

Leclerc F., Plamondon R. Automatic Signature Verification: The State of the Art – 1989–1993 // International Journal of Pattern Recognition and Artificial Intelligence. 1994. Vol. 8. P. 643–660.

Radhika K. S., Gopika S. Online and Offline Signature Verification: A Combined Approach // Procedia Computer Science. 2015. № 46. P. 1593–1600. DOI: 10.1016/j.procs.2015.02.089.

Vargas F., Ferrer M., Travieso C. et al. Off-Line Handwritten Signature GPDS-960 Corpus // Ninth International Conference on Document Analysis and Recognition (ICDAR 2007). Curitiba: IEEE Computer Soc., 2007. P. 764–768. DOI: 10.1109/ICDAR.2007.4377018.

Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Российский следователь. 2020. № 9. С. 3–6.

Кабанов А. В., Цветкова А. Д. Исследование подписей, выполненных от имени других лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 92–100. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_92.

Козочкин В. М., Рыбалкин Н. А. Судебно-почерковедческая экспертиза подписей, выполненных с подражанием подписям другого лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4. С. 125–130.

Мещераков В. А., Пошвин А. Л., Цурлуй О. Ю. К вопросу об исследовании подписи по электрофотографическим копиям документов // Эксперт-криминалист. 2019. № 2. С. 8–10.

Черепенко Г. В. Установление пригодности копии рукописного реквизита для исследования при производстве почерковедческой экспертизы // Эксперт-криминалист. 2020. № 4. С. 32–34.

Дмитрий Валерьевич Бахтеев – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: Dmitry.bakhteev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0869-601X

Pre-Expert Verification of Forged Signatures: Human and Machine Approaches

The paper provides a general description of expert and pre-expert (operational) studies of signatures as the main requisite of legally significant documents, considers offline and online methods for recognizing forged signatures. Examples of cases where such verification may be required are given; statistical data on the probabilities of mistakes by a person and an intelligent system are disclosed. An experiment to determine the accuracy of recognition of a forged signature by a person and an artificial intelligence system is described, during which the average accuracy of verification of handwritten signatures by a person was established, which amounted to 61,18 %. The ratio of false positive and false negative errors in the verification of signatures by both a human and an intelligent system is given.

Separate elements of the NSP-SigVer scientific project are disclosed, within the framework of which a signature verification system based on artificial neural networks technology is being developed. The author reveals hypothesis setting, dataset content, statistical results of experiments with artificial neural networks technology, project positioning in the system of scientific competition. The author finds that the conclusions of systems of this kind have an orienting, but not evidentiary value, and that a person evaluates these conclusions subjectively. The paper also describes the logic of evaluating the probability of authenticity of a signature offered by an intelligent system.

Keywords: signatures, signature forgery, handwriting signature verification, NSP, handwriting examination, document verification

Recommended citation

Bakhteev D. V. Predekspertnaya verifikatsiya podlozhnykh podpisov: chelovecheskii i mashinnyi podkhody [Pre-Expert Verification of Forged Signatures: Human and Machine Approaches], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 4–10, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_4.

References

Bakhteev D. V. Iskusstvennyi intellekt v sledstvennoi deyatelnosti: zadachi i problemy [Artificial Intelligence in Investigative Activities: Tasks and Problems], *Rossiiskii sledovatel'*, 2020, no. 9, pp. 3–6.

Bakhteev D. V., Sudarikov R. *NSP Dataset and Offline Signature Verification*, Shepperd M., Brito e Abreu F., Rodrigues da Silva A. et al. (eds.) *Quality of Information and Communications Technology: 13th International Conference, QUATIC 2020*, Cham, Springer, 2020, pp. 41–49, DOI: 10.1007/978-3-030-58793-2_4.

Черепенко Г. В. Установление пригодности копии рукописного реквизита для исследования при производстве почерковедческой экспертизы [The Establishment of Usability of a Copy of Handwritten Document Details for Analysis in Carrying out of a Handwriting Expert Examination], *Ekspert-kriminalist*, 2020, no. 4, pp. 32–34.

Hafemann L. G., Sabourin R., Oliveira L. S. *Offline Handwritten Signature Verification – Literature Review*, 2017 *Seventh International Conference on Image Processing Theory, Tools and Applications (IPTA 2017)*, Montreal, Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017, pp. 1–8.

Huang J., Xue Y., Liu L. *Dynamic Signature Verification Technique for the Online and Offline Representation of Electronic Signatures in Biometric Systems*, 2023, available at: <https://www.mdpi.com/2227-9717/11/1/190> (accessed: 20.08.2023), DOI: 10.3390/pr11010190.

Impedovo D., Pirlo G. Automatic Signature Verification: The State of the Art, *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part C (Applications and Reviews)*, 2008, vol. 38, pp. 609–635.

Kabanov A. V., Tsvetkova A. D. Issledovanie podpisov, vypolnennykh ot imeni drugikh lits [Research of Signatures Made on Behalf of Other Persons], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 4, pp. 92–100, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_92.

Kozochkin V. M., Rybalkin N. A. Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza podpisov, vypolnennykh s podrazhaniem podpisov drugogo litsa [Forensic Handwriting Examination Signatures Made Imitated Signatures Other Person], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 4, pp. 125–130.

Leclerc F., Plamondon R. Automatic Signature Verification: The State of the Art – 1989–1993, *International Journal of Pattern Recognition and Artificial Intelligence*, 1994, vol. 8, pp. 643–660.

Meshcheryakov V. A., Poshvin A. L., Tsurlui O. Yu. K voprosu ob issledovanii podpisov po elektrofotograficheskimi kopiymi dokumentov [On Signature Analysis Using Electrophotographic Document Copies], *Ekspert-kriminalist*, 2019, no. 2, pp. 8–10.

Radhika K. S., Gopika S. Online and Offline Signature Verification: A Combined Approach, *Procedia Computer Science*, 2015, no. 46, pp. 1593–1600, DOI: 10.1016/j.procs.2015.02.089.

Vargas F., Ferrer M., Travieso C. et al. *Off-Line Handwritten Signature GPDS-960 Corpus*, *Ninth International Conference on Document Analysis and Recognition (ICDAR 2007)*, Curitiba, IEEE Computer Soc., 2007, pp. 764–768, DOI: 10.1109/ICDAR.2007.4377018.

Dmitriy Bakhteev – doctor of juridical sciences, professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: Dmitry.bakhteev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0869-601X

Дата поступления в редакцию / Received: 23.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 05.09.2023

И. В. Тозик

Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД России
(Донецк)

РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ ВОЗМОЖНОСТИ ОТВЕТИТЬ «НЕ ЗНАЮ», «НЕ ПОМНЮ», «НЕ ПОНИМАЮ» И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО НА ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ

Достоверность данных несовершеннолетними показаний зависит от особенностей триады восприятия-запоминания-воспроизведения информации. В ходе следственных действий невозможно корректировать специфику восприятия и запоминания, можно лишь учитывать их отдельные аспекты при подборе тактических приемов работы с несовершеннолетними. Тем не менее следователь может эффективно воздействовать на процесс воспроизведения ребенком информации, устраняя барьеры общения и поддерживая контакт. Одним из малоизученных в отечественной науке факторов, который оказывает влияние на дачу показаний несовершеннолетними, является специфика отношений «ребенок – взрослый».

Иностранные практики допросов предлагают перед допросом объяснять несовершеннолетним, что они могут давать ответы «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю». Вместе с тем в отечественной науке нет достаточных данных, свидетельствующих об эффективности таких инструкций и их влиянии на достоверность показаний несовершеннолетних. С этой целью нами был проведен эксперимент, заключающийся в демонстрации несовершеннолетним видеоролика с последующим их опросом. Все испытуемые были разделены на две группы, одной из которых были даны вышеупомянутые инструкции. Указанная группа давала более правильные ответы на значимые вопросы (сложные для понимания или по заведомо неизвестным фактам), а эффективность инструктирования была тем выше, чем ниже был возраст испытуемых. В дальнейшем планируется использовать результаты проведенного эксперимента для совершенствования тактики производства вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: инструктирование, несовершеннолетние, вербальные действия, допрос, достоверность показаний

Для цитирования

Тозик И. В. Разъяснение несовершеннолетнему возможности ответить «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» и влияние этого на достоверность показаний // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 11–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_11.

УДК 343.985.2

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_11

Вопрос достоверности показаний несовершеннолетних участников уголовного процесса становился предметом исследования многих ученых. С начала XX в. исследователи склонялись к различным подходам, крайними из которых были полное непризнание значимости показаний несовершеннолетних (например, В. Лобзин, О. Липман) или же придание им особого значения как более правильным в сравнении с показаниями взрослых (Г. Гросс). В настоящее время в на-

уже сохраняются отмеченные противоречия. Так, Г. А. Миронова предлагает запретить допрос в качестве потерпевших и свидетелей лиц в возрасте до семи лет [Миронова 2022: 9], в то время как В. Н. Карагодин пишет, что специфика допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей детерминирована прежде всего условиями ситуации, сложившейся к моменту проведения следственного действия, а не возрастом этих лиц [Карагодин 2019: 48].

Стоит отметить, что зарубежная наука изначально шла по пути психологического изучения природы лжи несовершеннолетних (В. Штерн), в результате чего была разработана система оценки валидности свидетельских показаний несовершеннолетних [Дозорцева, Афанасьева 2015]. Отечественная же наука опирается на процессуальные аспекты установления достоверности показаний, что подтверждается преобладающей позицией о том, что судебно-психологический механизм применяется для установления лишь психологических особенностей испытуемых, а не правдивости представленных ими сведений [Смирнова, Макушкин, Аснис и др. 2016; Ситковская 2006: 58].

В ходе дачи показаний несовершеннолетние стремятся обязательно ответить на поставленный вопрос, даже если не расслышали его или не поняли его сути

Мы поддерживаем выраженное Б. М. Шавером в первой половине XX в. мнение о том, что достоверность показаний каждого лица зависит также от характера допроса, его качества [Шавер 1938: 32]. Поскольку повлиять на психологические особенности восприятия и запоминания несовершеннолетних следователь не может, в его распоряжении остаются лишь инструменты, связанные с воспроизведением информации. Они используются при проведении вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Мы считаем, что, помимо когнитивных особенностей ребенка, уровня его речевого развития, существенное влияние на процесс дачи показаний оказывает общепринятая социальная система взаимоотношений «ребенок – взрослый». Биологический механизм следования, институт семьи, а также преобладающая в воспитании установка уважения к старшим формируют особую манеру общения детей с незнакомыми взрослыми. В ходе дачи показаний несовершеннолетние стремятся обязательно ответить на поставленный вопрос, даже если не расслышали его или не поняли его сути. Для устранения указанного фактора ряд иностранных протоколов допроса в обязательном порядке тре-

бует от допрашивающего лица разъяснить несовершеннолетнему правила допроса, связанные с ответами «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю», либо на первоначальном этапе [Erens, Otgaar, de Ruiter et al. 2022: 11], либо на протяжении всего общения, приводя конкретные примеры [Toth 2011: 17]. В отечественных тактиках допроса в настоящее время указанному вопросу должного внимания не уделяется.

Чтобы проверить, насколько эффективным было разъяснение несовершеннолетнему возможности дачи ответов «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» перед вербальными следственными действиями, а также какова степень влияния этих разъяснений на достоверность данных показаний, нами было проведено экспериментальное исследование. Его участниками стали 164 ученика средней общеобразовательной школы. Чтобы минимизировать влияние образовательного уровня на результаты эксперимента, участников выбрали таким образом, что успеваемость 90,7 % (149) учеников соответствовала оценкам «удовлетворительно» и «хорошо», и лишь у 2,8 % (5) успеваемость была неудовлетворительной, а у 6,5 % (10) – отличной. К факторам, отрицательно влияющим на чистоту эксперимента, можно отнести возможность несовершеннолетних обсуждать между собой суть проводимого с ними опроса, хотя респонденты и были разделены на тех, кого уже опросили, и тех, кто еще ожидали опроса и в ходе эксперимента находились в разных классах. При подсчете результатов участники были распределены по возрастным группам согласно общепринятой периодизации психического развития Д. Б. Эльконина [Эльконин 1971]:

1) младший школьный возраст (8–11 лет) – 51,9 % (85);

2) подростковый возраст (12–15 лет) – 37 % (61);

3) младший юношеский возраст (16–17 лет) – 11,1 % (18).

Участникам было предложено посмотреть анимационный видеofilm «Забавная история любви» (2014 г., оригинальное название *Jinxy Jenkins & Lucky Lou*), после чего был проведен индивидуальный вербальный опрос каждого из просмотревших видеоролик. Между просмотром видео и опросом проходило от одного до четырех часов.

В ходе опроса респонденты были распределены на экспериментальную и контрольную группы в соотношении 1:1. Перед началом работы участникам, входящим в экспериментальную группу (далее – ЭГ), были даны следующие разъяснения: «Если я спрошу что-то, чего ты не помнишь, ты должен мне сказать об этом. Если я спрошу что-то, чего в мультике не было, ты должен сказать, что не знаешь. И если мой вопрос будет тебе непонятен, ты должен сказать: „Я не понимаю“». Участникам, входящим в контрольную группу (далее – КГ), указанные разъяснения не давались.

Помимо кратких анкетных данных (пол, возраст, успеваемость) несовершеннолетним было задано 13 вопросов, касающихся содержания просмотренного видеofilmа. Полученные ответы распределялись по категориям достоверности в соответствии с возрастными группами.

Рассмотрим результаты эксперимента по каждому из вопросов.

1. Кто главные герои фильма?

На вопрос со словом «кто» было дано наибольшее количество правильных ответов – 96,2 % (158). При этом один участник из КГ младшего школьного возраста ответил на вопрос молчанием, а по одному участнику из КГ младшего школьного возраста, ЭГ подросткового и младшего юношеского возраста сказали: «Не знаю».

2. Парень угощал девушку мороженым?

На закрытый вопрос, предполагающий ответ «Да», многие (150 человек, т. е. 91,5 %) тоже ответили верно:

младшие школьники – 52,6 % (79): КГ – 48,1 % (38), ЭГ – 51,9 % (41);

подростки – 36 % (54): КГ – 50 % (27), ЭГ – 50 % (27);

юноши – 11,4 % (17): КГ – 47 % (8), ЭГ – 53 % (9).

При этом «Нет» на поставленный вопрос ответили 7,9 % опрошенных, из них 1,8 % из ЭГ. Кроме того, один участник КГ младшего школьного возраста (0,6 %) ответил: «Не помню».

3. Девушка каталась на велосипеде?

На закрытый вопрос, предполагающий ответ «Нет», верными считались ответы «Нет», «Вроде нет», «Скорее всего, нет», «Не помню, нет». Верно ответили 80,5 % (132) участников:

младшие школьники – 49,2 % (65): КГ – 49,2 % (32), ЭГ – 50,8 % (33);

подростки – 40,1 % (53): КГ – 50,9 % (27), ЭГ – 49,1 % (26);

юноши – 10,7 % (14): КГ – 42,9 % (6), ЭГ – 57,1 % (8).

При этом «Да» на поставленный вопрос ответили 17 человек (10,3 %), еще 14 человек (8,5 %) сказали: «Не помню», один ребенок из КГ младшего школьного возраста промолчал.

Можно сделать вывод, что наибольшее количество неверных ответов дали респонденты младшего школьного возраста, причем 75 % участников из КГ ответили «Да», а из ЭГ – 37,5 %, остальные сказали: «Не знаю». Кроме того, в КГ один человек промолчал. Подростки из КГ говорили только «Да», а представители ЭГ – только «Не знаю». Юноши из ЭГ отвечали только «Не знаю», а в КГ только треть ответила: «Не знаю», ответы остальных были утвердительными.

4. Девушка в фильме студентка?

Наибольший экспериментальный интерес представляет значимый вопрос, ответ на который неизвестен, так как в демонстрируемом фильме не было достаточных данных. Верными считались ответы «Неизвестно», «Не знаю», «Непонятно», «Не было этого». Верно ответили 48,1 % (79) участников:

младшие школьники – 25,3 % (20): КГ – 40 % (8), ЭГ – 60 % (12);

подростки – 54,5 % (43): КГ – 41,9 % (18), ЭГ – 58,1 % (25);

юноши – 20,2 % (16): КГ – 50 % (8), ЭГ – 50 % (8).

Как видно по представленным результатам, больше верных ответов дали младшие школьники и подростки из ЭГ, а правильные ответы юношей распределились поровну между группами. Кроме того, эти респонденты дали наибольшее количество верных ответов для своей возрастной группы (89 %).

Неверные ответы были представлены вариантами «Да» и «Нет», при этом утвердительный ответ дали 31,75 % (52) опрошенных, а отрицательный – 19,7 % (32), что в целом подтверждает наблюдения В. С. Мухиной [Мухина 1985: 22]. Кроме того, один ребенок из КГ младшего школьного возраста ответил на вопрос молчанием, причем это был не тот же ребенок, что в предыдущем вопросе.

5. Где девушка и парень оказались в конце видео?

На указанный вопрос многие тоже ответили правильно. Так, 73,25 % (120) опрошенных сказали: «На мосту», распределение внутри возрастных групп выглядело следующим образом: младшие школьники – 71,7 % (61), подростки – 67,2 % (41), юноши – 100 % (18), а внутри экспертной и контрольной группы ответы распределились почти поровну. Еще 9,75 % (16) дали ответы, схожие с правильным («На трубе», «На высоте», «На столбе», «На вышке» и пр.), здесь возрастное распределение таково: 14,2 % (12), 6,55 % (4) и 0. Различий между КГ и ЭГ тоже не установлено.

Кроме того, 17 % (28) опрошенных дали другие ответы, которые не были схожи с верным («На земле», «В туннеле», «На плоту у воды», «На холме» и др.). Подобным образом ответили 26,25 % (16) подростков, распределение внутри КГ и ЭГ равнозначное. 7,05 % (6) участников младшего школьного возраста ответили на поставленный вопрос ошибочно, причем все они были из КГ. В то же время 7,05 % (6) ребят этого возраста (все из ЭГ) ответили на данный вопрос «Не знаю» или «Не помню» и были единственными, кто в рассматриваемом случае отвечал подобным образом.

6. Какого цвета волосы у девушки?

Большинство опрошиваемых – 94,5 % (156) – ответили на данный вопрос верно. Поскольку целью эксперимента не было установление особенностей запоминания несовершеннолетних, принимались ответы «Желтые», «Оранжевые», «Рыжие», «Светлые», «Блондинка». Один опрошиваемый из ЭГ младшего школьного возраста ответил: «Не помню»; еще пятеро (3 % от общего количества) из КГ указанного возраста и два человека (1,2 % соответственно) из КГ младшего юношеского возраста ответили: «Темные».

7. Какого цвета волосы у парня?

Это был вопрос на вспоминание, и 7,31 % (12) ответили точно: «Темно-фиолетовые»; еще 70,7 % (116) сказали: «Темные»; остальные называли другие цвета («Желтенькие», «Рыжие», «Темно-русые»). Различий между КГ и ЭГ не наблюдалось.

8. Когда девушка и парень выходили из дома?

В данном случае 65,2 % (107) респондентов указали различное время дня. Распределение по группам следующее:

младшие школьники – 42 % (45): КГ – 51 % (23), ЭГ – 49 % (22);

подростки – 50,9 % (26): КГ – 50,9 % (26), ЭГ – 49,1 % (25);

юноши – 10,3 % (11): КГ – 45,5 % (5), ЭГ – 54,5 % (6).

Еще 25 человек (15,2 %), все в возрасте от 8 до 15 лет, ответили описанием погодных условий. 29 человек (17,7 %) ответили на указанный вопрос «Точно не помню», «Не могу сказать», «Не было там такого». Распределение между КГ и ЭГ по возрастным категориям следующее: младшие школьники – 31,25 % и 68,75 %; подростки – 20 % и 80 %; юноши – 57,15 % и 42,85 %. Кроме того, двое детей из КГ младшего школьного возраста в ответ на заданный вопрос молчали, а один ответил не по смыслу вопроса.

Полученные результаты приводят к заключению о том, что представители ЭГ в возрасте от 8 до 15 лет чаще отвечали на указанный вопрос «Не знаю», в то время как представители КГ в ответ описывали погодные условия. При этом респонденты младшего юношеского возраста отвечали только обозначением времени или говорили «Не знаю», «Не помню», что в целом подтверждает мнение Г. Крайга об особенностях детского восприятия пространственно-временного континуума [Крайг, Бокум 2005: 335].

9. Можешь описать внешность парня и девушки?

Подсчет ответов на этот открытый вопрос производился согласно методологии В. Штерна [Штерн 1902]: каждый существенный признак внешности отмечался одним баллом, причем существенными считались и обозначения цвета. Так, во внешности девушки учитывались следующие признаки: рыжие волосы, белые гетры, бордовые шорты, зеленая кофта, заколка в волосах; во внешности парня – красный шлем, черный свитер, джинсы, кеды, пластырь на лице, темно-фиолетовые волосы. Таким образом, максимальное количество возможных баллов составляло 16. Дети 8–11 лет набирали от одного до восьми баллов, наиболее распространенная оценка – три-четыре балла. Дети 12–15 лет тоже набирали от одного до восьми баллов, наиболее часто перечисляли пять-шесть верных признаков. Респонденты в возрасте от 16 до 17 лет верно указывали от двух до пяти признаков,

чаще всего четыре. Поскольку это не было целью эксперимента, дальнейшее изучение данного вопроса не производилось.

10. Как в фильме встретились парень и девушка?

Верный ответ дали 95,12 % (156) респондентов, остальные 4,88 % (8) «не запомнили», из них семеро из ЭГ младшего школьного возраста и один – из ЭГ подросткового возраста.

11. Что происходило с главными героями дальше?

Стоит отметить, что при произвольном кратком пересказе событий фильма большинство детей давали фрагментарную информацию и указывали подробности только начала и конца видео. Отдельные особенности указывали единичные респонденты: проезд по тоннелю вспомнили семь человек, проезд по трамплину – 14, пианино – двое. Интересно, что при обозначении способа перемещения главных героев шесть человек использовали слово «вагонетка» (открытый вагон небольшой вместимости для транспортировки грузов и людей в подземных выработках), что отразило территорию проведения эксперимента (ДНР).

12. Почему парню стало везти в конце видео?

6,7 % (11) ответили, не поняв вопроса: 54,5 % респондентов из КГ младшего школьного возраста, 18 % – из ЭГ младшего школьного возраста, 27,5 % – из КГ подросткового возраста. 12,2 % (20) ответа не знали, из них 25 % КГ 8–11 лет, 40 % ЭГ 8–11 лет, 25 % ЭГ 12–15 лет и по 5 % КГ и ЭГ 16–17 лет. Попросили повторить вопрос и затем ответили на него 15,2 % (25), из них 12 % из КГ и 8 % из ЭГ младшего школьного возраста, 12 % КГ и 48 % ЭГ подросткового возраста, 8 % КГ и 12 % ЭГ младшего юношеского возраста. Представители КГ чаще отвечали на вопрос, даже если не расслышали его или не поняли смысла, в то время как участники ЭГ чаще просили повторить вопрос.

13. Как ты считаешь, девушка в видео компенсировала невезение парня своим везением? Почему ты так считаешь?

Интересную статистику также продемонстрировали респонденты при ответе на значимый вопрос на понимание смысла спрашиваемого. Ответ оценивался не с точки зрения «правильности», а с точки зрения имен-

но корректности восприятия самого вопроса.

Всего поняли вопрос и объяснили свою точку зрения 48,78 % (81) опрашиваемых:

младшие школьники – 42 % (34): КГ – 44,1 % (15), ЭГ – 55,9 % (19);

подростки – 48,1 % (39): КГ – 35,8 % (14), ЭГ – 64,2 % (25);

юноши – 10,3 % (11): КГ – 37,5 % (3), ЭГ – 62,5 % (5).

Как мы видим, во всех возрастных категориях ЭГ показала превосходящие результаты.

Еще 13 человек (7,9 % от общего количества) попросили повторить вопрос и ответили после повтора, из них 76,9 % (10 человек) из ЭГ. Четыре представителя КГ подросткового возраста (2,4 % от общего числа опрашиваемых) единственные дали ответ, не связанный с вопросом.

Три человека младшего школьного возраста (1,8 %) ответили на вопрос «Не помню», «Не знаю», соотношение между КГ и ЭГ составило 2:1.

Некоторые респонденты (38,4 %) (63) ответили односложно на первую часть вопроса («Да», «Нет»), а объяснить свою точку зрения не смогли. Ответы распределились следующим образом:

младшие школьники – 60,3 % (38): КГ – 60,5 % (23), ЭГ – 39,5 % (15);

подростки – 28,5 % (18): КГ – 66,7 % (12), ЭГ – 33,3 % (6);

юноши – 11,1 % (7): КГ – 85,7 % (6), ЭГ – 14,3 % (1).

Как мы видим, здесь во всех возрастных группах преобладали представители КГ.

Обобщенные результаты проведенного эксперимента можно отобразить в следующем виде.

1. Правильные ответы дали 75 % участников:

младшие школьники – 48,5 %: КГ – 48,8 %, ЭГ – 51,2 %;

подростки – 39,5 %: КГ – 48,3 %, ЭГ – 51,7 %;

юноши – 12 %: КГ – 47 %, ЭГ – 53 %.

2. Неправильные ответы дали 15 % участников:

младшие школьники – 63 %: КГ – 61,7 %, ЭГ – 38,3 %;

подростки – 30,6 %: КГ – 62,9 %, ЭГ – 37,1 %;

юноши – 6,4 %: КГ – 85,7 %, ЭГ – 14,3 %.
3. Ответили «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» 10 % респондентов:

младшие школьники – 45,8 %: КГ – 31,6 %, ЭГ – 68,4 %;

подростки – 36,7 %: КГ – 32,8 %, ЭГ – 67,2 %;

юноши – 17,5 %: КГ – 44,8 %, ЭГ – 55,2 %.

4. Переспросили и затем ответили на вопрос:

младшие школьники – 47,8 %: КГ – 27,3 %, ЭГ – 72,7 %;

подростки – 34,7 %: КГ – 25 %, ЭГ – 75 %;

юноши – 17,5 %: КГ – 25 %, ЭГ – 75 %.

5. Молчали в ответ на поставленный вопрос только некоторые младшие школьники из контрольной группы.

При подсчете учитывались все вопросы, правильность ответа на которые можно было установить; вопросы общего характера (№ 9 и № 11) не рассматривались.

Эксперимент позволил сформулировать следующие выводы:

1) несовершеннолетние, которым перед проведением опроса не объяснили, что можно давать ответы «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю», чаще отвечали неправильно на значимые вопросы;

2) получившие разъяснения в три раза чаще переспрашивали или просили объяснить задаваемые вопросы, затем отвечая верно, в то время как не получившие инструк-

ций стремились сразу дать ответ, логически не связанный с вопросом;

3) только участники 8–11 лет, не получившие разъяснений, отвечали на некоторые вопросы полным молчанием;

4) степень влияния разъяснений возможности давать ответы «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» на достоверность показаний несовершеннолетних была тем ниже, чем выше был их возраст.

Итак, полученные результаты свидетельствуют о том, что разъяснение несовершеннолетним возможности отвечать «Не знаю», «Не помню», «Не понимаю» перед дачей показаний положительно влияет на правильность ответов, особенно в случаях, когда ответ не может быть известен несовершеннолетнему или сам вопрос не соответствует уровню развития опрашиваемого. Экспериментально была также подтверждена гипотеза о том, что достоверность показаний здесь зависела не от когнитивных навыков или речевого развития детей, а от барьеров вопросно-ответного воспроизведения информации, вызванных системой «ребенок – взрослый». В связи с этим включение рассмотренных разъяснений в тактику проведения вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних позволит избежать дачи ложных показаний определенной категории и будет тем эффективнее, чем ниже возраст ребенка.

Список литературы

Erens B., Otgaar H., de Ruiter C. et al. The NICHD Interview Protocol Used by Dutch Child Protection Workers: Effects on Interview Style, Children's Reported Information and Susceptibility to Suggestion // *Applied Cognitive Psychology*. 2022. Vol. 36. № 1. P. 7–18.

Toth P. Comparing the NICHD and RATA Child Forensic Interview Approaches: Do the Differences Matter? // *APSAC Advisor*. 2011. № 23. P. 15–20.

Дозорцева Е. Г., Афанасьева А. Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // *Современная зарубежная психология*. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–56. DOI: 10.17759/psylaw.2017070302.

Карагодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. М.: Проспект, 2019. 320 с.

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.

Миронова Г. А. Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 23 с.

Мухина В. С. Детская психология: учеб. для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1985. 272 с.

Ситковская О. Д. Психология свидетельских показаний. М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2006. 86 с.

Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я. и др. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 64–73.

Шавер Б. М. Допрос несовершеннолетних // Социалистическая законность. 1938. № 10. С. 31–42.

Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания // Вестник права. 1902. № 3. С. 120–149.

Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–21.

Ирина Витальевна Тозик – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. 283050, Российская Федерация, Донецк, пр-кт Богдана Хмельницкого, д. 84. E-mail: tozenka@mail.ru.

ORCID: 0009-0002-0964-5107

Explaining to a Minor the Possibility to Answer «I Don't Know», «I Don't Remember», «I Don't Understand», and Its Influence on the Reliability of Testimony

The reliability of testimony given by minors depends on the characteristics of the triad of information perception-memorization-reproduction. In the course of investigative actions, it is impossible to correct the specifics of perception and memorization; one can only take into account their individual aspects when selecting tactics for working with minors. Still, the investigator can effectively influence the reproduction of information by a child by removing communication barriers and maintaining contact. One of the little-studied factors in domestic science that influences the testimony of minors is the specifics of the child-adult relationship.

Foreign interrogation practices suggest that minors be instructed before giving evidence that they can answer «I don't know», «I don't remember», «I don't understand». At the same time, there is not enough data in domestic science to testify to the effectiveness of these instructions and their impact on the reliability of the testimony of minors. For this purpose, we conducted an experiment consisting in the demonstration of a video clip followed by a survey of minors. All the respondents were divided into two groups, one of which was briefly instructed on «I don't know», «I don't remember», «I don't understand» answers. This group gave more correct answers to significant questions (difficult to understand or manifestly unknown facts), and the effectiveness of instruction was the higher, the lower the age of the subjects. The results of the experiment are planned to be used in the future to improve the tactics of verbal investigative actions involving minors.

Keywords: instruction, minors, verbal actions, interrogation, reliability of testimony

Recommended citation

Tozik I. V. Raz'yasnenie nesovershennoletnemu vozmozhnosti otvetit' «Ne znayu», «Ne pomnyu», «Ne ponimayu» i vliyanie etogo na dostovernost' pokazanii [Explaining to a Minor the Possibility to Answer «I Don't Know», «I Don't Remember», «I Don't Understand», and Its Influence on the Reliability of Testimony], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 11–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_11.

References

Dozortseva E. G., Afanas'eva A. G. Otsenka dostovernosti svidetel'skikh pokazanii nesovershennoletnikh [Assessment of Juveniles' Testimonies Validity], *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2015, vol. 4, no. 3, pp. 47–56, DOI: 10.17759/psylaw.2017070302.

El'konin D. B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the Problem of Periodization of Mental Development in Childhood], *Voprosy psikhologii*, 1971, no. 4, pp. 6–21.

Erens B., Otgaar H., de Ruiter C. et al. The NICHD Interview Protocol Used by Dutch Child Protection Workers: Effects on Interview Style, Children's Reported Information and Susceptibility to Suggestion, *Applied Cognitive Psychology*, 2022, vol. 36, no. 1, pp. 7–18.

Karagodin V. N. *Rassledovanie umyshlennykh prestuplenii protiv zhizni, polovoi svobody i neprikosnovennosti nesovershennoletnikh* [Investigation of Intentional Crimes against Life, Sexual Freedom and Inviolability of Minors], Moscow, Prospekt, 2019, 320 p.

Kraig G., Bokum D. *Psikhologiya razvitiya* [Psychology of Development], Saint Petersburg, Piter, 2005, 940 p.

Mironova G. A. *Pokazaniya nesovershennoletnego poterpevshego: problemy formirovaniya, issledovaniya i ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugovnomu delu* [Testimony of a Minor Victim: Problems of Formation, Research and Use in Proving in a Criminal Case]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Omsk, 2022, 23 p.

Muhina V. S. *Detskaya psikhologiya* [Child Psychology], Moscow, Prosveshchenie, 1985, 272 p.

Shaver B. M. *Dopros nesovershennoletnikh* [Interrogation of Minors], *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1938, no. 10, pp. 31–42.

Shtern V. *Psikhologiya svidetel'skikh pokazanii. Eksperimental'nye issledovaniya vernosti vospominaniya* [Psychology of Testimonies. Experimental Studies of Memory Fidelity], *Vestnik prava*, 1902, no. 3, pp. 120–149.

Sitkovskaja O. D. *Psikhologiya svidetel'skikh pokazanii: Nauchno-metodicheskoe posobie* [The Psychology of Testimony], Moscow, Izd-vo NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noi prokurature RF, 2006, 86 p.

Smirnova S. A., Makushkin E. V., Asnis A. Ya. *Informatsionnoe pis'mo «O nepravomernosti opredeleniya dostovernosti pokazanii putem sudebnoi ekspertizy»* [Information Letter «On the Issue of legal wrongfulness in Establishing Witness Credibility through Forensic Evaluation»], *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*, 2016, no. 3, pp. 64–73.

Toth P. Comparing the NICHD and RATAAC Child Forensic Interview Approaches: Do the Differences Matter? *APSAC Advisor*, 2011, no. 23, pp. 15–20.

Irina Tozik – senior lecturer of the Department of criminal law disciplines and criminalistics, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 283050, Russian Federation, Donetsk, Bogdan Khmel'nitsky ave., 84. E-mail: tozenka@mail.ru.

ORCID: 0009-0002-0964-5107

Дата поступления в редакцию / Received: 23.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2023

Ал. В. Незнамов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В статье на основе анализа научной дискуссии, развернувшейся вокруг вопросов цифровизации российского гражданского процесса, освещаются различные аспекты влияния цифровых технологий на институт субъектов гражданского процесса. Автор выделяет основные направления научных и практических изысканий в данной сфере: автоматизированное распределение гражданских дел и формирование состава суда; использование искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении гражданских дел; повышение роли аппарата суда. Отдельное внимание автор уделяет проблеме повышения в гражданском процессе самостоятельной значимости аппарата суда. В частности, выдвигаются предпосылки для обсуждения данной проблемы, со ссылкой на правоприменительную практику обосновывается необходимость наделения технических специалистов суда самостоятельным процессуальным статусом, предлагается возможный механизм оспаривания их действий / бездействия.

В завершение автор выдвигает и раскрывает тезис о том, что для полноценного решения проблем, возникающих в рассматриваемой сфере, нужен переход от персонифицированного понимания правосудия как исключительно процессуальной деятельности конкретных лиц и органов в пользу его понимания как многоэтапной, организационно сложной, много-субъектной и инфраструктурозависимой деятельности.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровые технологии, субъекты гражданского процесса, автоматизированное распределение гражданских дел, искусственный интеллект, технические специалисты суда

Для цитирования

Незнамов Ал. В. Цифровые технологии и субъекты гражданского процесса // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 19–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_19.

УДК 347.96

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_19

Среди множества проблем, обсуждаемых в юридической науке в связи с цифровизацией, вопрос о субъектах гражданского процесса (за исключением, пожалуй, проблематики искусственного интеллекта), безусловно, не находится на первом месте. Это вполне объяснимо, ведь субъекты гражданского процесса, вероятно, один из наиболее статичных процессуальных институтов; его смысловой центр – характер заинтересованности в исходе дела и соответствующий этому процессуальный статус – весьма опосредованно зависит от конкретных технологий, используемых в процессуальной деятельности. Впрочем, тем интереснее на примере данного инсти-

тута проследить, как именно цифровизация гражданского процесса затрагивает даже те его аспекты, которые напрямую не зависят от технологической основы судопроизводства.

Анализ научной и практической литературы показывает, что исследования проблематики влияния цифровизации гражданского процесса на его субъектов в основном сконцентрированы на следующих направлениях:

автоматизированное распределение дел и формирование состава суда [Пономаренко 2015: 75–79; Решетняк, Смагина 2017: 135–146; Капустин 2022: 25–26];

использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) при рассмотрении и раз-

решении гражданских дел [Регулирование робототехники 2018; Морхат 2018: 111–153; Спицин, Тарасов 2021b];

повышение значимости аппарата суда и инфраструктуры судопроизводства [Решетняк, Смагина 2017: 146–152].

Как видно, авторы исследуют самые разные аспекты указанной тематики, в связи с чем подробное рассмотрение каждой из обозначенных сфер воздействия цифровых технологий на институт субъектов гражданского процесса вряд ли возможно в формате данной работы. В то же время поскольку для наиболее спорных моментов в рамках каждого из указанных направлений, как представляется, характерна одна и та же общая черта (подробнее об этом далее), считаем возможным ниже кратко осветить каждое из них в отдельности.

Автоматизированное распределение дел и формирование состава суда по конкретному делу является, пожалуй, наиболее очевидным способом приложения новых технологий к формированию субъектного состава дела. Вследствие этого данный механизм не только наиболее (в рамках рассматриваемой проблематики) разработан с научной точки зрения, но и с 2019 г. (см. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») применяется во всех судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Насколько можно судить, внедренный алгоритм распределения гражданских дел, учитывающий не только нагрузку судей, но и их специализацию, отпуска и периоды временной нетрудоспособности, другие заслуживающие внимания обстоятельства [Капустин 2019], позволил создать эффективный механизм своевременного, справедливого и беспристрастного распределения судебной нагрузки внутри каждого конкретного суда, что в целом следует оценивать безусловно положительно.

Ряд авторов справедливо задается вопросом о возможности распространения такого опыта на судебную систему в целом [Пономаренко 2014; Капустин 2022]. Действительно, если можно эффективно распределять дела и судебную нагрузку внутри каждого суда, нельзя ли использовать аналогичную систему для выравнивания нагрузки во всей судебной системе?

Большинство авторов отвечают на этот вопрос положительно [Пономаренко 2014; Решетняк, Смагина 2017: 140–143; Капустин 2022: 25–26]. Мы же пока позволим себе оставить его без ответа.

Отметим лишь, что создание подобного механизма пока может столкнуться с как минимум одним возражением принципиального порядка: установленное ст. 47 Конституции РФ правило о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судом или тем судьей, которым оно подсудно, нельзя преодолеть путем догматического толкования. Тем более в понимании Конституционного Суда РФ речь в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ прежде всего идет именно о территориальной подсудности¹, а значит, указанный механизм противоречил бы не столько конкретным нормам процессуального закона, сколько самим представлениям о «территориальной привязке» всякого спора. Иными словами, создание такого механизма потребует не только совершенствования норм действующего процессуального закона, но и ревизии доктринальных представлений о содержании подинститута территориальной подсудности.

Использование искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении гражданских дел представляется одним из наиболее популярных и, как следствие, динамично развивающихся направлений научного познания.

Возможные сферы применения ИИ при рассмотрении и разрешении гражданских дел и, соответственно, спектр связанных с этим проблем настолько широки (от понятия ИИ и самого подхода к его определению [Незнамов 2019; Афанасьев 2020; Спицин 2022] до оценки опыта его применения [Незнамов, Незнамов 2020; Кашанин, Козырева, Курносова и др. 2020; Спицин, Тарасов 2021a]), что обстоятельному рассмотрению данной темы следовало бы посвятить не одно исследование. Для целей настоящей работы укажем лишь следующее.

Как представляется, сегодня в науке гражданского процесса уже сложился консенсус относительно того, что ИИ в гражданском судопроизводстве использовать можно и нуж-

¹ См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. № 893-О-О, от 14 июля 2011 г. № 998-О-О, от 17 января 2012 г. № 145-О-О.

но. Дискуссия разворачивается главным образом вокруг того, какие именно вопросы судопроизводства по гражданским делам, в каких пределах и по каким правилам могут быть переданы на разрешение ИИ.

В связи с этим подтвердим ранее сделанный вывод о том, что двумя моделями судопроизводства с использованием ИИ могут быть «дополненное» правосудие (аналитическая деятельность суда дополняется автоматизированными системами анализа доказательственной информации по делу, но решение по делу принимает человек) и «суррогатное» правосудие (анализ обстоятельств дела и принятие процессуального решения осуществляется системами ИИ без непосредственного участия человека, но под его контролем – техническим и процессуальным) [Брановицкий, Ренц, Незнамов и др. 2022: 122–124]. Как видно, судопроизводство с участием ИИ потребует переосмысления ряда базовых положений гражданского процесса (роль суда в отправлении правосудия, принцип непосредственности судебного разбирательства, принцип состязательности и т. д.).

Но даже эти теоретически и практически допустимые модели гражданского судопроизводства с участием ИИ в конечном счете не дают ответа на главный вопрос: готовы ли сама правоприменительная система и ее «пользователи» (общество) при имеющемся уровне понимания и развития ИИ доверить ИИ что-либо в столь чувствительной сфере, как отправление правосудия? Этот вопрос тоже пока позволим себе оставить открытым.

Наконец, **повышение роли аппарата суда** – наименее, на наш взгляд, очевидная тенденция в развитии института субъектов гражданского процесса в условиях его цифровизации. Коротко предпосылки для обсуждения данной проблемы могут быть обозначены следующим образом.

По мере усложнения технической составляющей судопроизводства оно «обрастает» самостоятельной инфраструктурой (прежде всего технической), которая, как и любая другая инфраструктура, требует обслуживания соответствующими специалистами. Более того, поскольку целью эксплуатации такой инфраструктуры в конечном счете является реализация участниками судопроизводства их прав и обязанностей (подача исковых за-

явлений, ходатайств, жалоб, ознакомление с материалами дела в электронной форме и др.), технические и организационные правила и ограничения использования этой инфраструктуры порой могут приобретать самостоятельное значение.

Приведем пример из практики. Организация в электронной форме обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании долга по договору поставки. Первоначальное обращение истца было со ссылкой на п. 3 раздела 4.5 Порядка подачи в арбитражные суды РФ документов в электронном виде (приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды РФ документов в электронном виде, в том числе

Готовы ли сама правоприменительная система и ее «пользователи» (общество) при имеющемся уровне понимания и развития ИИ доверить ИИ что-либо в столь чувствительной сфере, как отправление правосудия?

электронного документа») отклонено техническим специалистом суда. Причина – отсутствие нумерации страниц искового заявления, что якобы не позволяло специалисту удостовериться в целостности представленного документа, при том что, как известно, стадия принятия искового заявления не предполагает проверку полноты и связности данного документа, тем более техническим специалистом суда. В дальнейшем при производстве по делу истец заявил об отказе от иска в части требования о взыскании основного долга в связи с добровольным удовлетворением ответчиком данного требования, которое также было отклонено судом по причине неверно выбранного вида обращения, несмотря на то что АПК РФ не предусматривает такого основания для нерассмотрения поступившего процессуального обращения.

Указанную ситуацию можно было бы отнести за счет действий конкретного исполнителя или объяснить специфическим пониманием процессуального закона, сложившимся в конкретном судебном органе, однако в литературе можно встретить и другие упомина-

ния подобных ситуаций¹. Кроме того, по информации, предоставленной специалистами Двенадцатого арбитражного апелляционного суда РФ, порядка 5 % всех обращений, поступающих в электронной форме, отклоняются именно по основаниям, предусмотренным приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252.

Приведенные примеры убедительно, на наш взгляд, доказывают то, что повышение технической и организационной сложности судопроизводства влечет повышение самостоятельной значимости специалистов аппарата суда. Как было показано выше, зачастую толкование и применение ими организационных и технических норм осуществляется вне какой-либо процессуальной формы: у них нет никакого процессуального статуса, их действия / бездействие нельзя оспорить, нет никаких каналов процессуальной коммуникации с ними, механизмы их ответственности не установлены. Подобную ситуацию нельзя признать удовлетворительной. Лицо, от действий которого фактически зависит реализация участниками судопроизводства процессуальных прав, полагаем, должно обладать соответствующим самостоятельным процессуальным статусом.

Из сказанного можно сделать два вывода.

1. Техническим специалистам суда, по крайней мере в тех ситуациях, когда они обслуживают технические средства процессуальной коммуникации с участниками судопроизводства, нужен (повторим) самостоятельный процессуальный статус. Этот вопрос, вероятно, требует более обстоятельного рассмотрения, чем возможно в формате данной работы. Полагаем, что в основу такого статуса может быть положен статус лиц, содействующих правосудию, он аналогичен статусу помощника судьи или секретаря судебного заседания. В то же время отличие технических специалистов, обслуживающих технические средства процессуальной коммуникации, может заключаться: а) в осуществляемой ими функции, б) в возможности самостоятельного обжалования их действий / бездействия, когда это влияет на осуществление лицами их процессуальных прав и обязанностей, в) в отсут-

ствии четкой привязки к конкретному составу суда или судье.

Наибольшую проблему здесь может представлять механизм обжалования действий / бездействия таких специалистов. Как известно, общий механизм обжалования действий лиц, содействующих правосудию, предполагает необходимость закрепления этих действий судебным актом, который, в свою очередь, может быть оспорен в инстанционном порядке. В данной же ситуации использование подобного порядка невозможно: во-первых, не во всяком случае имеется уже начатое производство по конкретному делу (как, например, при принятии иска), во-вторых, существенной чертой таких специалистов является отсутствие четкой связи с конкретным составом суда или судьей.

Поэтому возможный механизм обжалования действий технических специалистов суда видится следующим: участник судопроизводства, полагающий, что действия / бездействие технического специалиста суда нарушают его права и обязанности или создают необоснованные препятствия в их осуществлении, может обжаловать такие действия председателю соответствующего суда (как лицу, осуществляющему общее руководство аппаратом суда); председатель суда рассматривает данную жалобу в порядке, аналогичном, например, рассмотрению заявления об ускорении рассмотрения дела, с вынесением мотивированного определения, которое, в свою очередь, уже может быть обжаловано в вышестоящий суд. Такой механизм позволит, с одной стороны, защитить права участников судопроизводства, вовлеченных в цифровую процессуальную коммуникацию, с другой – учесть специфику процессуального положения технических специалистов суда, а кроме того, не потребует полного переосмысления статуса лиц, содействующих правосудию, и принятого подхода к обжалованию их действий.

2. Более общий вывод заключается в том, что, возможно, для полноценного реагирования на различные проблемы, возникающие в рассматриваемой сфере, необходимы не точечные изменения в законодательных актах, а изменение подхода к пониманию процесса отправления правосудия.

В науке уже достаточно давно существуют представления об организационно слож-

¹ Козырев Д. Е. «Электронное правосудие» в решениях Верховного Суда. 2018 // URL: https://zakon.ru/blog/2018/6/7/elektronnoe_pravosudie_v_resheniyah_verhovnogo_suda (дата обращения: 31.08.2020).

ном, многоаспектном характере деятельности по отправлению правосудия [Дегтярев 2008: 16–17]. В условиях сквозного применения цифровых технологий эта деятельность становится еще сложнее: к организационным аспектам правосудия (делопроизводство, судебная статистика, материальное обеспечение) прибавляется его техническая сложность. Судебная система и судопроизводство все более обрастают инфраструктурой, и качество, эффективность, скорость правосудия перестают определяться действиями только конкретного судьи, судебного состава или суда. Это становится вопросом эффективности всех составляющих судопроизводства: и процессуальной, и организационной, и технической, и, если можно так сказать, человеческой.

Иными словами, на наш взгляд, необходим отход от персонифицированного понимания правосудия как исключительно процессуальной деятельности конкретных лиц и органов в пользу понимания правосудия как многоэтапной, организационно сложной, многосубъектной и инфраструктурозависимой деятельности. Именно с этих позиций,

полагаем, следует давать ответы на ранее поставленные вопросы.

Если судебная система представляет собой единую систему защиты и восстановления нарушенных / оспоренных гражданских прав, есть ли рациональные причины для того, чтобы ограничивать распределение судебной нагрузки внутри такой системы, при том что существующие технологии и нормативное регулирование позволяют обеспечить всем участникам судопроизводства возможность реализации всех необходимых процессуальных прав? Думаем, что нет.

Если судебная система должна предоставлять заинтересованным лицам максимально быструю и эффективную защиту их прав, есть ли резоны для того, чтобы ограничивать использование в гражданском процессе систем ИИ, которые во многих отношениях делают рассмотрение дела более простым, быстрым и прозрачным для стороны, при этом позволяя сохранить и состязательность сторон, и контроль суда за исходом дела? Ответ, полагаем, опять должен быть отрицательным.

Список литературы

Афанасьев С. Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 46–49.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В. и др. Концепция развития цивилистического процесса РФ и гармонизации гражданского процесса государств ЕАЭС в части внедрения в деятельность органов гражданской юрисдикции цифровых технологий // Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М.: Статут 2022. С. 9–132.

Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 51 с.

Капустин О. А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. 2019. № 1. С. 129–134.

Капустин О. А. Организация судебной деятельности в современный период: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.

Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А. и др. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад. 2020 // URL: <http://црсп.рф/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Незнамов А. В. К вопросу о применении технологии искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.

Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В. Использование искусственного интеллекта в правосудии: первый опыт, первые выводы // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 32–38.

Пономаренко В. А. О принципиально новых возможностях, предоставляемых электронной формой гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 9. С. 11–16.

Пономаренко В. А. Электронное гражданское судопроизводство: штрихи концепции: моногр. М.: Проспект, 2015. 187 с.

Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик, 2018. 232 с.

Решетняк В. И., Смагина Е. С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учеб. пособие. М.: Городец, 2017. 304 с.

Спицин И. Н., Тарасов И. Н. Разрешение споров с использованием технологии искусственного интеллекта на интернет-площадках (Amazon.com, eBay и др.) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021а. № 8. С. 45–46.

Спицин И. Н., Тарасов И. Н. Теоретические проблемы использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом судебном процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021б. С. 170–187.

Спицин И. Н. Включение искусственного интеллекта в правовой контекст и пределы использования технологии в правоприменении // Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М.: Статут, 2022. С. 274–286.

Александр Владимирович Незнамов – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: avneznamov@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1305-6209

Digital Technologies and Subjects of Civil Procedure

Being based on the discussion taking place around the issues of digitalization of civil procedure the article lights up various aspects of how digital technologies influence the concept of subjects of civil procedure. The author highlights the main directions of scientific and practical research in this field which are automated distribution of civil cases and composition of the court, usage of artificial intelligence in consideration and resolution of civil cases, increasing role of court administration. The author pays special attention to the problem of increasing the independent significance of the court administration in the civil procedure. Particularly, the author puts forward the prerequisites for discussing of the problem, and having referred to law enforcement practice justifies the necessity of assigning technical assistants of the court an independent procedural status, and proposes a possible mechanism of appealing those assistants' actions.

In conclusion, the author reveals the thesis that in order to solve various problems arising in the field under consideration, it is necessary to move from a personalized concept of justice as a procedural activity of certain officials and bodies to a concept of justice as a multi-stage, organizationally complex, multi-subject and infrastructure-dependent activity.

Keywords: *civil procedure, digital technologies, subjects of civil procedure, automated distribution of civil cases, artificial intelligence, technical assistants of court*

Recommended citation

Neznamov Al. V. Tsifrovyye tekhnologii i sub"ekty grazhdanskogo protsesssa [Digital Technologies and Subjects of Civil Procedure], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 19–26, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_19.

References

Afanas'ev S. F. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii iskusstvennogo intellekta [On the Issue of Legislative Regulation of Artificial Intelligence], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2020, no. 7, pp. 46–49.

Branovitsky K. L., Rents I. G., Neznamov Al. V. et al. *Kontseptsiya razvitiya tsivilisticheskogo protsessa RF i garmonizatsii grazhdanskogo protsessa gosudarstv EAES v chasti vnedreniya v deyatel'nost' organov grazhdanskoi yurisdiktsii tsifrovyykh tekhnologii* [The Concept of Development of Certain Provisions of Civil Procedural Legislation of the Russian Federation and Harmonization of Procedural Legislation of Countries within the Eurasian Economic Union], Branovitsky K. L., Yarkov V. V. (eds.) *Tsifrovyye tekhnologii i yurisdiktsionnaya deyatel'nost': obraz budushchego pravosudiya po grazhdanskim delam* [Digital Technologies and Civil Jurisdiction: the Image of Future Civil Justice], Moscow, Statut, 2022, pp. 9–132.

Degtyarev S. L. *Realizatsiya sudebnoi vlasti v grazhdanskom sudoproizvodstve (teoretiko-prikladnye problemy)* [Realization of Judicial Power in Civil Procedure (Scientific and Practical Problems)]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2008, 51 p.

Kapustin O. A. Organizatsiya avtomatizirovannogo raspredeleniya del v federal'nom sude obshchei yurisdiktsii [Organization of Automated Distribution of Civil Cases at the Federal Courts of General Jurisdiction], *Zakon i pravo*, 2019, no. 1, pp. 129–134.

Kapustin O. A. *Organizatsiya sudebnoi deyatel'nosti v sovremennyyi period* [Organization of Judicial Activity in the Modern Period]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2022, 28 p.

Kashanin A. V., Kozyreva A. B., Kurnosova N. A. et al. *Informatsionnye tekhnologii v pravosudii: sostoyanie i perspektivy. Rossiya i mir. Analiticheskii doklad* [Digital Technologies in Justice: Current Status and Prospects. Russia and the World. Analytical Report], 2020, available at: <http://tsrsp.rf/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (accessed: 11.01.2022).

Morkhat P. M. *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy* [Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property: Civil Law Problems]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2018, 420 p.

Neznamov A. V. (ed.) *Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robopravo». Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Regulation of Robotics: an Introduction to «Robolaw». Legal Aspects of the Development of Robotics and Artificial Intelligence Technologies], Moscow, Infotropik, 2018, 232 p.

Neznamov A. V. K voprosu o primeneni tekhnologii iskusstvennogo intellekta v pravosudii: terminologicheskii aspekt [On the Issue of Using of Artificial Intelligence in Justice: Terminological Aspect], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2019, no. 10, pp. 14–18.

Neznamov Al. V., Neznamov An. V. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v pravosudii: pervyi opyt, pervye vyvody [Using Artificial Intelligence in Legal Proceedings: First Experience and First Conclusions], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2020, no. 3, pp. 32–38.

Ponomarenko V. A. *Elektronnoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo: shtrikhi kontseptsii* [Electronic Civil Proceedings: Strokes of the Concept], Moscow, Prospekt, 2015, 187 p.

Ponomarenko V. A. O printsipial'no novyykh vozmozhnostyakh, predostavlyaemykh elektronnoi formoi grazhdanskogo sudoproizvodstva [On Principally New Opportunities Provided by the Electronic Form of Civil Judicial Proceeding], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2014, no. 9, pp. 11–16.

Reshetnyak V. I., Smagina E. S. *Informatsionnye tekhnologii v grazhdanskom sudoproizvodstve (rossiiskii i zarubezhnyi opyt)* [Digital Technologies in Civil Proceedings (Russian and Foreign Experience)], Moscow, Gorodets, 2017, 304 p.

Spitsin I. N. *Vklyuchenie iskusstvennogo intellekta v pravovoi kontekst i predely ispol'zovaniya tekhnologii v pravoprimeneni* [The Inclusion of Artificial Intelligence in the Legal Context and the Limits of the Use of the Technology in Law Enforcement], Branovitsky K. L., Yarkov V. V. (eds.) *Tsifrovyye tekhnologii i yurisdiktsionnaya deyatel'nost': obraz budushchego pravosudiya po grazhdanskim delam* [Digital Technologies and Civil Jurisdiction: the Image of Future Civil Justice], Moscow, Statut, 2022, pp. 274–286.

Spitsin I. N., Tarasov I. N. Razreshenie sporov s ispol'zovaniem tekhnologii iskusstvennogo intellekta na internet-ploshchadkakh (Amazon.com, eBay i dr.) [Resolution of Disputes at Internet Sites (Amazon.com, Ebay, etc.) Using the Artificial Intelligence Technology], *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*, 2021a, no. 8, pp. 45–46.

Spitsin I. N., Tarasov I. N. *Teoreticheskie problemy ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v tsivilisticheskom sudebnom protsesse* [Theoretical Problems of Using the Artificial Intelligence in Civil Judicial Procedure], Yarkov V. V. (ed.) *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva* [Current Issues of Civil and Administrative Proceedings], Moscow, Statut, 2021b, pp. 170–187.

Aleksandr Neznamov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: avneznamov@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1305-6209

Дата поступления в редакцию / Received: 05.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2023

Е. И. Иванов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СИНГАПУРСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О МЕДИАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье юридико-догматически изучаются основные нормы Сингапурской конвенции о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. Актуальность темы вызвана неясностью норм, которая может затруднять реализацию этого международного договора, препятствуя развитию медиации в трансграничных спорах.

Рассматриваются следующие аспекты Конвенции: предмет, субъектное, территориальное и временное действие, отношения с другими формами права, предпосылки экзекватуры, производство по выдаче экзекватуры, а также правовые свойства медиативного соглашения. Предпосылки экзекватуры делятся на позитивные (содержательные и формальные) и негативные (абсолютные и относительные). Производство по выдаче экзекватуры рассматривается в общем аспекте (состязательность и оперативность производства) и специальном (разрешение параллельных ходатайств и требований). Правовые свойства медиативного соглашения включают в себя устранение юрисдикционного производства по урегулированному в медиации правовому спору, а также возможность принудительного исполнения международного коммерческого медиативного соглашения.

Юридико-догматическое осмысление Сингапурской конвенции содействует упрощению реализации норм такого международного договора и развитию медиации.

Ключевые слова: медиация, медиативные соглашения, коммерческие отношения, признание и приведение в исполнение, экзекватура, Сингапурская конвенция

Для цитирования

Иванов Е. И. Сингапурская конвенция о медиации: основные положения // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 27–34. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27.

УДК 341.9, 347.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27

Введение

Актуальность юридико-догматического изучения Сингапурской конвенции¹ обусловлена неясностью некоторых ее норм, касающихся юридического действия, предпосылок, правил производства и правовых свойств соглашений об урегулировании правовых споров. Следовательно, может затрудняться реализация положений Сингапурской конвенции, что препятствует трансграничному обороту

международных коммерческих медиативных соглашений и в итоге – развитию медиации путем широкой экзекватуры соглашений об урегулировании правовых споров. Неразрешение этого вопроса может устранять достоинства медиации, создавать угрозу возникновения правовой неопределенности², нарушения принципа равенства³, вынуждать стороны

¹ Конвенция ООН о международных медиативных соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 г.) (далее – Сингапурская конвенция, Сингапурская конвенция о медиации).

² Неясность норм права влечет угрозу разного применения юридических положений в одинаковых правовых ситуациях. Следовательно, может нарушаться правовая определенность.

³ Разное применение норм права в одинаковых правовых ситуациях нарушает принцип равенства ввиду наличия необоснованных (не предопределенных спе-

правовых споров обращаться к юрисдикционным формам преодоления правовых споров, отдавая момент окончательного отстаивания правового интереса.

При этом некоторые исследования Сингапурской конвенции являются неисчерпывающими и лишь поясняющими¹, не позволяя преодолеть все неясности международного договора.

Международный, унифицирующий характер Сингапурской конвенции предопределяет автономность ее осмысления: уяснение сути международного договора отвлечено от национальных юридических мыслительных схем. Следовательно, имеется возможность широкого использования юридико-догматических идей. Изучение Сингапурской конвенции может предусматривать организацию в мыслительную схему множества аспектов (правовая основа, предпосылки и производство по выдаче экзекватуры, а также придаваемые медиативному соглашению правовые свойства). Не исключаются иные подходы к осмыслению международного договора.

Сингапурская конвенция о медиации – универсальный открытый многосторонний письменный бессрочный международный договор по международному частному праву и медиации, составляющий правовую основу экзекватуры международных коммерческих медиативных соглашений и имеющий предмет, временное, субъектное и территориальное действие, а также характеризующийся отношением с другими формами права.

Предмет международного договора составляют общие вопросы² признания и приведения в исполнение международных коммерческих медиативных соглашений: предпосылки, основные правила производства, а также содержание и объем правовой помощи. Предусмотрены обязательные и факультативные изъятия из предмета Сингапурской конвенции.

цифкой правовой ситуации) формально-юридических различий.

¹ См., например, отчасти: [Засемкова 2019; Schnabel 2019].

² Отдельные аспекты признания и приведения в исполнение подлежат конкретизации в национальных правовых системах. Например, особенности производства по выдаче экзекватуры подлежат уточнению в национальном праве с соблюдением установленных международным договором положений [Silvestri 2019: 6–7].

Обязательные изъятия действуют постоянно, безусловно и включают некоммерческие медиативные соглашения и медиативные соглашения, встроенные в судебные акты и арбитражные решения или утвержденные такими актами и решениями (пп. 2, 3 ст. 1 Сингапурской конвенции). Причинами изъятия некоммерческих соглашений являются значительная связь упорядочивающего соответствующие отношения права с национальным публичным порядком, наличие немалого количества сверхимперативных норм, разнообразие некоммерческих отношений в разных национальных правовых системах, а также отнесение к сфере деятельности ЮНСИТРАЛ правовой гармонизации международных коммерческих отношений [Alexander, Chong 2018: 40; Banoo 2020: 11; Chong, Steffek 2019: 457]. Причиной изъятия из предмета Сингапурской конвенции медиативных соглашений, встроенных в судебные акты и арбитражные решения или утвержденных такими актами и решениями, является необходимость предотвратить пересечение с предметами международных договоров в сфере экзекватуры иностранных судебных и арбитражных решений.

Факультативные изъятия могут действовать только при оговорке государства и составляют заключенные государством (государственными учреждениями) медиативные соглашения, а также соглашения об урегулировании правового спора при наличии договоренности сторон об изъятии такого правового акта из предмета Сингапурской конвенции (п. 1 ст. 8).

Темпоральное действие международного договора является перспективным: экзекватуре подлежат медиативные соглашения, заключенные после вступления Сингапурской конвенции в юридическую силу (ст. 9).

Субъектное действие международного договора распространяется на государства и международные организации (ст. 12).

Территориальное действие Конвенции распространяется на государства с множеством правовых систем: по общему правилу – на всю территорию, по специальному правилу (заявлению) – на отдельные единицы государства (ст. 13).

Отношения с другими формами права выражаются в неисключительном действии

Сингапурской конвенции: стороны вправе наделить медиативное соглашение юридическим действием согласно иным формам права (ст. 7).

Предпосылки экзекватуры могут быть разделены на позитивные и негативные: соответственно влекущие допустимость или исключаящие признание юридически квалифицированных фактов и приведение медиативного соглашения в исполнение¹. Формально-логически позитивные предпосылки могут мыслиться как признаки понятия международного коммерческого медиативного соглашения. Позитивные предпосылки, думается, подлежат расширительному толкованию, а негативные предпосылки – ограничительному, ввиду принципа благоприятствования примирению (*favor conciliationis*)² и необходимости реализации назначения международного договора, которое состоит в том, чтобы способствовать широкому трансграничному действию медиативных соглашений.

Позитивные предпосылки могут включать: международный коммерческий характер заключенных в результате медиации соглашений (содержательные предпосылки), а также внешнее выражение медиативного соглашения, идентификацию обязательных субъектов медиации и подтверждение заключения соглашения в результате медиации (формальные предпосылки).

Международный характер медиации не предопределяет соответствующего характера медиативного соглашения³. Причиной может

¹ О делении предпосылок признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов см.: [Зайцев 2005: 9; Конев 2008: 21]. Не исключается использование такого деления при осмыслении предпосылок экзекватуры международных коммерческих медиативных соглашений в настоящей работе.

² Допустимость и необходимость использования принципа благоприятствования примирению в отечественной юридической догматике связываются с опосредованным наделением юридическим действием медиативных соглашений с иностранным элементом [Давыденко 2021: 3–4]. Однако не исключается использование такого принципа в связи с непосредственным приданием правовых свойств соглашениям об урегулировании правовых споров ввиду абстрактности принципа наделения юридическим действием таких соглашений.

³ Отсутствие безусловной корреляции между международным характером медиации и трансграничностью медиативных соглашений устанавливается с учетом Типового закона ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и международных миро-

быть возможность отпадения иностранного элемента при заключении соглашения об урегулировании правового спора. Иностраный элемент в медиативном соглашении может устанавливаться по коммерческому предприятию, постоянному местожительству стороны, месту исполнения обязанностей или наиболее тесной связи предмета заключаемого соглашения с государством (п. 1 ст. 1).

Коммерческий характер медиации предопределяет соответствующий характер медиативного соглашения (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о медиации). Причиной может являться использование характера спорного правоотношения как единого критерия того, что посредничество и со-

---

Позитивные предпосылки экзекватуры могут включать: международный коммерческий характер заключенных в результате медиации соглашений, а также внешнее выражение медиативного соглашения, идентификацию обязательных субъектов медиации и подтверждение заключения соглашения в результате медиации

глашение об урегулировании юридического спора носят коммерческий характер. Если неясно, какой характер – коммерческий или некоммерческий – носит медиативное соглашение, предпочтительной представляется правовая квалификация такого соглашения как коммерческого, ввиду того что перечень некоммерческих отношений является исчерпывающим, а перечень коммерческих – нет.

Заключение соглашения в результате медиации – достижение сторонами правового спора соглашения о мирном урегулировании такого спора в результате переговоров при содействии нейтрального посредника, не обладающего полномочиями предписывать сторонам разрешение спора (п. 3 ст. 2). Следовательно, международным договором допускаются содействие и советы медиатора.

вых соглашениях, достигнутых в результате медиации (2018 г.) (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ о медиации) [Засемкова 2019: 65; Schnabel 2019: 16]; п. 2 ст. 3, п. 4 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о медиации.

Внешним выражением медиативного соглашения является надежно фиксирующая содержание такого правового акта форма (п. 1 ст. 1 Конвенции). Термин «в письменной форме» здесь обозначает не только предъявление текста в знаках языка, но и фиксацию устного изложения содержания соглашения. Значит, медиативное соглашение может быть эксплицировано письменно (на бумаге, электронно) и устно (электронно).

Идентификация сторон во многом необходима для установления факта соглашения, а идентификация посредника может требоваться для установления заключения соглашения об урегулировании спора в результате медиации. Множество способов идентификации обязательных субъектов медиации вряд ли исчерпывающе (п. 2 ст. 4 Конвенции). Способы идентификации сторон и медиатора могут коррелировать с формой медиативного соглашения: подпись – письменная (бумажная, электронная) форма, и голос – устная электронная форма соглашения, которая может быть предпочтительной при проверке предпосылок отказа в экзекутуре ввиду порока воли при заключении такого соглашения.

Заключение соглашения в результате медиации могут подтвердить основные и вспомогательные доказательства. Основные доказательства могут делиться на виды: во-первых, по форме (подтверждение на медиативном соглашении или отдельный документ), во-вторых, по источнику (медиативное учреждение или медиатор), в-третьих, по носителю (бумажные или электронные доказательства). Вспомогательными доказательствами являются любые сведения, способные подтверждать заключение соглашения об урегулировании спора в результате медиации (подп. б п. 1 ст. 4 Конвенции).

Негативные предпосылки экзекутуры могут включать в себя противоречие экзекутуры публичному порядку и немедиабельность урегулированного правового спора (абсолютные предпосылки), а также недееспособность стороны, существенное (серьезное) правонарушение медиатора, ничтожность, утрату силы, невозможность исполнения, исполнение, неясность медиативного соглашения, противоречие экзекутуры содержанию соглашения об урегулировании спора (относительные предпосылки)¹. Если абсолютные

¹ Отсутствие среди множества негативных предпосылок экзекутуры такого возможного основания, как

предпосылки проверяются по инициативе государства экзекутуры всегда, то относительные предпосылки проверяются только при возражении стороны (п. 2 ст. 5 Конвенции). Рассмотрим их подробнее.

Нарушение публичного порядка в целом может мыслиться как действительное противоречие основам правовой системы, которое приводит к разрушению права. Употребление одного термина «публичный порядок» в разных международных договорах² позволяет использовать знания о публичном порядке в связи с экзекутурой судебных и арбитражных решений при изучении признания и приведения в исполнение медиативных соглашений по Сингапурской конвенции.

Немедиабельность урегулированного в медиации правового спора определяется по праву государства места экзекутуры.

Недееспособность стороны – нечасто применяемое основание отказа в экзекутуре ввиду преимущественного участия в трансграничных экономических отношениях профессиональных представителей, способных восполнить порок дееспособности представляемого.

Существенное (серьезное) правонарушение медиатора предусматривает причинно-следственную связь: нарушение посредником правил (причина), повлекшее заключение медиативного соглашения на неприемлемых условиях (следствие) не осведомленной о правонарушении стороной. Критерий существенности (серьезности) – заключение соглашения об урегулировании правового спора на неприемлемых условиях. Существенные (серьезные) правонарушения медиатора могут делиться на общие и специальные. Общим нарушением является несоблюдение применимых к посреднику или медиации стандар-

---

отмена, недействительность медиативного соглашения в государстве заключения, позволяет считать международную коммерческую медиацию делокализованной формой преодоления правовых споров, а также создает угрозу *forum shopping*. См. подробнее: [Stute, Wansac 2021: 45–47].

² См., например: подп. б п. 2 ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), ст. 9(е) Гагской конвенции о соглашениях о выборе суда (*Convention on Choice of Court Agreements*) 2005 г., ст. 7(с) Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (*Convention on Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters*) (Гаага, 2019 г.).

тов. Специальное нарушение – частный случай нарушения применимых к посреднику стандартов, выражающийся в несоблюдении принципа независимости и беспристрастности медиатора. Установление нормы о специальном нарушении позволяет заключить, что нейтральность посредника имеет конститутивное значение для медиации. Критерий неприемлемости условий медиативного соглашения состоит в том, что если бы сторона была осведомлена о правонарушении, то такое соглашение не было бы заключено. Неосведомленность потерпевшей стороны – субъекта возражения против экзекутуры, обязательна для отказа в признании и приведении в исполнение медиативного соглашения по основанию существенного правонарушения медиатора [Schnabel 2019: 53]. Иначе не исключается рассмотрение вопроса об отказе в принятии возражения ввиду отсутствия порока воли при заключении медиативного соглашения.

Ничтожность, утрата силы, невозможность исполнения и исполнение медиативного соглашения юридически квалифицируются согласно применимому праву, которое может привести в осмысление таких явлений национально-правовой догматический контекст.

Неясность, непонятность медиативного соглашения противопоставляются ясности и понятности. Возможный критерий неясности – исчерпание способов толкования и невозможность уяснить смысл медиативного соглашения, препятствующие адекватному юридическому действию соглашения при наделении его правовыми свойствами, на которое можно было бы рассчитывать в момент заключения. Возможность уяснения сути соглашения об урегулировании правового спора может зависеть от субъекта толкования ввиду того, что сомнительно существование однозначного объективного критерия ясности, понятности¹.

Противоречие экзекутуры медиативному соглашению может означать явную несовместимость признания и приведения в исполнение с самим соглашением об урегулировании правового спора и может включать: собственно противоречие экзекутуры такому соглашению, необязательность, не-

окончателность и последующее изменение медиативного соглашения.

Производство по выдаче экзекутуры международных коммерческих медиативных соглашений может осмысляться в общем и специальном аспектах.

Общие аспекты применимы для каждой ситуации признания и приведения в исполнение медиативного соглашения и включают состязательность и оперативность производства. Состязательность может выражаться в наличии относительных предпосылок экзекутуры и возложении бремени доказывания наличия абсолютных и относительных предпосылок на сторону. Производство должно быть оперативным (п. 5 ст. 4 Сингапурской конвенции), что может означать минимизацию времени, которое проходит между предъявлением заявления и его разрешением. Не исключается расширительное толкование оперативности не только как темпоральной характеристики, но и как организационной характеристики производства по выдаче экзекутуры (оптимизация правовых действий).

Специальный аспект касается отдельных случаев, когда подаются параллельные ходатайства и требования (ст. 6 Сингапурской конвенции), которые могут повлиять на разрешение вопроса об экзекутуре. В такой правовой ситуации признание и приведение в исполнение откладываются до разрешения ходатайства, требования, а на заинтересованного в такой остановке субъекта может быть возложена обязанность предоставить обеспечение возможных имущественных потерь. При этом «отложение производства» – родовое понятие, обозначающее остановку производства, конкретный вид такой остановки зависит от национальной правовой системы.

Правовые свойства медиативного соглашения, которые оно приобретает в результате экзекутуры, могут включать: устранение юрисдикционного производства по разрешенному в медиации правовому спору и возможность принудительного исполнения соглашения (юридическое действие, минимально необходимое для надежности соглашения об урегулировании правового спора) (ст. 3 Сингапурской конвенции). Однако не исключается придание медиативному соглашению иных правовых свойств согласно национальному праву. Изучение того, как государство наделяет юридическим действием правовой акт

¹ На субъективность «понятного» при уяснении правовых положений в ходе толкования обращается внимание в отечественной общей теории права [Черданцев 2003: 50].

о преодолении юридического спора, предусматривает и изучение вопроса о том, допустимо ли и необходимо ли признавать такой правовой акт и приводить его в исполнение.

Во-первых, термин «признание медиативных соглашений» в Сингапурской конвенции не употребляется. Однако если считать, что «признание» – это выражение государством отношения к правовому акту как влекущему окончательные юридические последствия¹, можно заключить, что указанное выше понятие в Конвенции есть. Особенности «признания» в разных национальных правовых системах представляются побочными по отношению к основному правовому следствию в виде исключения юрисдикционного разрешения урегулированного правового спора.

Во-вторых, термин «приведение в исполнение» используется в Конвенции. При этом если «признание» потенциально осуществимо в любом случае, приведение медиатив-

¹ Такое восприятие «признания» возможно, если абстрагироваться от специфики судебных актов, взяв за основу понимание «признания иностранных судебных актов», предложенное Р. В. Зайцевым [Зайцев 2005: 8].

ного соглашения в исполнение» может быть допустимым не всегда и зависеть от содержания этого соглашения и особенностей национальных правовых систем.

Наделение юридическим действием соглашений об урегулировании правового спора позволяет с точки зрения юридической надежности результата преодоления такого конфликта оценивать медиацию как форму устранения правовых споров, равную юрисдикционным формам.

Настоящее юридино-догматическое изучение основных положений Сингапурской конвенции не исчерпывающе и открыто для уточнения. Дальнейшее изучение норм международного договора может осуществляться, в частности, с точки зрения национальной юридической догматики. При этом предложенная мыслительная схема, думается, может быть основой дальнейшего изучения, во-первых, положений данного международного договора и, во-вторых, иных форм права, предусматривающих наделение юридическим действием медиативных соглашений с иностранным элементом.

Список литературы

Alexander N., Chong S. An Introduction to the Singapore Convention on Mediation – Perspectives from Singapore // *Nederlands-Vlaams tijdschrift voor mediation en conflictmanagement*. 2018. Vol. 22. № 4. P. 37–56.

Banoo S. Scope of Singapore Convention on Mediation Annotated. 2020 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3706847 (дата обращения: 24.08.2023).

Chong S., Steffek F. Enforcement of International Settlement Agreements Resulting from Mediation under the Singapore Convention // *Singapore Academy of Law Journal*. 2019. Vol. 31. Special Issue. P. 448–486.

Schnabel T. The Singapore Convention on Mediation: A Framework for the Cross-Border Recognition and Enforcement of Mediated Settlements // *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*. 2019. Vol. 19. № 1. P. 1–60.

Silvestri E. The Singapore Convention on Mediated Settlement Agreements: a New String to the Bow of International Mediation // *Access to Justice in Eastern Europe*. 2019. № 3. P. 5–11.

Stute D. J., Wansac A. N. The Singapore Convention: Not Much There, There // *ITA in Review*. 2021. Vol. 3. № 1. P. 32–57.

Давыденко Д. Л. Признание и приведение в исполнение за границей медиативных соглашений с иностранным элементом: текущий статус и предложения на перспективу. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3944561 (дата обращения: 24.08.2023).

Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.

Засемкова О. Ф. Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации): от мечты к реальности? // *Lex Russica*. 2019. № 3. С. 60–72. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072.

Конев Д. В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам в Федеративной Республике Германия: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 28 с.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.

Евгений Игоревич Иванов – аспирант, ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ivevgig@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6007-7504

Singapore Convention on Mediation: The Main Provisions

The article dogmatically examines the main rules of law of the Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation. The necessity for such research is determined by the unclear character of certain rules of law, which can complicate this international treaty realization, impeding the usage of mediation in resolving cross-border disputes.

The following aspects of the Convention are considered: object, subject, territorial and temporary effect of the treaty, relations of this instrument with other sources of law, prerequisites and proceedings for exequatur, as well as the legal effects of a mediation agreement. The prerequisites for exequatur are divided into positive ones (substantive and formal) and negative ones (absolute and relative). Proceedings for exequatur are considered from a general aspect (adversarial nature and speed of proceedings) and a special aspect (the issue of parallel applications or claims resolution). The legal effects of a mediation agreement include the preclusion of jurisdictional procedure on a dispute, as well as the possibility of enforcement of an international commercial mediation agreement.

The author believes that a dogmatic examination of the Singapore Convention on Mediation facilitates the international treaty provisions realization and, hence, promotes the mediation usage in the transnational disputes resolution.

Keywords: mediation, mediated settlement agreements, commercial relations, recognition and enforcement, exequatur, Singapore Convention

Recommended citation

Ivanov E. I. Singapurskaya konvencsiya o mediatsii: osnovnye polozheniya [Singapore Convention on Mediation: The Main Provisions], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 27–34, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_27.

References

Alexander N., Chong S. An Introduction to the Singapore Convention on Mediation – Perspectives from Singapore, *Nederlands-Vlaams tijdschrift voor mediation en conflictmanagement*, 2018, vol. 22, no. 4, pp. 37–56.

Banoo S. *Scope of Singapore Convention on Mediation Annotated*, 2020, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3706847 (accessed: 24.08.2023).

Cherdantsev A. F. *Tolkovanie prava i dogovora* [The Interpretation of Law and Contract], Moscow, Unity-Dana, 2003, 381 p.

Chong S., Steffek F. Enforcement of International Settlement Agreements Resulting from Mediation under the Singapore Convention, *Singapore Academy of Law Journal*, 2019, vol. 31, special iss., pp. 448–486.

Davydenko D. L. *Priznanie i privedenie v ispolnenie za granitsei mediativnykh soglashenii s inostrannym elementom: tekushchii status i predlozheniya na perspektivu* [Recognition and Enforcement abroad of Mediation Agreements with a Foreign Element: Current Status and

Proposals for the Future], 2021, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3944561 (accessed: 24.08.2023).

Konev D. V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh sudebnykh aktov po grazhdanskim i togovym delam v Federativnoi Respublike Germaniya: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters in the Federal Republic of Germany: Legal Comparative Analysis]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekatherinburg, 2008, 28 p.

Schnabel T. The Singapore Convention on Mediation: A Framework for the Cross-Border Recognition and Enforcement of Mediated Settlements, *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 1–60.

Silvestri E. The Singapore Convention on Mediated Settlement Agreements: a New String to the Bow of International Mediation, *Access to Justice in Eastern Europe*, 2019, no. 3, pp. 5–11.

Stute D. J., Wansac A. N. The Singapore Convention: Not Much There, There, *ITA in Review*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 32–57.

Zaitsev R. V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh aktov* [Recognition and Enforcement Foreign Judgments in Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2005, 28 p.

Zasemkova O. F. Singapurskaya konventsiya o privedenii v ispolnenie mirovykh soglashenii, dostignutykh v rezul'tate posrednichestva (mediatsii): ot mechty k real'nosti? [The Singapore Convention on Enforcement of Mediated Settlement Agreements (Mediation): from Dream to Reality?], *Lex Russica*, 2019, no. 3, pp. 60–72, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072.

Evgenii Ivanov – postgraduate student, teaching assistant of Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ivevgig@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6007-7504

Дата поступления в редакцию / Received: 30.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 05.09.2023

Д. А. Гаврин
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТЫ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Одна из черт криптовалюты – анонимный характер существования такого имущества в цифровом пространстве, поэтому арбитражные управляющие сталкиваются с проблемой поиска и обращения взыскания на криптовалюту. Автор предлагает способы решения указанной проблемы исходя из тенденций практики, анализа пользовательских соглашений ведущих биржевых площадок, нормативно-правовых подходов, применяемых в иностранных государствах.

Обращается внимание на вопрос о механизмах охраны пользователей трейдинговых платформ и криптовалютных бирж от несанкционированных действий третьих лиц, а также на взаимодействие государственных, в частности правозащитных, органов с указанными платформами. Анализируется рынок криптовалютных бирж, выступающих в роли площадок для оборота цифровых финансовых активов. Путем сравнения пользовательских соглашений, предлагаемых биржами, выявляется тенденция к их сотрудничеству с судебными и административными учреждениями по вопросам защиты прав кредиторов. Однако есть существенные пробелы в отечественном нормативно-правовом регулировании вопросов взаимодействия публичных органов с биржами в случае возникновения необходимости. В настоящий момент отсутствуют законодательные положения, которые позволили бы активно обращаться к цифровым площадкам для содействия правосудию.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, криптовалютные биржи, пользовательское соглашение, криптовалютный кошелек, цифровая платформа, процедура несостоятельности (банкротства)

Для цитирования

Гаврин Д. А. Особенности обращения взыскания на криптовалюты в процедуре несостоятельности (банкротства) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 35–44. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_35.

УДК 347.736

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_35

XXI век является эпохой информационных технологий и развития виртуального мира. Это подтверждается тем, что все большее количество процессов находит отражение в нематериальном, цифровом поле. Цифровые технологии создают реальность, в которой успешно функционируют новаторские решения. Кроме того, активно обсуждается и инициируется переход к концепции *Industry 4.0*, предполагающей внедрение киберфизических систем в различные сферы жизни человека. Таким образом, киберпростран-

ство заполняется цифровыми аналогами действий человека и вещей, как бы воспроизводя аналог реальному миру.

К вызовам эпохи, в частности, можно отнести появление цифровых активов и отличающейся наибольшей дискуссионностью цифровой валюты. В силу своей новизны цифровые активы представляют большой интерес для научного сообщества. Однако не стоит забывать, что значительный стимулирующий эффект на развитие нормативно-правовой базы в сфере регулирования цифровых ак-

тивов оказали криптоактивы (виртуальные валюты и цифровые токены). Криптоактивы до настоящего времени остаются предметом горячих внутригосударственных и международных дискуссий как экономистов, так и юристов. Говоря об актуальности проблемы нормативно-правового регулирования деятельности бирж и оборота криптоактивов, Банк России отмечает, что при отсутствии соответствующего глобального регулирования таких цифровых денежных суррогатов, как криптовалюта и стейблкоины, могут усилиться тенденции к их использованию в расчетах вместо национальных валют и значительному распространению в мире¹.

Криптовалюта служит прообразом цифровой валюты, а практика «эмиссии», учета и обращения криптовалюты служит эмпирическим материалом для адаптации правовой модели регулирования цифровой валюты в экономике. Цифровая валюта, получившая «прописку» в Законе о цифровых финансовых активах, будучи наделена экономическими и техническими признаками, также оставляет много вопросов в части правовой регламентации. Данные вопросы находятся на стыке экономических, технических и правовых процессов.

Вместе с тем рынок криптоактивов развивается стремительно путем хаотичного формирования финансового сегмента [Кожевина 2020]. Поэтому вероятность предугадать развитие событий и, более того, опередить становление цифрового рынка представляется сегодня небольшой. Стоит отметить, Российская Федерация занимает второе место по количеству криптовалютных трейдеров², входя в десятку лидеров среди государств по количеству операций, проводимых на криптовалютных биржах [Цареградская 2021: 33]. Это означает, что правовое регулирование всех вопросов, касающихся оборота, реализации цифровых активов и обращения взыскания на них, должно совершенствоваться.

Практика совершения криптовалютных операций позволила обнаружить различные

проблемы регулирования не только в публично-правовых, но и в частноправовых отношениях. Так, трудности вызывает выявление криптовалюты среди преступно полученных ценностей порядком обращения взыскания на криптоактивы. Так или иначе данные вопросы связаны с публично-правовой сферой деятельности. Но прежде всего целями совершенствования нормативно-правовых основ являются защита прав и свобод граждан, а также укрепление экономической безопасности государства.

Криптовалюта в ходе длительных судебных «баталий» и нормативно-правового закрепления цифровой валюты обрела характеристику имущества, подлежащего включению в конкурсную массу в процедуре несостоятельности (банкротства). Данный факт порождает дискуссии о порядке совершения сделок и обращения взыскания на виртуальный объект, обладающий уникальными характеристиками.

Затруднительным представляется определение правового статуса сделок с криптовалютами. Различные государства придерживаются своих подходов. К примеру, Китай запрещает проведение сделок и оборот криптовалют на своей территории, в связи с этим инвесторам приходится пересекать границы государства с целью реализации цифровых активов. В Японии криптовалюта имеет легальный статус, более того, для проведения виртуальных платежей там используются специальные POS-терминалы, через которые можно производить расчеты с отдельными продавцами, в кафе, барах и т. п. [Цифровое право 2020: 359]. Опыт Германии в данном вопросе более обширен. Еще с 2013 г. наблюдается тенденция к определению криптовалюты как основанного на договоре альтернативного способа оплаты [Печегин 2019: 23]. Так, принимая во внимание решение ЕСПЧ от 22 октября 2015 г. по делу *Skatteverket v. David Hedqvist* (С-264/14), стоит выделить выдвинутый И. А. Цинделиани и Л. Б. Нигматулиной тезис о возможности оплаты товара или услуги криптовалютами [Цинделиани, Нигматулина 2018]. В США криптоактивы в разных штатах рассматриваются по-разному: как деньги, как собственность и как биржевые товары.

Великобритания выступает в качестве лидера криптовалютной интеграции и является наиболее благоприятной юрисдикцией для

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. 2022 // URL: onfr_2023-2025.pdf (дата обращения: 16.02.2023).

² Исследование: Россия заняла второе место в мире по количеству криптовалютных трейдеров. 2018 // URL: <https://forklog.com/issledovanie-rossiya-zanyala-vtoroe-mesto-v-mire-po-kolichestvu-kriptovalyutnyh-trejderov/> (дата обращения: 16.02.2023).

криптовалютного бизнеса [Долгиева 2018: 118]. Участники криптовалютных отношений имеют возможность обратиться в Управление по финансовому регулированию и контролю Великобритании с целью получения консультаций в сфере их деятельности¹.

Экономические процессы в виде формирования финансового рынка криптоактивов оказывают существенное влияние на легализацию оборота цифровых активов, придавая этому процессу междисциплинарный характер. Добавляет сложности в обращении взыскания на криптовалюту и вопрос применимого права, поскольку глобализация «стирает» территориальные границы в отношениях, а значит, устанавливает для них особые правила.

Нельзя не отметить и то, что сложность правовой регламентации цифровых финансовых активов, придания им юридического статуса, а также обращения взыскания на них связана с наличием у таких объектов ряда особенностей. Прежде всего цифровые активы характеризуются анонимностью. Криптоактивы являются конфиденциальными объектами, поэтому обывателю довольно сложно определить владельца активов. Существует мнение о том, что криптография была изначально создана как наука обеспечения конфиденциальности [Chohan 2017: 9]. В частности, с целью обеспечения анонимности криптоактивы размещаются в распределительной компьютерной сети при помощи ЭВМ, т. е. в особой цифровой среде.

Несмотря на анонимный характер размещения, криптовалюта обладает имущественной ценностью, может выступать в качестве предмета правоотношений, а лицо, являющееся собственником, вправе владеть, пользоваться и распоряжаться криптоактивами по своему усмотрению. Поэтому справедливо отметить, что криптовалюта представляет экономическую значимость для кредиторов, а следовательно, не может быть самовольно исключена из состава конкурсной массы, иначе это нарушит права кредиторов в конкурсном производстве, предоставляя должнику возможность существенно уменьшить размер конкурсной массы путем исключения высоколиквидных активов. Следует отметить, что немецкое законодательство регла-

ментирует возможность обращения взыскания на криптоактивы, а также наделяет их статусом объектов деликтной ответственности [Kuhlmann 2014: 694].

Но все же в связи с данной особенностью цифровых активов в процедуре несостоятельности (банкротства) могут возникнуть сложности при определении принадлежности криптовалюты, хранящейся в блокчейне, должнику. Блокчейн представляет собой распределенные реестры без центрального администратора, так называемый алгоритм с децентрализованным хранилищем данных, в котором участники не знают друг о друге [Брой 2021: 16]. Проводя аналогию с банковской картой, можно указать следующее: денежные средства хранятся на банковском счете, криптовалюта – в блокчейне; банковская карта представляет собой ключ к деньгам, который идентифицирует владельца денежных средств, криптовалютный кошелек – место хранения секретного ключа для доступа к криптовалюте. Следовательно, для того чтобы обратиться взыскание на криптоактивы, необходима информация о криптокошельке, рассматриваемом в качестве технического средства доступа. Сложность заключается в том, что криптокошелек может быть «горячим» (если имеет постоянный доступ к Интернету), а может быть «холодным» (если имеет физическую форму). Но так или иначе при обращении взыскания необходимо будет получить данные о наличии или отсутствии криптоактивов.

Выделим несколько способов для получения соответствующей информации. Во-первых, арбитражный управляющий в силах самостоятельно запросить данные у должника. В этом случае следует надеяться на добросовестность должника, но так или иначе подобные случаи есть в судебной практике². Во-вторых, арбитражный управляющий с санкции суда может получить доступ к электронным перепискам должника с целью обнаружения сведений о наличии криптовалюты. Кроме того, при обнаружении информации в переписке принадлежность криптоактивов должнику можно доказать посредством осмотра веб-страниц, принадлежащих бирже, на которой создан аккаунт и открыт

¹ FCA Innovation Hub // URL: <https://www.fca.org.uk/firms/innovation> (дата обращения: 16.02.2023).

² См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017.

счет. Однако данный вариант вызывает сложности тем, что криптобирж довольно много. Также указанная процедура должна проводиться через нотариуса или специалистов, занимающихся фиксацией цифровой информации. В-третьих, перечисление, вывод криптовалют и иные операции с ними, как и с другими цифровыми финансовыми активами, так или иначе оставляют след. Для поиска и анализа соответствующих «зацепок» можно обратиться к выпискам по банковским счетам: одним из признаков операций с криптоактивами будет являться конвертация таких активов в фиатные деньги. В подобном случае активы могут утратить свойство анонимности, поскольку получателя можно идентифицировать с помощью данных, указанных в банковском счете. Следовательно, поиск криптоактивов среди имущества – это один из этапов обращения взыскания.

Для того чтобы прийти к безоговорочному выводу о наличии у должника цифровых активов, необходимо их идентифицировать и сопоставить с личностью должника. Поскольку криптовалюты представляют собой цифровое имущество, то справедливо обратиться к трактовке термина «идентификация» в информационных компьютерных технологиях. Под идентификацией понимается объявление зарегистрированного имени пользователя. Затем происходит аутентификация – отождествление предмета с самим собой. Если субъект успешно прошел идентификацию, аутентификацию и непосредственно авторизацию, то он является владельцем цифровых активов. Если арбитражному управляющему не удастся самостоятельно идентифицировать принадлежность криптовалюты должнику, то можно получить содействие судебных органов, например при взаимодействии с криптовалютной биржей.

Еще одна особенность криптоактивов – их нематериальный характер. Оборот криптовалют происходит посредством использования специальной площадки – криптовалютной биржи. Стоит отметить, что криптовалюты являются высокорискованным активом, и обычный гражданин может не знать всех тонкостей и нюансов формирования рынка. Вследствие этого криптовалютная биржа в обозримом будущем может рассматриваться в качестве платформы для профессиональ-

ных участников рынка по аналогии с рынком ценных бумаг [Демина, Левонян 2020: 44].

В. С. Белых сравнивает биржу с оптовым рынком, на котором происходит торговля товарами, валютой и прочим по ценам, установленным на основе спроса и предложения [Белых 2020: 2]. Криптовалютные биржи можно также рассматривать в качестве инвестиционного или кастодиального учреждения, подразумевая под этим финансовые учреждения. Стоит отметить, что кастодиальные учреждения по своей сути являются учреждениями, которые в большей части своих средств владеют финансовыми активами в интересах других лиц [Агеев 2021: 55]. Для осуществления деятельности криптовалютной бирже необходимо получить специальную банковскую лицензию¹ на осуществление определенных коммерческих действий. Следовательно, криптовалютные биржи являют собой инновационные структуры, отвечающие требованиям современности.

Криптовалютные биржи представляют особый интерес в рамках взаимодействия с судами. В качестве примера можно привести прецедент, который сложился в США. Налоговая служба США (IRS) обратилась в Федеральный суд Калифорнии с целью истребования информации об американских пользователях криптовалютной платформы *Coinbase*². В результате *Coinbase* был выдан судебный приказ предоставить информацию о 8,9 млн транзакций и 14 335 аккаунтах, а также документы, касающиеся доступа к учетным записям третьих лиц, переписку между пользователями и администраторами цифровой платформы, справки-счета и выписки о движении средств. При проведении процедуры несостоятельности (банкротства) возможно получение информации от операторов электронных кошельков. Ввиду того что на бирже происходит обмен криптоактивами, представляется возможным отследить информацию о движении криптовалют от одного собственника к другому. К тому же имеются основания

¹ Статья 9 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «Об организованных торгах».

² Суд обязал *Coinbase* раскрыть информацию об американских пользователях в пользу IRS. 2019 // URL: <https://internationalwealth.info/office/court-persuade-biggest-bitcoin-platform-to-share-info-on-users-from-usa/> (дата обращения: 20.02.2023).

полагать, что должник посредством вывода имущества в нематериальное пространство и дальнейшего оборота такого имущества на бирже может поставить под угрозу интересы кредиторов и нарушить законодательство. Соответственно биржи являются участниками в отношениях по обращению взыскания на криптовалюту, которая для целей законодательства о несостоятельности может быть признана имуществом¹.

В цифровом поле представлены биржи двух видов: децентрализованные и централизованные биржи, осуществляющие торговлю цифровыми валютами и их обмен на другие активы, в том числе национальные валюты и иные цифровые активы. На децентрализованной бирже происходит обмен активами посредством публикации продавцом объявления о количестве и стоимости криптоактивов, покупатель выбирает подходящее предложение и переводит средства продавцу, взамен получает определенное количество криптомонет. Централизованная биржа представляет собой онлайн-платформу, которая является посредником между продавцом и покупателем и взимает комиссию за проводимые на платформе операции.

Сегодня количество криптовалютных бирж исчисляется сотнями, у каждой из них имеются свои плюсы и минусы. Одни биржи привлекательны за счет удобного интерфейса, другие популярны ввиду разнообразного количества валютных пар, третьи отличаются расширенными настройками безопасности, четвертые могут предложить расширенный функционал, множество инструментов технического и графического анализа. Однако при выборе биржи особое внимание следует обратить на то, где зарегистрирована биржа в качестве площадки, на которой осуществляются торговля цифровой валютой и ее обмен. Также стоит учесть право, которое применяется при разрешении конфликтных ситуаций.

В начале сотрудничества с трейдинговыми биржами потенциальным участникам рынка предоставляется право ознакомиться с пользовательским соглашением, так называемым правилом игры, которым руководствуется та или иная площадка. В соответствии с положениями этого соглашения устанавли-

¹ Абзац 37 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; п. 4 ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

ваются границы ответственности каждой из сторон, а также оговариваются условия взаимодействия со сторонними элементами. Особый интерес представляют варианты взаимодействия криптовалютных бирж, которые в настоящий момент находятся вне комплексного правового регулирования, с государственными органами.

По данным сайта *CoinMarketCap* (ранжирует и оценивает криптобиржи на основе трафика, ликвидности, объемов торгов), лидером рейтинга лучших криптовалютных бирж по суточному объему торгов является *Binance*². Многие пользователи и исследователи отмечают, что в плане взаимодействия с государственными и правительственными

Поиск криптоактивов среди имущества – это один из этапов обращения взыскания

органами *Binance* находится в первых рядах³. Действительно, *Binance* опубликовала условия и создала соответствующий портал для постановлений о замораживании и раскрытии информации⁴. Подобные обращения к криптовалютной бирже возможны в судебных разбирательствах, в частности в ходе процедуры несостоятельности (банкротства), в случае выявления мошеннических действий в отношении криптоактивов и т. д. Однако вынести постановление о замораживании и раскрытии информации можно только на основании судебного решения.

К примеру, арбитражный управляющий не сможет обратиться к бирже с просьбой заморозить криптокошелек или предоставить ключ доступа к криптоактивам без надлежащего соблюдения процедуры и без обращения к суду. Для того чтобы отправить запрос о вынесении постановления о раскрытии информации, требуется заполнить

² Топ-100 криптовалюты по рыночной капитализации // URL: <https://coinmarketcap.com/ru/> (дата обращения: 13.02.2023).

³ Практические приемы розыска цифровых активов и криптовалюты должника арбитражным управляющим. 2022 // URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/24/prakticheskie_priemy_rozyska_cifrovyyh_aktivov_i_kriptovalyuty_dolzhnika_arbitrazhnym_upravlyayuschim (дата обращения: 16.02.2023).

⁴ *Binance Legal* // URL: <https://www.binance.com/ru/binance-legal> (дата обращения: 16.02.2023).

соответствующую форму. В ней должны быть указаны данные о составителе запроса (в качестве такового может выступать арбитражный управляющий), данные для связи с ним, реквизиты дела, судебный акт, на основании которого подано обращение с запросом информации, страна вынесения решения, суд, вынесший постановление, а также дата продолжения слушания в присутствии обеих сторон. С целью идентификации пользователя, имеющего в своей собственности криптоактивы, стоит указать имя владельца, адрес его электронной почты, который привязан к учетной записи на криптобирже, а также данные UID, если таковые известны.

Таким образом, *Binance* предлагает порядок действий арбитражного управляющего в процедуре несостоятельности (банкротства) относительно раскрытия информации о пользователе криптовалютной биржи. При этом в указанных правилах отмечается, что биржа имеет право возражать против юрисдикции суда, который направил соответствующее постановление. Стоит отметить, что холдинговая компания *Binance* зарегистрирована на Каймановых островах, но лицензии и регистрации имеет во многих государствах (Франция, Италия, Казахстан, Бахрейн, Япония, Канада, США и т. д.¹). 17 февраля 2022 г. блокчейн-экосистема *Binance* объявила о вступлении в Ассоциацию банков России с целью обеспечения диалога с федеральными органами власти, законодателями, экспертами в сфере цифровых финансовых активов и цифровых валют.

Особый интерес вызывает прецедент², созданный Высоким судом Лондона. Судебным решением криптовалютной бирже *Binance* было постановлено выявить хакеров и заблокировать их учетные записи. Данное судебное решение показало, что криптовалютные биржи можно привлекать к исполнению постановлений правозащитных органов. При этом представители *Binance* отметили важность оказания помощи и содействия в восстановлении активов пострадавшего от

мошеннических действий лица. Таким образом, судебная система может бороться с мошенничеством на криптовалютных платформах, привлекая к содействию саму платформу. Возможно, в ближайшем будущем такая практика найдет применение в судебных системах многих государств.

Наряду с *Binance* в число лидеров трейдинговых платформ входит криптовалютная биржа МЕХС. В ее пользовательском соглашении тоже указана возможность передачи информации о пользователях и торговых записей, представленных владельцем криптоактивов, в ответ на запросы государственных ведомств, в том числе судебных и административных. Также МЕХС имеет право предоставить правообладателю необходимую информацию о зарегистрированном на платформе лице в случае, если такое лицо будет выступать в качестве подозреваемого в нарушении прав интеллектуальной собственности или других законов³. При этом биржа также «ограждает» себя от необоснованных требований блокировки и заморозки аккаунтов и кошельков путем указания на то, что просьба о необходимости принятия соответствующих мер должна исходить от суда и излагаться в соответствующей форме – в форме судебного решения. Преимущество заключается в том, что биржа предоставляет правоохранительным органам руководство, в котором отражена последовательность действий по запросу информации.

Запрос правоохранительных органов может быть направлен после получения доступа к глобальной системе онлайн-запросов правоохранительных органов МЕХС (LEORS). Каждый запрос на доступ обрабатывается в течение трех рабочих дней. В запросе указываются официальные реквизиты и средства связи с правоохранительными органами; для идентификации платежей владельца криптоактивов необходимо указать TXID, адрес кошелька, идентификатор платежа.

Однако, в отличие от *Binance*, МЕХС императивно избирает в качестве юрисдикции Республику Сингапур, в которой компания зарегистрирована. МЕХС безоговорочно за-

¹ Licenses, Registrations and Other Legal Matters // URL: <https://www.binance.com/en/legal/licenses> (дата обращения: 16.02.2023).

² London Court Orders Binance to Trace Cryptocurrency Hackers. 2021 // URL: <https://www.reuters.com/technology/london-court-orders-binance-trace-cryptocurrency-hackers-2021-08-13/> (дата обращения: 16.02.2023).

³ Пункт 7 Пользовательского соглашения и Политики конфиденциальности МЕХС Global от 7 июня 2021 г. (URL: <https://www.mexc.com/ru-RU/terms> (дата обращения: 16.02.2023).

являет о возможности обращения исключительно в суд указанного государства вне зависимости от категории и существа спора¹. Данное положение применяется в случае наличия состава преступления. Однако в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) МЕХС может оказать государственным органам содействие в рамках уже начатого судебного разбирательства.

Криптовалютная биржа *Huobi* также признает безоговорочную юрисдикцию государства, в котором была зарегистрирована. Любые требования, иски и претензии должны быть разрешены исключительно в соответствии с законодательством Республики Сейшельские Острова². Отличием такой биржи является то, что в Пользовательском соглашении отсутствуют положения о взаимодействии биржи с государственными структурами по вопросам защиты и охраны прав пользователей и третьих лиц. Указано лишь, что криптобиржа снимает с себя ответственность перед пользователями за невозможность предоставления услуг, вызванную распоряжениями судебных или административных органов³. Однако это, скорее, связано с прекращением деятельности биржи в случае вынесения соответствующего решения. Следовательно, биржа не оказывает органам правосудия содействия в предоставлении данных о владельцах криптоактивов, движении криптовалюты, а также не в силах реализовать обеспечительные меры в случае противоправных действий.

В качестве еще одной криптовалютной биржи, занимающей лидирующие позиции, можно выделить биржу *Bingx*. Она предпочитает сотрудничать с правоохранительными органами по всему миру, в частности наделяя себя правом арестовывать, замораживать, блокировать счета и средства пользователей, обозначенных в предписаниях суда или находящихся под следствием⁴. Кроме того, в слу-

чае если аккаунт пользователя является предметом правительственного судебного разбирательства, уголовного расследования или другого незавершенного судебного процесса, это может стать основанием для прекращения взаимодействия аккаунта пользователя и *Bingx*.

Информация, предоставляемая пользователем при регистрации на бирже, хранится в течение пяти лет после деактивации аккаунта. Для регистрации *Bingx* просит пользователей указать полное имя, адрес электронной почты, контактные данные, номер телефона, имя пользователя, данные государственного удостоверения личности, дату рождения. Следовательно, при обращении государственных органов с просьбой о содействии в рамках судебного дела можно указать именно такую информацию, с помощью которой личность и криптокошельки будут идентифицированы.

Таким образом, несмотря на то что криптовалютные биржи представляют собой сложноорганизованные непрозрачные структуры, с учетом политики ведущих криптобирж можно говорить о начале сотрудничества представителей цифрового мира с государственными органами. К тому же с компетентными органами иностранных государств и юрисдикций заключены международные договоры межведомственного характера по финансовому мониторингу. Это, например, Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Агентством по финансовому надзору (Каймановы Острова) о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 4 июня 2014 г.; Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Бюро по сообщениям о подозрительных операциях (Сингапур) о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 22 июня 2010 г.; Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Подразделением финансовой разведки (Республика

¹ Пункт 23 Пользовательского соглашения и Политики конфиденциальности МЕХС Global.

² Раздел XIX Пользовательского соглашения *Huobi* (URL: <https://www.huobi.com/ru-ru/about/agreement/> (дата обращения: 17.02.2023)).

³ Пункт 8.3 Пользовательского соглашения *Huobi*.

⁴ Пункты 5.2, 11, 13 Пользовательского соглашения *Bingx* от 5 декабря 2022 г. (URL: <https://support.bingx.com/hc/ru/articles/360033286474-%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 17.02.2023)).

Сейшельские Острова) о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 4 июня 2014 г. Целью содействия является пресечение противоправных действий.

Для того чтобы получить информацию о транзакциях, о наличии криптоактивов у должника в рамках процедуры банкротства, один из вариантов действий – направить запрос в криптовалютную биржу посредством использования сайта. Для каждой биржи информация, позволяющая идентифицировать запрашиваемого пользователя, своя, но тем не менее сводится к персональным данным.

Однако как таковые последовательность, порядок действий криптовалютных бирж не определены, а значит, в каждой ситуации вопрос будет решаться индивидуально. Перед законодателем должна стоять цель восполнить сложившийся пробел конкретными нормами, определяющими алгоритм действий и сроки при взаимодействии с трейдинговыми платформами, в частности с криптовалютными биржами.

Сегодня порядок действий арбитражных управляющих может выглядеть так:

1) выявление и анализ имущества должника, в том числе получение сведений о наличии или отсутствии цифровых финансовых активов в собственности. Включает в себя следующее:

добровольное раскрытие должником информации о цифровых финансовых активах, имеющихся в собственности;

получение арбитражным управляющим (с санкции суда) доступа к электронным перепискам с целью выявления данных о цифровых активах;

анализ банковских операций, которые могут свидетельствовать о наличии крупных инвестиций должника в криптовалюту. Установ-

лению банковских счетов, даже в том случае, если должник скрыл их, способствуют факты привязки номеров мобильных телефонов, которые находятся в пользовании должника, к банковским счетам, в том числе открытым на имя третьих лиц. Номер мобильного телефона – средство доступа, с помощью которого банк производит идентификацию и аутентификацию владельца счета. Непосредственное использование должником номера телефона дает возможность осуществлять операции по счетам¹;

2) взаимодействие с криптовалютными биржами; инициирование запросов судебных и государственных органов в адрес криптовалютных бирж с целью выявления информации о криптовалюте, имеющейся в собственности должника, а также операций по такому имуществу;

3) передача арбитражному управляющему криптовалюты при содействии органов нотариата: должник лично передает полные данные для доступа к криптокошельку и присутствует в нотариальной конторе при входе в аккаунт. Итогом передачи доступа выступают составление и подписание передаточного акта²;

4) реализация криптоактивов через торги с открытой формой представления предложений о цене в форме открытого аукциона посредством публичного предложения по продаже имущества должника. По результатам торгов передача криптовалюты происходит путем заключения договора купли-продажи. Такой подход апробирован правоприменительной практикой³.

¹ Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 2 августа 2021 г. по делу № А07-14712/2016.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2019 г. № 09АП-17044/2019.

³ Определение Арбитражного суда Пермского края от 15 сентября 2021 г. по делу № А50-6372/2018.

Список литературы

Chohan U. W. Cryptoanarchism and Cryptocurrencies. 2017 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3079241 (дата обращения: 16.02.2023).

Kuhlmann N. Bitcoins Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen Wahrung // *Computer und Recht*. 2014. Vol. 30. № 10. P. 691–696.

Агеев С. С. Криптовалютные счета как предмет автоматического обмена информацией по налоговым вопросам // *Банковское право*. 2021. № 6. С. 51–58. DOI: 10.18572/1812–3945-2021-6-51-58.

Белых В. С. Правовое регулирование деятельности криптовалютных бирж // Юрист. 2020. № 7. С. 2–7. DOI: 10.18572/1812–3929-2020-7-2-7.

Брой Ш. У. Регулирование блокчейн-проектов, основанных на технологии распределенного реестра // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 14–21. DOI: 10.17803/2618–8198.2021.14.4.014–021.

Демина А. М., Левонян Л. А. Защита прав на криптобирже: опыт Российской Федерации и Японии // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 1. С. 42–45.

Долгиева М. М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. 2018. № 10. С. 116–129. DOI: 10.17803/1729–5920.2018.143.10.116–129.

Кожевина О. В. Цифровизация и финансово-правовые риски криптовалютного бизнеса // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике / под ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2020. С. 230–243.

Печегин Д. А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 21–33.

Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 16–23.

Цифровое право: учеб. / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

Денис Александрович Гаврин – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-2964-1341

Peculiarities of Levy Execution of Cryptocurrencies in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings

One of the characteristic features of cryptocurrency is the anonymous nature of such assets in the digital space. Therefore, bankruptcy trustees face the problem of search and levy of execution of cryptocurrency. The author proposes ways of solving this problem based on trends in practice, analysis of user agreements of leading stock exchanges, regulatory approaches of foreign countries.

The article draws attention to the issue of mechanisms to protect users of trading platforms and cryptocurrency exchanges from unauthorized actions of third parties, as well as interaction of government, in particular human rights bodies with these platforms. The author analyzes the market of cryptocurrency exchanges, which act as platforms for circulation of digital financial assets. The study and comparison of user agreements offered by exchanges reveals, that they tend to cooperate with judicial and administrative institutions on the protection of creditors' rights. However, it is worth noting the significant gaps in Russia's legal regulation of the interaction of public authorities with exchanges when the need arises. At the moment, there are no legal provisions that would allow the active recourse to digital platforms to promote justice.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, cryptocurrency exchanges, user agreement, cryptocurrency wallet, digital platform, insolvency (bankruptcy) procedure

Recommended citation

Gavrin D. A. Osobennosti obrashcheniya vzyiskaniya na kriptovalyuty v protsedure nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Peculiarities of Levy Execution of Cryptocurrencies in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 35–44, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_35.

References

Ageev S. S. Kriptovalyutnye scheta kak predmet avtomaticheskogo obmena informatsiei po nalogovym voprosam [Cryptocurrency Accounts as a Subject of Automatic Exchange of Information on Tax Issues], *Bankovskoe pravo*, 2021, no. 6, pp. 51–58, DOI: 10.18572/1812–3945-2021-6-51-58.

Belykh V. S. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti kriptovalyutnykh birzh [Legal Regulation of Cryptocurrency Exchanges], *Yurist*, 2020, no. 7, pp. 2–7, DOI: 10.18572/1812–3929-2020-7-2-7.

Blazheev V. V., Egorova M. A. (eds.) *Tsifrovoye pravo* [Digital Law], Moscow, Prospekt, 2020, 640 p.

Broi Sh. U. Regulirovanie blokchein-proektov, osnovannykh na tekhnologii raspredelennoy reestra [Regulation of Blockchain Projects Based on Distributed Registry Technology], *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, 2021, no. 4, pp. 14–21, DOI: 10.17803/2618–8198.2021.14.4.014–021.

Chohan U. W. *Cryptoanarchism and Cryptocurrencies*, 2017, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3079241 (accessed: 16.02.2023).

Demina A. M., Levonyan L. A. Zashchita prav na kriptobirzhe: opyt Rossiiskoi Federatsii i Yaponii [Protection of Rights on the Crypto Exchange: the Experience of the Russian Federation and Japan], *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»*, 2020, no. 1, pp. 42–45.

Dolgieva M. M. Zarubezhnyi opyt pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere oborota kriptovalyuty [Foreign Experience of Legal Regulation of Transactions in the Sphere of Cryptocurrency Turnover], *Lex Russica*, 2018, no. 10, pp. 116–129, DOI: 10.17803/1729–5920.2018.143.10.116–129.

Kozhevina O. V. *Tsifrovizatsiya i finansovo-pravovyye riski kriptovalyutnogo biznesa* [Digitalization and Financial Legal Risks of Cryptocurrency Business], Vaipan V. A., Egorova M. A. (eds.) *Problemy garmonizatsii ekonomicheskikh otnoshenii i prava v tsifrovoi ekonomike* [Problems of Harmonization of Economic Relations and Law in the Digital Economy], Moscow, Yustitsinform, 2020, pp. 230–243.

Kuhlmann N. Bitcoins Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen Wahrung, *Computer und Recht*, 2014, vol. 30, no. 10, pp. 691–696.

Pechegin D. A. K voprosu o pravovom regulirovanii kriptovalyut v Germanii [On the Issue of Legal Regulation of Cryptocurrencies in Germany], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2019, no. 6, pp. 21–33.

Tsaregradskaya Yu. K. Kriptovalyuta, tsifrovyye finansovyye aktivyy, tsifrovyye prava: terminologicheskoye mnogoobrazie v protsesse formirovaniya pravovoi deistvitel'nosti [Cryptocurrency, Digital Financial Assets, Digital Rights: Terminological Diversity in the Process of Legal Efficiency Formation], *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, 2021, no. 2, pp. 32–38.

Tsindeliani I. A., Nigmatulina L. B. Kriptovalyuta kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya [Cryptocurrency as an Object of Civil and Financial Regulation], *Finansovoye pravo*, 2018, no. 7, pp. 16–23.

Denis Gavrin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of business law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-2964-1341

Дата поступления в редакцию / Received: 10.05.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2023

О. А. Авдеева

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ОТ АМОРФНОГО АРХЕТИПА К СИНТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Несмотря на важность права на здоровье, ему, как и многим другим правам, закрепленным Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, до настоящего времени уделялось относительно мало внимания. Это привело к отсутствию концептуальной ясности в признании права на здоровье как права человека.

В статье рассматривается право на здоровье в системе соответствующих положений международных универсальных и региональных актов, посвященных правам человека, а также устанавливаются сфера применения и содержание права на здоровье. Проводится исторический анализ развития международного правового регулирования этого права. Автор исследует концепции, определения и принципы, закрепленные в международных документах, практику Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Европейского Суда по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов, их влияние на разработку международного правового режима, регулирующего право на здоровье. Сделан вывод о том, что до конца XX в. право на здоровье оставалось нечетко определенным понятием, однако за последние годы была проведена значительная работа по выявлению его аспектов. В настоящее время право на здоровье стало одним из ключевых прав человека, присущих каждому просто в силу его человеческого достоинства. Оно закреплено в различных универсальных и региональных международных договорах, и его осуществление является основой для защиты и осуществления других прав человека.

Ключевые слова: международное право, право на здоровье, права человека, право на наивысший достижимый уровень здоровья, содержание права на здоровье, основополагающие предпосылки здоровья

Для цитирования

Авдеева О. А. Право на здоровье в международном праве: от аморфного архетипа к синтетической концепции // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 45–52. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_45.

УДК 341.1/8

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_45

Право на здоровье долгое время считалось слишком расплывчатым, чтобы служить основой для контролируемого и обеспеченного закрепленной нормой права [Alston 1987: 334]. Д. Фидлер называл право на здоровье неопределенной концепцией, такой, что никто на самом деле не уверен, что она означает [Fidler 1999]. Право на здоровье признавали слишком широким правом, сферу действия которого трудно точно определить [Toebe 1999].

С первых лет истории человечества принимались различные меры, направленные на обеспечение здоровья человека. В Средней Азии создавались лазареты, в Древней Греции – асклепионы и т. п. Системы очистки воды и канализации, возникшие ранее, чем за 2000 лет до нашей эры, были созданы именно с целью обеспечения гигиены и здоровья жителей [Rosen 2015]. Однако здравоохранение на протяжении веков оставалось обязанностью семей, частных благотворительных

и религиозных организаций, а не государства. Функционирующей системы здравоохранения не было. Концепция здравоохранения как элемента системы государства в значительной степени развилась лишь в XIX в., когда возникла необходимость в международном сотрудничестве в области здравоохранения.

Первым шагом к созданию международных механизмов контроля над инфекционными заболеваниями послужила Парижская санитарная конференция 1851 г., по результатам которой был разработан регламент предотвращения распространения чумы в морских портах и на приграничных территориях. В 1851–1938 гг. было проведено четырнадцать конференций по вопросам международной охраны границ от заноса особо опасных эпидемий (чума, холера, желтая лихорадка). На протяжении долгого времени неосведомленность о причинах эпидемических болезней представляла собой серьезную преграду для достижения международного соглашения, однако к 1892 г. на Седьмой конференции уже были установлены возбудители холеры, а на Десятой – определена причина распространения чумы.

По результатам Одиннадцатой конференции в Париже в 1903 г. была подписана Международная санитарная конвенция, которая кодифицировала наработки прошлых лет и устанавливала карантинные требования. Это была первая конвенция, устанавливающая профилактические процедуры по борьбе с инфекционными заболеваниями и закрепляющая намерения государств-участников создать международное санитарное учреждение. В 1907 г. в Риме было подписано соглашение о создании Международного бюро общественной гигиены (далее – Бюро) [Норман 1976]. Существует мнение о том, что роль Бюро заключалась в продвижении права на здоровье на международном уровне [Laugen 2011: 74]. Однако мандат Бюро ограничивался распространением среди государств информации о состоянии общественного здравоохранения, в частности об инфекционных заболеваниях. Это объясняется тем, что в начале XX в. создание международных механизмов в области общественного здравоохранения не было мотивировано идеей права на здоровье как неотъемлемого права человека [Tobin 2012]. Их создание было обусловлено, скорее, необходимостью защиты границ ев-

ропейских государств от инфекционных заболеваний.

Учреждение Организации Объединенных Наций в 1945 г. способствовало тому, что здоровье как право каждого человека стало привлекать больше внимания. Международно-правовые нормы, определившие характер и объем права на здоровье, содержатся в Уставе ООН, согласно которому Организация Объединенных Наций и все ее органы предназначены для содействия разрешению глобальных проблем в области здравоохранения и обеспечения всеобщего уважения и соблюдения прав человека¹. Этот важный шаг помог выявить суть и значимость права на здоровье, заложив прочные основы для его защиты и содействия его реализации в интересах всего человечества. Прямая связь с разрешением международных проблем в сфере здравоохранения проливает свет на значимость медицины как критического фактора в достижении мира и обеспечении безопасности на мировом уровне [Tobin 2012].

Для продвижения упомянутых целей в 1946 г. на международной конференции по здравоохранению в Нью-Йорке была учреждена Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в качестве специализированного органа ООН².

В Уставе ВОЗ дается широкое определение здоровья как состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствия болезней и физических дефектов. Определение подверглось критике за то, что оно является слишком широким, чтобы быть эффективным, поскольку государство не может гарантировать полное физическое, душевное и социальное благополучие каждому гражданину [Boyle 1997]. В частности, точное значение, объем и содержание понятия «благополучие» до сих пор остаются неопределенными, не были отражены в документе и впоследствии не были уточнены в практике ВОЗ. Представляется, что термин «благополучие» в контексте права на здоровье невозможно толковать как «право быть абсолютно здоровым» для каждого че-

¹ Устав Организации Объединенных Наций: принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (с изм. и доп. от 20 декабря 1971 г.).

² Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1>.

ловека, находящегося под юрисдикцией определенного государства.

В соответствии со ст. 25 (1) Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на такой уровень жизни, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его и его семьи. Таким образом, в Декларации признается необходимость учета очень широкого перечня прав и гарантий, которые нужны для достижения достаточного уровня жизни. Здесь возникает вопрос: что является достаточным для здоровья? На данный вопрос можно ответить, если рассматривать положения Всеобщей декларации в контексте иных международных договоров по правам человека, которые впоследствии предусмотрели более конкретные положения, разъясняющие содержание права на здоровье.

Статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – МПЭСКП), как считают некоторые исследователи, содержит самую полную и окончательную концепцию права на здоровье [Gostin, Meier 2020]. Закрепление обязательства признавать право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, которое получило отражение также в Конвенции о правах ребенка, Африканской хартии прав человека и народов, Сан-Сальвадорском протоколе и иных документах, непременно подчеркивает универсальное значение права каждого человека на наивысший уровень здоровья, а также укрепляет его значимость в различных международных нормативных актах. Это согласуется с принципами, заложенными во Всеобщей декларации прав человека, и подчеркивает важность обеспечения физического и психического благополучия всех людей независимо от их национальности, вероисповедания или социального положения. Важно отметить, что право «каждого» на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья усиливает недискриминационный характер права на здоровье и необходимость защиты уязвимых групп населения, включая расовые меньшинства, женщин, детей, мигрантов и беженцев. Однако формулировки в МПЭСКП, как и во Всеобщей декларации,

очень расплывчаты и допускают множество различных толкований [Riedel 2020: 108].

В сентябре 1978 г. на Международной конференции по первичной медико-санитарной помощи была принята Алма-Атинская декларация. Особое внимание в ней уделяется первичной медико-санитарной помощи, профилактическим мерам, социальной справедливости и необходимости участия общества в медико-санитарном обеспечении.

Несмотря на историческую важность Алма-Атинской декларации, она также сталкивалась с критикой и ограничениями в реализации. В ряде стран все еще существует неравенство в доступе к медицинским услугам и здравоохранению, поскольку эффективность исполнения международно-правовых норм зависит от усилий государств в рамках национальной юрисдикции [Безбородов, Халафян 2022]. И хотя в Алма-Атинской декларации содержатся призывы к социальной справедливости, некоторые государства испытывают и будут испытывать трудности с реализацией концепций декларации вследствие их чрезмерно идеалистичной природы [Takahashi 2016].

В 2000 г. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) раскрыл содержание права на здоровье в Замечании общего порядка № 14, где, помимо права на охрану здоровья, обратил внимание на «широкий спектр социально-экономических факторов, позволяющих создать условия для здоровой жизни»¹. К таким факторам, в частности, относятся качественное питание, условия труда, жилище, окружающая среда, доступ к воде и гигиена. Комитет в широком смысле интерпретировал право на здоровье, не только включая в него доступ к своевременному и качественному медицинскому обслуживанию, но и уделяя внимание социально-экономическим факторам, способствующим поддержанию здоровья человека (основополагающие предпосылки здоровья). Такой всесторонний подход к определению права на здоровье демонстрирует понимание того, что медицинское обслуживание является

¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000): Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). 11 августа 2000 г., E/C.12/2000/4.

лишь частью системы здравоохранения, и включение основополагающих предпосылок здоровья в правовую интерпретацию отражает важность профилактики и общего благополучия населения.

Из изложенного следует, что право на здоровье охватывает два ключевых элемента.

Первый элемент – право каждого человека на доступ к медицинскому обслуживанию, т. е. к необходимым средствам и услугам для диагностики, лечения и профилактики заболеваний на протяжении всей его жизни. Следовательно, право на доступ к действующей системе здравоохранения гарантируется отдельным лицам и группам лиц, обеспечивая равные возможности для достижения наивысшего уровня здоровья. В связи с этим подп. «с» п. 2 ст. 12 МПЭСКП обязывает государства принимать необходимые меры для профилактики, лечения и контроля эпидемических, эндемических, профессиональных и других заболеваний.

Право на здоровье должно учитывать право на доступ к различным объектам, товарам, услугам и условиям, которые являются необходимыми для достижения наивысшего уровня здоровья

В осуществлении права на здоровье фундаментальную роль играют профилактика и лечение заболеваний. Под профилактикой понимается необходимость функционирования профилактических программ и просвещения относительно инфекционных заболеваний, передающихся половым путем, включая ВИЧ / СПИД¹. Лечение заболеваний предполагает сотрудничество государств при возникновении несчастных случаев, эпидемий и схожих угроз здоровью, а также обеспечение помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях².

Второй элемент права на здоровье охватывает основополагающие предпосылки здоровья, такие как доступ к безопасной питьевой воде и адекватным санитарным услугам, питание и жилье, безопасные условия труда

¹ Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 3 (2003): ВИЧ / СПИД и права ребенка: принято 17 марта 2003 г.

² Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000).

и здоровая окружающая среда, доступ к просвещению и информации, связанной со здоровьем.

Некоторые из представленных факторов формируют важные взаимосвязи с другими гарантированными правами человека (доступ к качественной медицинской помощи, право на чистую питьевую воду, на питание и пищевую безопасность, жилище и адекватные условия проживания, образование и доступ к информации о здоровье). В этом отношении право на здоровье тесно взаимосвязано с реализацией новых прав человека [Безбородов, Халафян 2022: 15], включая право на питание, жилище, труд и образование. Следовательно, право на здоровье должно учитывать право на доступ к различным объектам, товарам, услугам и условиям, которые являются необходимыми для достижения наивысшего уровня здоровья, как это было определено в международных документах [Ssenyonjo 2018].

Регламентация права на здоровье также получила развитие на региональном уровне. Так, п. 1 ст. 11 Европейской социальной хартии³ понимается как требующий от государств сделать общедоступными средства системы здравоохранения для обеспечения надлежащего медицинского обслуживания всего населения, а также меры по охране здоровья матерей и детей⁴. В последних заключениях Комитет уделяет особое внимание принятым государствами мерам по охране репродуктивного здоровья женщин и девочек, а также регулярно запрашивает статистическую информацию о ранней беременности и детской смертности.

Пункт 2 ст. 11 Хартии понимается как требование обеспечивать адекватную систему просвещения, а п. 3 закрепляет необходимость внедрения системы вакцинации для предупреждения некоторых заболеваний. В пересмотренной Хартии 1996 г. добавлено положение о предотвращении несчастных случаев, что создает для государств-участ-

³ Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в Страсбурге 3 мая 1996 г.; ратифицирована Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ. Документ прекратил действие в отношении России 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

⁴ European Committee of Social Rights. Conclusions 2021 – Slovenia – Article 11-1. № 2021/def/SVN/11/1/EN // URL: <https://hudoc.esc.coe.int/eng/?i=2021/def/SVN/11/1/EN> (дата обращения: 25.07.2023).

ников обязательство следовать политике предотвращения несчастных случаев, но при этом, по мнению Комитета, каждое государство имеет свободу усмотрения в выборе принимаемых мер [Абашидзе, Ручка 2014: 9]. В целом обязательство государств в соответствии со ст. 11 подразумевает реализацию в различных областях весьма значительного количества мер, представляющих собой политику здравоохранения в полном смысле этого слова и направленных как на предупреждение, так и на лечение заболеваний. В Хартии сделан акцент на трех обязательствах государств в различных, но связанных между собой областях: устранение причин нарушения здоровья, информирование, просвещение и профилактика болезней и несчастных случаев. Исходя из практики Комитета сюда относятся предупреждение распространения ВИЧ / СПИД, загрязнения воздуха выхлопными газами транспортных средств¹, защита населения от воздействия асбеста.

Отличительной особенностью Европейской социальной хартии (пересмотренной в 1996 г.) является формулировка, предусматривающая «право на охрану здоровья». Кроме того, юрисдикция *ratione personae* ограничена гражданами государств-участников, а значит, «право на охрану здоровья» не распространяется на «каждого человека», находящегося под юрисдикцией государства. Данный стандарт представляется более низким, нежели универсальная и региональная системы защиты прав человека, которые гарантируют право на здоровье «каждому человеку».

Африканская система защиты прав человека придает особое значение праву на здоровье, устанавливая широкий спектр обязанностей государств в этой области. В частности, государства обязаны предоставлять не только базовые услуги, такие как обеспечение безопасной питьевой водой и электричеством, но и доступ к лекарствам². Соответственно, неспособность государства предоставить основные услуги, необходимые для обеспечения минимальных стандартов здоровья, признается нарушением права на

здоровье. Важно отметить, что Африканская хартия уделяет внимание не только праву на физическое здоровье, но и другим правам (например, право на доступ к лекарствам), что отражает комплексный подход к обеспечению здоровья и благополучия на континенте, а также особые вызовы, с которыми сталкиваются страны Африки в области обеспечения здравоохранения. Кроме того, проблема загрязнения и деградации окружающей среды рассматривалась Африканской комиссией. Так, правительство Нигерии принимало непосредственное участие в добыче нефти через государственную нефтяную компанию *Nigerian National Petroleum Company* (NNPC). Проведение нефтедобывающих работ привело к ухудшению состояния окружающей среды и, как следствие, к проблемам со здоровьем у населения. Комиссия заключила, что Нигерия нарушила гарантию права на здоровье³.

Вопрос взаимосвязи права на окружающую среду с правом на здоровье также был предметом рассмотрения в Европейском Суде по правам человека (далее – ЕСПЧ). Европейская конвенция по правам человека 1950 г. (далее – ЕКПЧ) заслуженно признается одним из наиболее значимых региональных международных договоров, направленных на защиту прав человека, и отличается от других региональных механизмов благодаря наличию уникального судебного механизма, который играет важную роль в обеспечении соблюдения прав и свобод, закрепленных в ЕКПЧ [Безбородов 2021: 723]. И хотя ЕКПЧ прямо не закрепляет права на здоровье, оно может рассматриваться как часть более общего права на частную жизнь, которое формулируется в п. 1 ст. 8 ЕКПЧ.

Так, в деле «Лопез Остра против Испании» ЕСПЧ постановил, что экологический вред здоровью человека равносителен нарушению права на жилище и частную жизнь. Заявитель, которая проживала вблизи фабрики по переработке отходов кожевенного производства, сопровождавшейся выделением вредных испарений, стала замечать у себя проблемы со здоровьем и была вынуждена покинуть жилище вместе с другими жителями. Суд при рассмотрении жалобы осно-

¹ European Committee of Social Rights. Conclusions 2017 – Russian Federation – Article 11-1. № 2017/def/RUS/11/1/EN // URL: <https://hudoc.esc.coe.int/eng/?i=2017/def/RUS/11/1/EN> (дата обращения: 25.05.2022 г.)

² Free Legal Assistance Group and Others v. Zaire, African Commission on Human and Peoples' Rights, Comm. № 25/89, 47/90, 56/91, 100/93 (1995).

³ The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic and Social Rights v. Nigeria, African Commission on Human and Peoples' Rights, Comm. № 155/96 (2001), para. 54.

ывался на необходимости учитывать позитивные обязательства государств, а также соблюдать справедливый баланс между различными интересами (экономические интересы фабрики и здоровье заявителя как часть права на уважение частной жизни). Кроме того, ЕСПЧ отметил, что «сильное загрязнение окружающей среды может повлиять на благосостояние людей и помешать им пользоваться своим домом настолько, что это отрицательно скажется на их частной и семейной жизни»¹.

В 2021 г. ЕСПЧ также рассмотрел вопрос о допустимости принудительной вакцинации. В деле «Вавржичка и другие против Чешской Республики» заявители утверждали, что было нарушено гарантированное ст. 8 ЕКПЧ право на частную жизнь в связи с привлечением к ответственности за отказ от обязательной вакцинации детей заявителей. ЕСПЧ отметил, что вакцинация имеет большое общественное значение для борьбы с эпидемиями и защиты здоровья населения. Суд также отметил, что государства имеют широкую свободу усмотрения в принятии мер по обеспечению общественного здравоохранения и противодействию заболеваниям. По мнению ЕСПЧ, обязательная вакцинация в данном случае была соответствующей и необходимой мерой в интересах общественного здоровья, а иммунизация от заболеваний осуществляется в интересах ребенка получить наивысший достижимый уровень здоровья. Таким образом, ЕСПЧ признал обязательную вакцинацию соответствующей мерой, необходимой в демократическом обществе².

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 декабря 1994 г. по делу «Лопез Остра против Испании», от 8 июля 2003 г. по делу «Хаттон и другие против Соединенного Королевства», от 29 июня 2004 г. по делу «Морено Гомез против Испании».

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 апреля 2021 г. по делу «Вавржичка и другие против Чешской Республики».

В настоящее время здоровье признается не только правом человека, но и фундаментальным элементом устойчивого развития: практически каждая цель в области устойчивого развития (далее – ЦУР) (повсеместная ликвидация нищеты, ликвидация голода, обеспечение гендерного равенства и другие) предполагает реализацию мер по обеспечению здоровья человека в качестве первоочередной задачи. Здравоохранению посвящена отдельная ЦУР: обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте³.

Хотя право на здоровье, возможно, было особенно расплывчатым понятием до конца XX в., в последние годы была проделана значительная работа по определению контуров этого права. Исторический анализ развития международного правового регулирования права на здоровье показывает, что необходимо постоянно обновлять и совершенствовать правовые нормы и принципы в соответствии с изменяющимися технологиями, этическими ценностями и социальными потребностями. В настоящее время растет понимание того, как выглядит основанный на международном праве прав человека подход к здоровью. Право на здоровье сегодня закреплено в универсальных и региональных международных договорах, признается важность обеспечения доступа к качественному медицинскому обслуживанию, безопасной питьевой воде и другим условиям, способствующим сохранению здоровья. Эффективная реализация права на здоровье оказывает значительное влияние на благополучие и качество жизни людей, а также способность реализовывать другие права человека.

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 (без передачи в главные комитеты (A/70/L.1).

Список литературы

- Alston P.* Out of the Abyss: The Challenges Confronting the New U. N. Committee on Economic, Social and Cultural Rights // *Human Rights Quarterly* 1987. Vol. 9. № 3. P. 332–381.
- Boyle J. M.* The Concept of Health and the Right to Health Care // *Social Thought*. 1997. Vol. 3. P. 5–17.
- Fidler D.* Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. Vol. 7. № 1. P. 191–224.
- Gostin L. O., Meier B. M.* Foundations of Global Health & Human Rights. N. Y.: Oxford University Press, 2020. 465 p.

Lauren P. G. *The Evolution of International Human Rights: Visions Seen*. 3rd ed. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. 397 p.

Riedel E. *The Right to Health under the ICESCR: Existing Scope, New Challenges and How to Deal with It* // *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 107–123.

Rosen G. *A History of Public Health*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 370 p.

Ssenyonjo M. *Economic, Social and Cultural Rights*. 2nd ed. Routledge, 2018. 667 p.

Takahashi Y. *Primary Health Care and Universal Health Coverage in Certain International Instruments and the Implementation – The Case of Japan* // *AJWH*. 2016. Vol. 11. P. 477–512.

Tobin J. *The Right to Health in International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 416 p.

Toebes B. *Towards an Improved Understanding of the International Human Right to Health* // *Human Rights Quarterly*. 1999. № 21. P. 661–790.

Абашидзе А. Х., Ручка О. А. Европейская социальная хартия первоначальная и пересмотренная: состояние и перспективы // *Legal Concept*. 2014. № 2. С. 7–16.

Безбородов Ю. С. Теоретико-правовой анализ свободы слова в универсальном и региональном измерении: грани разумного // *Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право*. 2021. Т. 31. № 4. С. 721–728. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728.

Безбородов Ю. С., Халафян Р. М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // *Закон*. 2022. № 8. С. 13–29. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-13-29.

Говард-Джонс Н. *Международные санитарные конференции 1851–1938 гг.: научные и исторические аспекты*. М.: Медицина, 1976. 122 с.

Ольга Алексеевна Авдеева – аспирант кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-3794-086X

The Right to Health in International Law: From an Amorphous Archetype to a Synthetic Conception

Despite its importance, the right to health, as well as other rights enshrined in the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, has received relatively limited attention to date. This has led to a lack of conceptual clarity regarding the recognition of the right to health as a human right.

The article examines the right to health under the relevant provisions of international universal and regional human rights instruments, and establishes the scope and content of the right to health. The historical analysis of the development of international legal regulation of this right is carried out. The author analyzes the concepts, definitions and principles enshrined in international documents, the practice of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights, the European Court of Human Rights and the African Commission on Human and Peoples' Rights, their influence on the development of the international legal regime regulating the right to health. It is concluded that, until the end of the twentieth century, the right to health remained a vaguely defined concept, but in recent years considerable work has been done to identify its aspects. The right to health has now become a key human right, inherent in everyone simply by virtue of their human dignity. It is enshrined in various universal and regional international treaties and its realization is the basis for the protection and realization of other human rights.

Keywords: *right to health, human rights, right to the highest attainable standard of health, content of the right to health, underlying determinants of health*

Recommended citation

Avdeeva O. A. Pravo na zdorov'e v mezhdunarodnom prave: ot amorfnogo arkhetaipa k sinteticheskoi kontseptsii [The Right to Health in International Law: From an Amorphous Archetype to a Synthetic Conception], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 45–52, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_45.

References

Abashidze A. Kh., Ruchka O. A. Evropeiskaya sotsial'naya khartiya pervonachal'naya i peresmotrennaya: sostoyanie i perspektivy [The European Social Charter – Initial and Revised Version: State and Prospects], *Legal Concept*, 2014, no. 2, pp. 7–16.

Alston P. Out of the Abyss: The Challenges Confronting the New U. N. Committee on Economic, Social and Cultural Rights, *Human Rights Quarterly*, 1987, vol. 9, no. 3, pp. 332–381.

Bezborodov Yu. S. Teoretiko-pravovoi analiz svobody slova v universal'nom i regional'nom izmerenii: grani razumnogo [Legal-Theoretical Analysis of Freedom of Speech in the Universal and Regional Dimension: the Edge of Reason], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 721–728, DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728.

Bezborodov Yu. S., Khalafyan R. M. Mezhdunarodnoe pravo i mirovoi pravoporyadok: deval'vatsiya ili transformatsiya? [International Law and World Law-And-Order: Devaluation or Transformation?], *Zakon*, 2022, no. 8, pp. 13–29, DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-13-29.

Boyle J. M. The Concept of Health and the Right to Health Care, *Social Thought*, 1997, vol. 3, pp. 5–17.

Fidler D. Neither Science Nor Shamans: Globalization of Markets and Health in the Developing World, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 1999, vol. 7, no. 1, pp. 191–224.

Gostin L. O., Meier B. M. *Foundations of Global Health & Human Rights*, New York, Oxford University Press, 2020, 465 p.

Howard-Jones N. *Mezhdunarodnye sanitarnye konferentsii 1851–1938 gg. Nauchnye i istoricheskie aspekty* [The Scientific Background of the International Sanitary Conferences 1851–1938. Scientific and Historical Aspects], Moscow, Medicine, 1976, 122 p.

Lauren P. G. *The Evolution of International Human Rights: Visions Seen*, 3rd ed., Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2011, 397 p.

Riedel E. *The Right to Health under the ICESCR: Existing Scope, New Challenges and How to Deal with It*, A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi (eds.) *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*, Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 107–123.

Rosen G. *A History of Public Health*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2015, 370 p.

Ssenyonjo M. *Economic, Social and Cultural Rights*, 2nd ed., Routledge, 2018, 667 p.

Takahashi Y. Primary Health Care and Universal Health Coverage in Certain International Instruments and the Implementation – The Case of Japan, *AJWH*, 2016, vol. 11, pp. 477–512.

Tobin J. *The Right to Health in International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2012, 416 p.

Toebe B. Towards an Improved Understanding of the International Human Right to Health, *Human Rights Quarterly*, 1999, no. 21, pp. 661–790.

Olga Avdeeva – postgraduate student of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-3794-086X

Дата поступления в редакцию / Received: 07.09.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.10.2023

А. В. Дьячкова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург),

О. В. Соболев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург),

И. В. Птухина

Национальный исследовательский университет ИТМО
(Санкт-Петербург)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

С появлением госпабликов и возможности привязки аккаунтов в соцсетях к аккаунтам на «Госуслугах» расширяется круг вопросов, которые связаны с обеспечением безопасной и полноценной социальной жизни и которые государству необходимо решить. Цели статьи – поиск вариантов решения типичных проблем в отдельных сферах социальной жизни в цифровой среде, а также выработки механизмов обеспечения правовой безопасности социальной жизни в неформальной цифровой среде в условиях имеющихся законодательных пробелов.

Выявлено, что при использовании цифровых сервисов безопасность становится одной из их важных характеристик, которые наряду с функционалом и информационным контентом имеют многовекторное влияние на статус человека, его мировоззрение, на репутацию сервиса, на общее доверие к нему пользователей. Авторами было обосновано, что к правовому регулированию обеспечения безопасности социальной жизни в период цифровой трансформации следует относить не только защиту персональных данных, но и, что более важно, правовую защиту суверенной цифровой среды, обеспечение кибербезопасности в социальных сетях, контроль над информацией и формирование цифровых прав человека.

Ключевые слова: неформальная цифровая среда, социальная жизнь, цифровая трансформация, социальная безопасность, правила поведения в социальных сетях, правовая защита суверенной цифровой среды, цифровые права человека

Для цитирования

Дьячкова А. В., Соболев О. В., Птухина И. В. Правовые вопросы обеспечения безопасной социальной жизни в неформальной цифровой среде // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 53–63. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_53.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_53

Сегодня цифровая трансформация из названия одноименной государственной программы переросла в неотъемлемую составляющую жизни человека. Теперь она затрагивает все сферы его деятельности, включая социальную жизнь, где появляются новые возможности для развития навыков людей, улучшается качество жизни. Цифровая

трансформация представляет собой многогранный процесс, который имеет множество эффектов и последствий, поэтому он требует, чтобы человек учился грамотно использовать новые технологии и извлекал из них соответствующие преимущества.

Для определения тех отраслей, которые должны входить в структуру социальной

сферы, обратимся к законодательству. Здесь интересно отметить, что законодательство подробно регламентирует вопросы, касающиеся социальной политики, при этом четкого определения социальной сферы не закрепляет. Анализ ключевых законодательных актов показывает, что до последнего времени создано не так много документов, раскрывающих именно структуру социальной сферы. Новейшим из принятых является Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 189 «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере». В соответствии с данным Законом к отраслям социальной сферы относят образование, здравоохранение, социальную защиту, занятость населения, физическую культуру и спорт, туризм.

Следует признать, что эти области образуют, скорее, формальное пространство, между тем социальная жизнь имеет более широкий охват. В общем смысле под ней понимают одну из основных форм существования общества, затрагивающую как жизнь людей, так и жизнь человека среди них; функционирование и взаимодействие различных сфер жизни общества [Смольников, Смольников 2020: 38–39].

Если понимать социальную жизнь человека, как пишет В. Н. Минина, в качестве систематизированной совокупности отношений, взаимодействия и коммуникаций, которые он поддерживает с другими людьми в рамках общественных институтов [Минина 2020: 92–93], тогда социальная сфера включает все коммуникации и взаимодействие, в том числе организацию досуга, семейные отношения, получение услуг от государства.

Таким образом, в нашем понимании социальную жизнь следует рассматривать как формальную социальную сферу, включающую образование, здравоохранение, социальную защиту, занятость населения, физическую культуру и спорт, туризм, так и неформальную – социальные сети. Отметим, что не всегда формальная и неформальная сферы имеют четкие границы, так как многие образовательные услуги, спорт, туризм и прочее широко представлены в социальных сетях.

Цифровая трансформация в социальной сфере предполагает достижение значительных социальных эффектов от использования цифровых технологий. Вместе с тем в обществе нет гарантии того, что эти эффекты явля-

ются исключительно положительными, а потому процесс цифровой трансформации должен быть управляемым. Здесь также важно учесть, что некоторые негативные эффекты могут не проявиться сразу, иметь латентный характер в данный момент и в перспективе, или же определенные положительные проявления могут нивелироваться другими, в том числе негативными, последствиями. Именно поэтому необходимы оценка социальной жизни человека в контексте правовой безопасности и прогнозируемо-контролируемая корректировка мер государственного регулирования цифровизации социальной сферы.

В связи с этим основные цели статьи – поиск вариантов решения типичных проблем в отдельных сферах социальной жизни в цифровой среде, а также выработка механизмов обеспечения правовой безопасности социальной жизни в неформальной цифровой среде в условиях имеющихся законодательных пробелов.

Исследователи указывают на экономический, психолого-педагогический, социальный и гуманитарный аспекты влияния цифровизации [Беляева, Бургат 2022: 191; Коньков 2020: 49]. Глобальный охват социальной жизни цифровыми сервисами и платформами требует системного правового регулирования для того, чтобы обеспечить права и свободы человека в цифровой среде.

Рассматривая неформальную социальную сферу, отметим, что сегодня социальные сети – это платформа для взаимодействия не только людей и организаций, но и общества с государством. Социальные сети стали перспективным инструментом для общения с гражданами. Так, согласно исследованию ООН «Электронное правительство 2022» около 89 % государств имеют на своих правительственных порталах ссылки на свои социальные сети. «Местные органы власти используют социальные сети для информирования общественности о встречах и консультациях, прямых трансляций пресс-конференций, приглашения пользователей на общественные мероприятия и открытия объектов инфраструктуры, публичных объявлений и ответов на вопросы. Жители также используют страницы в социальных сетях для выражения мнений, беспокойства, жалоб и благодарностей»¹.

¹ Исследование ООН: Электронное правительство 2022 // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-02/UN%20E-Government%20>

С 1 декабря 2022 г. в России все поликлиники, школы, детские сады и другие государственные учреждения имеют официальные страницы в соцсетях – госпаблики. У государственных органов тоже есть такие официальные страницы, где они публикуют информацию о своей деятельности¹.

В развитие данной активности по инициативе Правительства начался эксперимент² по использованию профиля россиян на портале «Госуслуги» для доступа к другим популярным в стране ресурсам. В эксперименте участвуют, в частности, социальные сети и виртуальные доски объявлений. Сейчас уже подключено 1,8 млн человек, которые получают 35 видов уведомлений по разным услугам. С момента запуска сервиса уже более 3 млн уведомлений успешно доставлено гражданам через VK Мессенджер³.

Таким образом, следует признать, что социальная жизнь любого человека активно протекает в неформальной сфере, при этом с появлением госпабликов и возможности привязать аккаунты в соцсетях к аккаунтам на «Госуслугах» расширяется круг вопросов, связанных с обеспечением полноценной социальной жизни и требующих государственного регулирования.

Мы понимаем, что благоприятная и полноценная социальная жизнь означает в первую очередь ее безопасность. При характери-

---

Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

¹ См., например: Госуслуги // URL: <https://vk.com/gosuslugi> (дата обращения: 01.09.2023).

² Постановление Правительства РФ от 27 марта 2021 г. № 453 «О проведении эксперимента по осуществлению идентификации и аутентификации с использованием федеральной государственной информационной системы „Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме“ пользователей социальных сетей, потребителей (заказчиков) и продавцов (исполнителей), иных сторон договоров при использовании ими информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, предоставляющих возможность ознакомиться с предложением о заключении договора купли-продажи товара (выполнения работ, оказания услуг), заключить такой договор, в том числе агрегаторов информации о товарах (услугах), а также пользователей информационных ресурсов поиска сотрудников и работы».

³ Государственные сервисы в социальных сетях // URL: <https://vc.ru/rtlabs/711951-gosudarstvennyye-servisy-v-socialnyh-setyah> (дата обращения: 01.09.2023).

стике безопасности социальной жизни представляется верным придерживаться подхода, примененного О. И. Кашник и А. А. Брызгалиной. У них социальная безопасность связана с совокупностью мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере [Кашник, Брызгалина 2013: 104–105].

Добавим, что при использовании цифровых сервисов в соцсетях гражданами, организациями и государством безопасность этих сервисов становится одной из их важных характеристик, которые наряду с функционалом и информационным контентом имеют многовекторное влияние на статус человека, его мировоззрение, на репутацию сервиса, на общее доверие к нему пользователей. Наряду с тем, что информация стала одним из важнейших факторов развития общества, ее утечка несет в себе определенные риски. Возникает необходимость обеспечить соответствующую степень безопасности [Хрыков 2023], но не только со стороны разработчиков и технических специалистов, поддерживающих стабильную работу сервиса, но и на более высоком уровне – на уровне постановлений и предписаний, исходящих от государства. Целью выступает создание равных условий для конечных пользователей – граждан.

К правовому регулированию обеспечения безопасности социальной жизни человека в период цифровой трансформации следует относить не только защиту персональных данных, но и правовую защиту суверенной цифровой среды, а также обеспечение кибербезопасности в социальных сетях, контроль над информацией и формирование цифровых прав человека.

Социальная жизнь в цифровой среде сопряжена с реализацией значительного числа конституционных прав и свобод человека и гражданина, например права на информацию, тайны переписки, свободы мысли и слова. Более того, благодаря развитию Интернета и реформированию законодательства появилась возможность реализовывать и политические права, например избирательное право⁴ и право собираться мирно [Максимов 2021:

---

⁴ Постановление ЦИК России от 7 июня 2023 г. № 117/927-8 «О проведении дистанционного электронного голосования на выборах, которые должны быть назначены на 10 сентября 2023 года».

30], право на обращение [Зубарев, Сабаева 2019: 12]. Большой толчок цифровизации, безусловно, дала и пандемия COVID-19. В связи с огромным количеством ограничений различные социальные сферы жизни стали функционировать в цифровом (дистанционном) формате. К таким сферам можно отнести: цифровое образование, цифровое искусство, цифровую культуру, цифровую медицину (телемедицину) и пр.

Дальнейшая цифровизация социальной активности требует взвешенных правовых решений и деликатного правового регулирования. В связи с этим вполне справедливым является высказанный Л. Ю. Василевской тезис о том, что в условиях глобальной цифровизации социально-экономических отношений резко возрастает роль права как основного регулятора общественных отношений [Василевская 2020: 105].

**Категория «цифровая среда»
может быть обозначена как совокупность
информационных ресурсов,
созданных субъектами информационной среды
в целях взаимодействия и оказывающих
влияние на формирование личности,
ее предпочтения и поведение**

Перейдем к юридическому осмыслению категории «цифровая среда». В рамках государственной программы «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» реализуется федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»¹. Плановый период реализации данного проекта – 1 ноября 2018 г. – 31 декабря 2024 г., задачи его реализации главным образом связаны с применением цифровых способов идентификации личности, с защитой персональных данных и с электронным документооборотом в публично-правовой сфере. Условно говоря, основной акцент реализации проекта сделан на выработку механизма правового регулирования официального (публично-правового) поведения гражданина в цифровой среде.

Вероятно, будет ошибкой рассматривать цифровую среду исключительно в контексте

государственно-управленческих отношений, учитывая глубину внедрения цифровизации в жизнедеятельность человека. Ключевая роль в цифровой трансформации общества принадлежит среде, сформировавшейся благодаря Интернету. Он стал фундаментом для организации других форм взаимодействия, с которыми сталкиваются люди, осуществляющие свою деятельность в сети.

Легальное определение понятия «цифровая среда» на текущий момент в законодательстве отсутствует. Однако некоторые ученые отождествляют данное понятие с категорией «информационное пространство», определение которой установлено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы². Информационное пространство рассматривается как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры» [Богатырев 2021].

По нашему мнению, отождествление понятий «цифровая среда» и «информационное пространство» не является удачным в силу того, что информационное пространство рассматривается в контексте технологического (отчасти инструментального) описания цифрового взаимодействия субъектов, в то время как цифровая среда определяет место личности в системе этого взаимодействия. Из этого следует, что суть термина «цифровая среда» предпочтительнее раскрывать путем использования по аналогии понятия «социальная среда».

По мнению С. И. Петровой, «социальная среда представляет собой сложную систему факторов, оказывающих влияние на формирование личности, ее предпочтения и поведение» [Петрова 2016: 251]. Следовательно, категория «цифровая среда» может быть обозначена как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной среды в целях взаимодействия и оказывающих влияние на формирование личности, ее предпочтения и поведение. Таким образом, все цифровые данные и информация о человеке собираются и анализируются, в связи

¹ Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»: утв. Минэкономразвития России (документ опубликован не был).

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

с чем и формируется его реальный цифровой статус личности.

Стоит отметить, что этот статус может формироваться по действиям, отслеживаемым по цифровым следам, а именно по активности в социальных сетях, онлайн-покупкам, поисковым запросам, поведению в Интернете и др. То есть целесообразно устанавливать цифровые следы не по количеству поданных в государственные органы электронных обращений, как было принято ранее, а по активности человека в социальных сетях, так как это стало неотъемлемой частью его социальной жизни. Но не стоит забывать, что использование цифрового статуса личности вызывает вопросы о приватности и этике, пределах вмешательства в сферу частной жизни граждан. Сбор, хранение и использование личных данных должны происходить с согласия личности, а также с учетом законодательства о защите данных и приватности [Ризаев, Хаккулов 2023].

Совершенно справедлив вывод социологов о том, что «широкое включение социальных сетей в жизнь современного человека начинает приводить к замене традиционных агентов социализации» [Марокова, Басинова 2012]. Форсированный переход к повсеместному использованию цифровых технологий стал предпосылкой для формирования «цифрового общества» ввиду происходящих изменений в способах построения социальных связей [Андреевская 2020: 408]. Если раньше преимущественными агентами были субъекты и объекты, принадлежащие реальному миру, то сейчас наблюдается массовая смена ориентиров на цифровых агентов из социальных сетей, что значительно увеличивает время нахождения пользователей там.

Однако не стоит забывать, что все эти преобразования возлагают на человека огромную ответственность не потерять свой статус как в цифровой среде, так и в реальном мире и не потратить свое время впустую. Возникает и вопрос о зависимости человека от цифровых технологий: при закономерном увеличении количества форматов коммуникаций за счет различных социальных сетей и мобильных приложений зарождается все больше дискуссий о качестве такого вида общения и его возможном воздействии на поведение человека в реальном мире [Демидкина, Вишневецкий 2022: 4, 13].

По подсчетам экспертов, сегодня человек в среднем проводит около семи часов в социальных сетях ежедневно. Время, потраченное на социальные сети, составляет около 40 % времени бодрствования человека¹. Социальные сети благодаря своему широкому функционалу становятся одним из центральных элементов цифровой среды. Значение их для целей информационного взаимодействия трудно переоценить. Можно констатировать, что социальные сети стали основной площадкой для формирования лидеров общественного мнения, просвещения, коммуникации и т. д.

Социальные сети позволяют людям оставаться на связи и общаться с друзьями и родственниками, которые находятся на расстоянии. На их базе можно найти единомышленников и узнать необходимую информацию о различных интересных для человека мероприятиях. Социальные сети стали чем-то гораздо большим, нежели просто инструмент общения, как было в самом начале их появления. Для них разрабатывается огромное множество алгоритмов, контролирующих поведение людей и склоняющих их к желаемым результатам, например к покупке, к подписке или к распространению контента.

Хотя может показаться, что для пользователей соцсети и стали более персонализированными, но на самом деле они стали более навязчивыми для получения определенного контроля над мнениями людей (это и травля в соцсетях, и распространение фейковых новостей, и различные виды пропаганды). Мнение складывается неоднозначное, но если пользоваться соцсетями по их прямому назначению, сложившемуся исторически, или в силу необходимости по работе, но при этом вести себя корректно и уважительно (соблюдать цифровую этику), то инструмент это полезный, как и среда для взаимодействия [Этика и «цифра» 2021]. Вместе с тем меры наказания за противоправные действия в соцсетях сейчас ужесточаются из-за участившихся правонарушений.

Несмотря на значимость и популярность социальных сетей, в отечественном правовом порядке отсутствует базовый закон, который бы мог обеспечивать их надлежащее и на-

¹ Выжить в «инфомясорубке»: как соцсети «крадут» нашу жизнь и можно ли это остановить? // URL: <https://mir24.tv/articles/16448403/vyzhit-v-infomyasorubke-kak-socseti-kradut-nashu-zhizn-i-mozhno-li-eto-ostanovit> (дата обращения: 07.08.2023).

дежное правовое регулирование. Правовой основой для регулирования деятельности социальных сетей условно можно назвать положения ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ряд подзаконных актов¹. Если обратить внимание на содержание указанных источников, то можно заметить, что законодательное регулирование в области социальных сетей главным образом сосредоточено на охранительных, а не на регулятивных аспектах. Это проявляется в том, что на законодательном уровне установлены запреты и ограничения по обороту информации в социальных сетях, а также формы государственного контроля-надзора за владельцами и пользователями социальных сетей, но при этом недостаточно регламентированы принципы использования социальных сетей, нет организационного и технического стандарта их использования.

Международные гарантии правовой защиты установлены, в частности, в Конвенции ООН 1981 г. о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ), Европейской конвенции о порядке использования персональных данных полицией 2001 г. Согласно ст. 8 Конвенции ООН 1981 г. любому лицу должна быть предоставлена возможность прибегать к средствам правовой защиты в случае невыполнения просьбы о подтверждении или в случае необходимости предоставления данных, их изменения или уничтожения.

Кроме того, в пользу вывода об охранительном уклоне регулирования говорит и

¹ См., например: приказы Роскомнадзора от 2 апреля 2021 г. № 47 «Об утверждении требований к форме, составу и размещению ежегодных отчетов о результатах рассмотрения обращений, поданных с использованием электронной формы для направления обращений о распространяемой с нарушением закона информации», от 2 апреля 2021 г. № 46 «Об утверждении Критериев определения направляемой в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, состава и порядка направления такой информации», от 12 апреля 2021 г. № 52 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами социальных сетей».

значительное количество составов административных правонарушений для владельцев социальных сетей, которые были введены Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 401-ФЗ. Например, ст. 13.50 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность владельцев социальных сетей за неисполнение обязанности по размещению отчетов, документов, сведений либо за размещение указанных сведений не в полном объеме или размещение недостоверных сведений; за неисполнение обязанности по мониторингу социальной сети или принятию мер по ограничению доступа к информации. Статья 19.7.10-4 предусматривает ответственность за неисполнение предписания Роскомнадзора об осуществлении мониторинга социальной сети в целях выявления информации, схожей до степени смешения с информацией, меры по удалению которой владелец данной или иной социальной сети обязан принимать на основании ранее направленного требования или уведомления Роскомнадзора).

Для нивелирования законодательного дисбаланса, по нашему мнению, необходимо разработать и принять закон о социальных сетях. Справедливости ради стоит отметить, что в 2017 г. в законодательной практике была неудачная попытка принятия закона о правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Однако проект закона не рассматривался Государственной Думой РФ и был возвращен инициаторам в связи с рядом нарушений процедурных норм².

Ряд авторов видит необходимость принятия закона о социальных сетях в том, чтобы закрепить легальное определение понятия «социальная сеть» [Жильцов, Чердаков, Куликов 2020: 61]. Однако если обратить внимание на положения ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то можно увидеть, что характерные признаки социальных статей перечислены в ч. 1 данной статьи. Соответственно, определение понятия «социальная сеть» можно установить благодаря указанной норме. Важнейшая задача, которая

² Законопроект № 145507-7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/145507-7> (дата обращения: 10.08.2023).

может быть решена путем принятия отдельного закона о социальных сетях, заключается в том, чтобы выработать принципы деятельности и поведения в социальных сетях, установить общие организационные меры для владельцев социальных сетей.

Стоит отметить, что упорядочение поведения в социальных сетях происходит преимущественно на основании локального регулирования. Согласно ч. 3 ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» владелец социальной сети обязан обеспечить беспрепятственный доступ к правилам пользования социальными сетями. Несмотря на то что правила пользования социальной сетью разрабатываются владельцем сети самостоятельно, законодательно установлен ряд императивных требований, которым подобные правила пользования должны соответствовать.

Умалить значение правил использования социальных сетей не стоит, учитывая то, что ненадлежащее ознакомление с ними может привести к юридическим последствиям. Большинство правил использования социальных сетей презюмируют надлежащее ознакомление с правилами пользования, при условии регистрации в данной социальной сети и постановки «галочки» в форме о том, что лицо ознакомлено с содержанием правил¹. Нарушение правил использования социальных сетей может приводить, в частности, к уголовной², дисциплинарной³, гражданско-правовой⁴ ответственности.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации человек и общество сталкиваются с рядом вызовов, отвечают на них, приспособляются к изменениям. Безусловно, такой процесс не должен проходить бесконтрольно, именно здесь государство должно изменить, дополнить или создать новые правовые регуляторы, обеспечивающие безопасную и полноценную социальную жизнь.

Правовые решения в области безопасной социальной жизни, по нашему мнению, должны касаться следующего.

1. С учетом того, что правила пользования социальной сетью фактически являются центральным документом, который определяет основы регулирования поведения в социальной сети, представляется целесообразной разработка типовых правил, возможно, кодекса поведения в социальных сетях. Важность их разработки объясняется тем, что социальные сети используются не только в благих целях, но и нередко в неправомерных целях, например для цифрового мошенничества, распространения недостоверной информации и пр. Унифицированная форма правил поведения в социальных сетях позволит их владельцам избежать ошибок, которые они допускают при подготовке и разработке правил. Кроме того, механизм реализации идеи по внедрению типовых правил поведения может быть позаимствован у ФНС России и Минюста России в части применения типовых уставов коммерческими⁵ и некоммерческими организациями⁶. Следовательно, типовые правила пользования социальными сетями необходимо разработать и утвердить Минцифры России как федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий.

2. Не менее важной задачей представляется разработка единого регламента проведения мониторинга информационных ресурсов, который осуществляется Роскомнадзором на основании подп. 1 п. 1 ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На текущий момент подобный регламент разработан для мониторинга информационных ресурсов государственных органов и объектов критической инфраструктуры⁷. Отсутствие

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2022 г. № 14-УДП22-1-К1.

² Пункт 40 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г.).

³ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 26 июня 2017 г. по делу № 33-4597/2017; апелляционное определение Самарского областного суда от 24 сентября 2019 г. по делу № 33-11351/2019.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 5-КГ20-49, М-10004763/19.

⁵ Приказ Минэкономразвития России от 1 августа 2018 г. № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

⁶ Приказ Минюста России от 30 июня 2023 г. № 163 «Об утверждении типовых уставов некоммерческих организаций» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

⁷ Приказ ФСБ России от 11 мая 2023 г. № 213 «Об утверждении порядка осуществления мониторинга защищенности информационных ресурсов, принадлежащих федеральным органам исполнительной власти, высшим исполнительным органам государственной

единого регламента создает правовую неопределенность для процедуры проведения мониторинга и тем самым нарушает права владельцев социальных сетей и их пользователей.

3. Наконец, генеральный вектор развития цифровой среды следует ориентировать на создание условий для правовой защиты суверенной цифровой среды. Как показывает опыт последних лет, иностранные социальные сети могут использоваться для деструктивного воздействия на общество¹. В связи с этим государство должно действовать незамедлительно для того, чтобы купировать данное деструктивное воздействие. Для минимизации рисков подобного рода необходимо создавать устойчивые и суверенные ин-

---

власти субъектов Российской Федерации, государственным фондам, государственным корпорациям (компаниям), иным организациям, созданным на основании федеральных законов, стратегическим предприятиям, стратегическим акционерным обществам и системообразующим организациям российской экономики, юридическим лицам, являющимся субъектами критической информационной инфраструктуры Российской Федерации либо используемых ими».

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июня 2022 г. по делу № 33-21933/2022 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35?participants=meta> (дата обращения: 16.08.2023); постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 422 Таганского района Москвы от 17 августа 2023 г. по делу № 05-0853/422/2023 // URL: <https://mos-sud.ru/422/cases/admin/details/ffe67e0-e6a0-4e81-9c40-2c1f92e73676?respondent=Google+LLC&sessionRangeDateFrom=17.08.2023&sessionRangeDateTo=17.08.2023&formType=fullForm> (дата обращения: 17.08.2023).

формационные ресурсы. В целях поддержки развития элементов цифровой среды, в первую очередь социальных сетей, нужно внести изменения в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», дополнив перечень направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций следующим направлением: социальные сети и информационные ресурсы цифровой среды.

Следует сделать вывод о том, что правовое регулирование цифровой среды должно развиваться исходя из следующих принципиальных позиций: свободное взаимодействие людей в социальных сетях, защита суверенного информационного пространства и права на благоприятную цифровую среду. Совокупность этих факторов позволит гражданам обезопасить свои персональные данные, а на глобальном уровне позволит сформировать базис цифровой трансформации в социальной сфере.

Также стоит отметить, что социальная жизнь в цифровой среде стала более разнообразной и доступной, чем раньше. Однако цифровая трансформация отличается двойственностью: с одной стороны, цифровая экономика повышает доступность информации и стимулирует использование инноваций, с другой – значительно повышает угрозы и вызовы со стороны современных цифровых институтов.

Список литературы

Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403–426.

Беляева Е. Р., Бургат В. В. Подходы к определению «цифровизация» // Управленческий учет. 2022. № 6. С. 189–194.

Богатырев К. М. Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 124–134.

Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.

Демидкина О. В., Вишневицкий К. О. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека. 2022 // URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Digest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf?ysclid=ldc109wkzt28758933 (дата обращения: 17.08.2023).

Жильцов Н. А., Чердаков О. И., Куликов С. Б. Право в рамках киберпространства // Юрист. 2020. № 2. 58–65.

Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12–17.

Кашник О. И., Брызгалова А. А. Социальная безопасность: теоретические аспекты // Образование и наука. 2013. № 3. С. 98–110.

Коньков А. Е. Цифровизация политики vs. политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 47–68.

Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 30–38.

Марокова М. В., Басинова З. Е. Роль социальных сетей в социализации молодежи // Система ценностей современного общества. 2012. № 22. С. 258–263.

Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 1. С. 84–101.

Петрова С. И. Социальная среда: проблемы интерпретации // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4. С. 247–251.

Ризаев И. И., Хаккулов Н. К. Влияние цифровой культуры на неприкосновенность жизни человека в обществе. 2023 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53848443_23223092.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

Смольников Н. С., Смольников С. Н. Социальная жизнь общества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 37–45.

Хрыков И. С. Некоторые аспекты социальной безопасности личности // Автономия личности. 2023. № 1. С. 70–74.

Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. Аналитический доклад. 2021 // URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/1_1 (дата обращения: 07.08.2023).

Анна Викторовна Дьячкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: a.v.diachkova@urfu.ru.

ORCID: 0000-0003-4970-1820

Олег Васильевич Соболев – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: sov120192@yandex.ru.

ORCID: 0009-0006-5327-8833

Ирина Викторовна Птухина – магистрант факультета технологического менеджмента и инноваций Национального исследовательского университета ИТМО. 191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 11/2, лит. А. E-mail: ptukhina20@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6506-3793

Legal Issues of Ensuring a Safe Social Life in an Informal Digital Environment

With the advent of state-owned websites and the possibility of linking accounts in social networks and public services, the range of issues that are related to ensuring a safe and full-fledged social life and which the state needs to address is expanding. The article is aimed at finding solutions to typical problems in certain areas of social life in the digital environment, as well as developing mechanisms to ensure the legal security of social life in an informal digital environment in the conditions of existing legislative gaps.

It is revealed that when using digital services, security becomes one of the important characteristics that, along with functionality and information content, have a multi-vector influence:

on a person's status, his worldview, on the reputation of the service, on the general trust of users in it. The authors proved that the legal regulation of ensuring security of social life during the digital transformation should include not only the protection of personal data, but, more importantly, the legal protection of the sovereign digital environment, ensuring cybersecurity in social networks, control over information and the formation of digital human rights.

Keywords: social sphere, social life, digital transformation, informal digital environment, social security, rules of behavior in social networks, legal protection of the sovereign digital environment, digital human rights

Recommended citation

Diachkova A. V., Sobolev O. V., Ptukhina I. V. Pravovye voprosy obespecheniya bezopasnoi sotsial'noi zhizni v neformal'noi tsifrovoi srede [Legal Issues of Ensuring a Safe Social Life in an Informal Digital Environment], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 53–63, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_53.

References

Andreenkova A. V. Tsifrovizatsiya sotsial'nykh kontaktov sredi studencheskoi molodezhi v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa [Digitalization of Social Contacts among Students in Russia during the Coronavirus Pandemic], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 403–426.

Belyaeva E. R., Burgat V. V. Podkhody k opredeleniyu «tsifrovizatsiya» [Approaches to the Definition of «Digitalization»], *Upravlencheskii uchet*, 2022, no. 6, pp. 189–194.

Bogatyrev K. M. Formirovanie chastnoi teorii ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v tselyakh obespecheniya informatsionno-mirovozzrencheskoi bezopasnosti v tsifrovoi srede [Formation of a Private Theory of the Use of Special Knowledge in Order to Ensure Information and Ideological Security in the Digital Environment], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2021, no. 10, pp. 124–134.

Demidkina O. V., Vishnevskii K. O. Tsifrovye tekhnologii i obshchestvo: vliyanie na blagopoluchie i kachestvo zhizni cheloveka [Digital Technologies and Society: Impact on Human Well-Being and Quality of Life], 2022, available at: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf?ysclid=ldc109wkzt28758933 (accessed: 17.08.2023).

Etika i «tsifra»: eticheskie problemy tsifrovyykh tekhnologii. Analiticheskii doklad [Ethics and «Digit»: Ethical Problems of Digital Technologies. Analytical Report], 2021, available at: https://ethics.cdto.ranepa.ru/1_1 (accessed: 07.08.2023).

Kashnik O. I., Bryzgalina A. A. Sotsial'naya bezopasnost': teoreticheskie aspekty [Social Security: Theoretical Aspects], *Obrazovanie i nauka*, 2013, no. 3, pp. 98–110.

Khrykov I. S. Nekotorye aspekty sotsial'noi bezopasnosti lichnosti [Some Aspects of Social Security of the Individual], *Avtonomiya lichnosti*, 2023, no. 1, pp. 70–74.

Kon'kov A. E. Tsifrovizatsiya politiki vs. politika tsifrovizatsii [Digitalization of Politics vs. Policy of Digitalization], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 47–68.

Maksimov A. A. Onlain-miting kak sposob realizatsii politicheskikh prav cheloveka [Online Rally as a Way of Exercising Political Rights], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2021, no. 2, pp. 30–38.

Marokova M. V., Basinova Z. E. Rol' sotsial'nykh setei v sotsializatsii molodezhi [The Role of Social Networks in the Socialization of Youth], *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 2012, no. 22, pp. 258–263.

Minina V. N. Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee sotsial'nye rezul'taty [Digitalization of Higher Education and Its Social Results], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 84–101.

Petrova S. I. Sotsial'naya sreda: problemy interpretatsii [Social Environment: Problems of Interpretation], *Byulleten' nauki i praktiki*, 2016, no. 4, pp. 247–251.

Rizaev I. I., Khakkulov N. K. *Vliyanie tsifrovoi kul'tury na neprikosновенnost' zhizni cheloveka v obshchestve* [The Influence of Digital Culture on the Inviolability of Human Life in Society], 2023, available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53848443_23223092.pdf (accessed: 10.08.2023).

Smol'nikov N. S., Smol'nikov S. N. *Sotsial'naya zhizn' obshchestva* [Social Life of Society], *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 37–45.

Vasilevskaya L. Yu. *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii* [Digitalization of Civil Turnover: Problems and Trends], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2020, no. 6, pp. 105–117.

Zhil'tsov N. A., Cherdakov O. I., Kulikov S. B. *Pravo v ramkakh kiberprostranstva* [Law within Cyberspace], *Yurist*, 2020, no. 2, 58–65.

Zubarev S. M., Sabaeva S. V. *Elektronnye obrashcheniya grazhdan v sisteme obshchestvennogo kontrolya* [Electronic Appeals of Citizens in the System of Public Control], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2019, no. 5, pp. 12–17.

Anna Diachkova – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of economic theory and economic policy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: a.v.diachkova@urfu.ru.

ORCID: 0000-0003-4970-1820

Oleg Sobolev – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: sov120192@yandex.ru.

ORCID: 0009-0006-5327-8833

Irina Ptukhina – master's student of Faculty of technological management and innovations, ITMO University. 191187, Russian Federation, Saint Petersburg, Tchaikovskogo str., 11/2, lit. A. E-mail: ptukhina20@gmail.com.

ORCID: 0009-0002-6506-3793

Дата поступления в редакцию / Received: 13.09.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.10.2023

Д. С. Стенькин, Д. А. Чучадеев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
(Саранск)

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНТРОЛЬНЫХ И НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ)

Авторы анализируют феномены цифровизации и цифровой трансформации органов исполнительной власти, изучают влияние цифровизации на механизмы принятия решений в органах власти. В статье рассматривается нормативная база, регулирующая процессы цифровизации в сфере управления и органах исполнительной власти (на примере контрольных (надзорных) органов); объясняются механизмы цифровизации, а также приводятся актуальные примеры внедрения информационных систем, цифровых сервисов и облачных решений.

Исследуются реформа контрольной (надзорной) деятельности с позиции пятилетнего опыта внедрения цифровых процессов и их влияние на изменение структуры органов власти в связи с появлением новых функций, компетенций и должностей. Рассматриваются преимущества и недостатки цифровизации деятельности контрольных (надзорных) органов. Авторы рассуждают, кроме прочего, об этике применения автоматизированных информационных систем.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, цифровизация, цифровая трансформация, государственная услуга, государственная функция, полномочия, цифровой сервис

Для цитирования

Стенькин Д. С., Чучадеев Д. А. Внедрение цифровых технологий в деятельность органов исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 64–75. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_64.

УДК 342.951

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_64

Для современного демократического государства цифровизация экономики, процессов принятия решений и управления, в частности внедрение цифровых технологий в работу федеральных органов исполнительной власти, означает переход в качественно новую парадигму, обеспечивающую конкурентоспособность государства, улучшение условий жизни человека и общества, рост экономики. Сегодня этот процесс по своей значимости для Российской Федерации можно сравнить, например, с индустриализацией в первой половине XX в.

В России в ходе реформы контрольной (надзорной) деятельности не первый год активно ведутся поиски компромисса между интересами субъектов контроля, бизнеса и интересами государства и общества [Ноздрачев 2017], так как устойчивость всей эко-

номической системы во многом зависит от достижения равновесия в системе «бизнес – общество – государство».

В настоящие дни ведется немало дискуссий о понятии «цифровизация». Его определение закреплено в Разъяснениях (методических рекомендациях) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. приказом Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428) (п. 3). Согласно им цифровизация (цифровое развитие) – это процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. В методических рекомендациях также сказано, что цифровизация предполагает вне-

дрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий. Иначе говоря, подразумеваются полный переход к использованию цифровых технологий и замена печатных форм и печатных документов на цифровые (цифровые и экранные формы документов, цифровые реестровые записи).

Планируемые результаты цифровизации и цифровой трансформации находят отражение в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», а также в соответствующих ведомственных проектах цифровизации и цифровых стандартах. По результатам цифровизации планируется: 1) повысить общую эффективность управления, 2) снизить расходы в рамках проводимой в России административной реформы в целом, 3) улучшить коммуникацию между органами и их структурными подразделениями, 4) усовершенствовать меры сбора данных и обеспечить их шифрование и безопасность, 5) обеспечить большую прозрачность процессов принятия решений, 6) расширить доступ к информации физических и юридических лиц, взаимодействующих с органами исполнительной власти [Пашенцев, Залоило, Иванюк и др. 2019].

Цифровизация направлена не только на федеральные органы исполнительной власти, но и на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Цифровая трансформация региона подразумевает глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий. Цифровая трансформация охватывает не только производственную деятельность, но и организационные структуры компаний и бизнес-модели, а также процессы жизнедеятельности населения¹. Для проведения цифровой трансформации в регионе могут выделяться субсидии из федерального бюджета. Например, для достижения необходимых показателей цифровой зрелости из федерального бюджета предоставляются субсидии в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, связанных с реализацией проектов (мероприятий), направленных

¹ Пункт 6 Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

на становление информационного общества в субъектах Российской Федерации, предусмотренных в государственных программах субъектов Российской Федерации².

Процессы цифровизации и цифровой трансформации в настоящий момент активно проходят во всех субъектах РФ, широко влияя на линейное и функциональное управление в различных сферах правовой политики государства. Например, в 2021 г. А. В. Рябышева и Т. Н. Селентьева исследовали влияние цифровизации на правовую политику в сфере образования: взаимодействие исполнительных органов государственной власти субъектов РФ (на примере Санкт-Петербурга) с подведомственными им общеобразовательными учреждениями. Авторы указанного исследования внимательно изучают государственную информационную систему Санкт-Петербурга

Процессы цифровизации и цифровой трансформации во всех субъектах РФ широко влияют на линейное и функциональное управление в различных сферах правовой политики государства

«Единая система электронного документооборота и делопроизводства исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга», выделяя ее преимущества и недостатки, и предлагают создать региональный электронный портал обмена информацией / документацией между органами исполнительной власти и подведомственными образовательными организациями [Рябышева, Селентьева 2021: 171–172].

Предложенная система видится интересной, однако не совсем целесообразной, если учесть наличие достаточно отлаженной на момент написания статьи государственной системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), ГИС Портал «Цифровой Петербург», ГИС «Система классификаторов Санкт-Петербурга», оператором которых является Комитет по информатизации и связи Санкт-Петербурга.

² Пункт 2 Единых функционально-технических требований по автоматизации видов регионального государственного контроля (надзора) в целях внедрения риск-ориентированного подхода (утв. приказом Минцифры России от 26 января 2021 г. № 29).

По данным консалтингового агентства McKinsey, проводившего в 2018 г. исследование¹ в 50 городах мира, 15 из которых – мегаполисы, Москва занимает первое место в Европе по информированности и использованию инновационных решений. Среди инновационных решений в докладе рассматривались следующие цифровые сервисы: онлайн-заказ такси, электронные государственные услуги, онлайн-регистратура поликлиник и медицинских учреждений, присутствие органов власти и администрации в социальных сетях, система вело- и автопроката, онлайн-сервисы гражданской активности, онлайн-сервисы по сдаче жилья в аренду, сервисы для онлайн-парковки и т. д. Проведенное исследование демонстрирует достаточно высокие показатели в трех ключевых для жителей столицы областях: в сфере транспорта, гражданских инициатив и медицины. Качеством работы заказа такси онлайн довольны 95 % москвичей, это самый высокий показатель в мире. Сервисом пользуются 81 % жителей столицы, причем 85 % вызывают такси через мобильные приложения².

Высокий уровень внедрения цифровых сервисов и рост уровня жизни в целом не могут быть достигнуты без дальнейшей цифровизации органов власти. Например, в 2020 г. в Правительстве Москвы была внедрена автоматизированная информационная система согласования документов (АИС СД). Система создана для разработки и согласования проектов правовых актов Правительства Москвы, расширенный функционал системы позволяет разработать проект НПА в режиме реального времени, разработка текста проектов производится в онлайн-редакторе, а согласование нормативного акта происходит в единой системе в онлайн-формате [Александров 2021: 329]. Сокращение сроков и трудозатрат, а также снижение неэффективных расходов в процессе работы с АИС СД способствует увеличению общей эффектив-

ности деятельности органов исполнительной власти Москвы в области нормотворчества.

1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ), который ввел новые виды контрольных и надзорных мероприятий, обозначил перечень информационных систем, с помощью которых они проводятся. Данный Закон существенно расширяет пределы цифровизации контрольно-надзорной функции органов исполнительной власти. Появляются новые цифровые сервисы для работы и взаимодействия органов исполнительной власти: Единый реестр видов контроля (ЕРВК), Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ), Федеральная государственная информационная система «Реестр обязательных требований» (ФГИС РОТ), Государственная автоматизированная информационная система «Управление», Государственная информационная система «Типовое облачное решение по автоматизации контрольно-надзорной деятельности» (ГИС ТОР КНД) и др. Значительно расширяются пределы таких цифровых «супер-сервисов», как Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), Региональный портал государственных и муниципальных услуг (РПГМУ), ГИС ТОР КНД и др.

Взаимодействие между органами исполнительной власти осуществляется посредством цифрового сервиса «Система межведомственного документооборота» (СМЭВ), а аутентификация пользователей и распределение ролей в цифровых сервисах – посредством Единой системы аутентификации (ЕСИА), которая впервые появилась на Едином портале государственных услуг. Сейчас данная система используется в качестве своеобразного универсального ключа доступа не только ко многим цифровым сервисам (например, ГИС ТОР КНД, Федеральная информационная система «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» (ФИС ФРДО), банковские электронные сервисы, сервисы медицинских учреждений и др.), но и к ресурсам всего электронного правительства Российской Федерации в целом. Появление данной информационной системы обеспечивает простоту и удобство использования множества цифровых сервисов, интегрированных с ней.

¹ Материалы доклада Центра по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice «Инновации в России – неисчерпаемый источник роста» // URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/innovations%20in%20russia/innovations-in-russia-report.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

² Москва – лидер по использованию умных технологий // URL: https://www.cnews.ru/news/line/2018-07-30_moskva_lider_po_ispolzovaniyu_umnyh_tehnologij (дата обращения: 12.10.2023).

В 2021 г. Минэкономразвития России представило Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации. Доклад подготовлен во исполнение ч. 10 ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ и в соответствии с Требованиями к подготовке докладов о видах государственного контроля (надзора), муниципального контроля и сводного доклада о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2041, на основе 10 638 докладов контрольных (надзорных) органов. В указанном докладе говорится, что реформирование контрольной (надзорной) деятельности позволило сократить 95 видов контроля и внести изменения в 132 подзаконных акта о контроле и надзоре. «2021 год в сравнении с 2020 „ковидным“ годом, когда был введен масштабный мораторий на проверки бизнеса, не показал возврата к значительному числу проверок предыдущих лет». Например, в 2019 г. проведены 1,5 млн проверок, а в 2021 г. – уже 741 тыс. Весьма примечателен тот факт, что согласно аналитическим данным экспертов, приведенным в докладе, реформирование контроля и надзора позволило сократить затраты контролируемых субъектов-юридических лиц на общую сумму от 160 до 180 млрд руб., что весьма важно для развития экономики России.

Основным достижением реформирования контрольной (надзорной) деятельности стало применение нового подхода к учету контрольных и надзорных мероприятий. Федеральный закон № 248 вкпе с системой соответствующих подзаконных актов закрепил необходимость использования ряда сквозных информационных систем при проведении контрольных и надзорных мероприятий. Основной информационной системой стал Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий. В нем регистрируется каждое проводимое контрольное мероприятие. В значительной степени ЕРКНМ пришел на смену Единому реестру проверок (ЕРП), существенно повысив уровень цифровизации процессов контроля и надзора. В ЕРКНМ большинство полей заполняется с использованием специальных справочников; с помощью специальных фильтров делается выбор одного из значений. Данные особенности интерфейса информационной системы при-

званы исключить вероятность возникновения ошибок под влиянием человеческого фактора в процессе заполнения форм документов.

Ранее в ЕРП формы текстовых полей заполнялись вручную, что неминуемо приводило к отсутствию структурированности данных. В современных реалиях в ЕРКНМ для каждого контрольного мероприятия формируется уникальный QR-код, который размещается в качестве обязательного реквизита на документе (печатной форме), выпускаемом в ходе проведения контрольного (надзорного) мероприятия. Переход по ссылке из QR-кода позволяет увидеть карточку мероприятия в системе, а также проверить достоверность проводимых контрольных (надзорных) мероприятий, уточнить информацию о самом контрольном (надзорном) мероприятии. Данные нововведения призваны снизить возможность злоупотребления своими полномочиями со стороны сотрудников контрольных и надзорных органов.

Цифровизация контрольной (надзорной) деятельности является ключевым компонентом изменений законодательства в рамках российской административной реформы. Цифровизация позволяет более эффективно использовать ресурсы, повышает точность сбора и анализа данных, а также сокращает общие трудозатраты, улучшает возможности государственных учреждений по осуществлению надзора при одновременном снижении бюджетных и финансовых затрат, связанных с выполнением трудоемких задач вручную. Цифровая трансформация направлена также на то, чтобы обеспечить соблюдение принципов законности и обязательных требований гораздо эффективнее, чем когда-либо прежде, предоставляя инструменты мониторинга в режиме реального времени, которые информируют государственные органы контроля и надзора о выявленных нарушениях.

Выделим конкретные примеры цифровизации в работе органов контрольной и надзорной деятельности. В Московской области и в Москве цифровизация государственного и муниципального земельного контроля, а также государственного жилищного надзора реализована посредством внедрения мобильных приложений «Проверки Подмосковья» [Тихомиров 2018: 92], «Мобильный инспектор», Государственной информационной системы «Платформа контрольной и надзорной деятельности» (далее – ГИС ПКНД).

Перечисленные приложения и информационные системы, по аналогии с ГИС ТОР КНД, имеют ряд функций, которые позволяют осуществлять мониторинг, анализировать риски, а также обеспечивают поддержку при проведении контрольных (надзорных) мероприятий с возможностью использования электронных проверочных листов, геопространственных данных, фотофиксации нарушений, использования дашбордов и удаленного мониторинга проверяемых объектов, а также геолокации инспекторов контрольного (надзорного) органа. Приложение «Мобильный инспектор» интегрировано с ГИС ТОР КНД, ГИС ПКНД и позволяет инспектору контролирующего органа провести контрольное (надзорное) мероприятие с помощью мобильного устройства (специального планшетного компьютера либо смартфона), сформировать печатные формы документов, относящиеся к каждому контрольному (надзорному) мероприятию, по их завершении. Добавим, что большинство контрольных (надзорных) мероприятий в рамках региональных видов контроля осуществляется в ГИС ТОР КНД.

ЕРВК, который был упомянут выше, теперь является основным источником справочников для всех систем контроля и надзора. Согласно Сводному докладу, который цитировался ранее, к концу 2022 г. в ЕРВК было внесено более 20 тыс. карточек видов контроля.

В 2020–2021 гг. завершено формирование законодательной базы контрольной (надзорной) деятельности. В тот же период в системе государственного контроля и надзора стала внедряться система категорий рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям. В результате объем контрольных и надзорных мероприятий в 2021 г. снизился по сравнению с 2019 г. в два раза.

В ГИС ТОР КНД интегрирован механизм досудебного обжалования, который позволяет физическим и юридическим лицам в рамках одной информационной системы обжаловать решения контролирующего органа, а также действия (бездействие) его должностных лиц, дает возможность отслеживать статус жалобы и ход ее рассмотрения, а также предоставлять все необходимые документы дистанционно.

В 2023 г. в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Феде-

рации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» была создана Региональная информационная система легковых такси. В соответствии с данной системой служба заказа легкового такси обязана предоставить федеральному органу исполнительной власти (ФОИВ) в области обеспечения безопасности или его территориальному органу доступ к информационным системам и базам данных, используемым для получения, хранения, обработки и передачи заказов легкового такси, в порядке, который установлен Правительством РФ, а также передавать сведения о перевозках пассажиров и багажа легковым такси, в том числе о местоположении легкового такси и о водителе легкового такси. Внедрение системы призвано повысить безопасность и качество оказания услуг такси, а также унифицировать требования, предъявляемые к таксопарку и водителям такси.

Внедрение цифровых технологий не смогло обойти стороной и сферу государственных услуг. К моменту написания данной статьи в Российской Федерации существует более 200 электронных государственных услуг [Якунина 2022: 52], причем их количество неуклонно растет, что обеспечивает удобство пользования Единым порталом государственных услуг (в том числе комплексных). В соответствии с поручением Президента РФ Правительству РФ и органам власти необходимо обеспечить поэтапный переход к предоставлению абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг для граждан в режиме 24 ч в сутки семь дней в неделю без необходимости личного присутствия граждан до конца 2023 г.¹ В целях реализации данного поручения была утверждена специальная Концепция². Одним из первостепенных условий «цифрового перехода» является безбумажный документообо-

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию: утв. Президентом РФ 2 мая 2021 г. № Пр-753 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524/print/> (дата обращения: 19.09.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 11 апреля 2022 г. № 837-р (в ред. от 24 октября 2022 г.) «О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан».

рот посредством интеграции системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) между МФЦ и ФОИВ. Примером такого перехода можем назвать информационную систему Росреестра «Стопбумага». Ее внедрение призвано обеспечить электронное взаимодействие по защищенным цифровым каналам без использования бумажных форм документов путем коммуникации с МФЦ в процессе предоставления государственной услуги по государственному кадастровому учету недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

В 2022 г. на базе ГИС ТОР КНД была создана система лицензирования. Согласно п. 14 постановления Правительства РФ от 16 июля 2012 г. № 722 «Об утверждении Правил предоставления документов по вопросам лицензирования в форме электронных документов» документы по вопросам лицензирования в форме электронных документов направляются лицензирующим органом заявителю с использованием личного кабинета заявителя на Едином портале государственных услуг или по адресу электронной почты, указанному заявителем, либо иным способом, обеспечивающим подтверждение доставки указанных документов и их получение заявителем.

С принятием постановления Правительства РФ от 31 декабря 2019 г. № 1955 для контролирующих и лицензирующих органов в 2021–2022 гг. была разработана и успешно внедрена Государственная информационная система мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации (упакованной воды, табачной и алкогольной продукции, молочных изделий, парфюмерии и т. д.). ГИС позволяет зарегистрироваться в качестве определенного участника оборота маркированных товаров: производителя или продавца, осуществлять информационное взаимодействие, а также необходимый лицензируемый вид деятельности. В перечне интегрируемых сведений указанной Системы содержится информация о документе, подтверждающем соответствие продукции, информация из кассовых чеков и бланков строгой отчетности, информация о потребителях, выявивших нарушения требований о маркировке, а также информация о привлечении к ответственности лиц за нарушения требований о маркировке. В рамках СМЭВ информацию могут

получить следующие государственные органы исполнительной власти: Минсельхоз РФ, ФНС России, ФТС России, Росалкогольрегулирование, Росаккредитация, Росстат, Роспотребнадзор, Россельхознадзор, ФАС России.

Среди примеров цифровизации предоставления государственных услуг в электронной форме можно выделить создание в 2021–2022 гг. АИС «Информационно-консультационный центр» (АИС ИКЗ). Система предназначена для оказания консульским учреждениям России содействия в совершении отдельных консульских действий для граждан, находящихся за пределами территории РФ. Внедрение АИС ИКЗ осуществляется в целях обеспечения подготовки заявлений и иных документов для последующего получения консульских услуг, посредством информационного консультационного центра на основе создания единой платформы для автоматизированного информационного взаимодействия между заявителями в получении государственных услуг, информационно-консультационным центром и российским загранучреждением: консульским учреждением, генеральным консульством, консульским отделом Посольства РФ в зависимости от ситуации.

В 2022–2023 гг. в субъектах РФ на региональных порталах государственных услуг активно разрабатываются и внедряются новые виды электронных государственных услуг. Пример – цифровые сервисы поддержки участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. Внедрение указанных сервисов позволяет, с одной стороны, повысить качество и удобство оказания поддержки и предоставления социальных гарантий участникам СВО и членам их семей, с другой – снизить уровень социального напряжения.

В настоящий момент развитие государственных услуг в электронной форме выходит на новый уровень. Данный переход обусловливается ростом числа интегрированных приложений, которые сокращают сроки межведомственных запросов и обеспечивают удобство пользователей. Это, например, мобильное приложение для электронной подписи физического лица «ГосКлюч», банковские приложения, цифровые сервисы по предоставлению государственных услуг и др.

Вместе с тем некоторые виды государственных услуг по-прежнему требуют личного присутствия заявителя для подтверждения

получения государственной услуги. Поэтому в рамках реализации программы «Цифровое государственное управление» создана единая биометрическая система, призванная повысить доступность и качество оказания услуг гражданам в электронном виде без дополнительной идентификации личности [Якунина 2022: 52]. Дефиниция биометрических персональных данных впервые была закреплена в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». С 30 декабря 2021 г. единая биометрическая система получила статус государственной информационной системы. В настоящий момент осуществляется ее интеграция с цифровыми сервисами ЕСИА и ЕПГУ.

С одной стороны, использование биометрии для подтверждения получения государственной услуги в электронной форме либо аутентификации к учетной записи ЕПГУ направлено на повышение безопасности и недопущение несанкционированного доступа.

С другой стороны, в обществе все еще наблюдается определенное недоверие к сбору персональных данных и их использованию государством, поскольку человек имеет уникальный набор физиологических характеристик, по которым можно точно идентифицировать его личность [Там же: 53]. Как справедливо полагает П. А. Протасов, в случае если биометрические данные индивида либо коды технической информации, связанные с этими данными, окажутся скомпрометированы, заявитель больше не сможет использовать их для последующей аутентификации в системе и других сервисах [Протасов 2020: 143]. Именно поэтому вопросы доступа к биометрическим персональным данным и работы с ними требуют серьезного внимания и детальной проработки [Важенин, Баженов, 2012].

В октябре 2023 г. в МФЦ Ярославской области был реализован цифровой сервис «ГосQR», который позволяет использовать цифровой профиль гражданина¹. Данный пилотный проект предполагает внедрение на базе ЕСИА новой технологии сбора информации из различных органов исполнительной власти (паспортные данные, сведения

о детях, об имуществе, о браке, о разводах, о смене фамилии, о доходах, о налогах и др.). Суть в том, что на окнах МФЦ размещается уникальный QR-код, единый для конкретного субъекта РФ и конкретного МФЦ. Заявитель при использовании приложения «Госуслуги» на своем мобильном устройстве может отсканировать указанный QR-код, после чего дает согласие на передачу данных своего цифрового профиля в АИС МФЦ. Предполагается, что использование такого цифрового сервиса уменьшит время ожидания и обслуживания в МФЦ, сократит количество возможных ошибок, снизит вероятность отказа для заявителя и повысит достоверность сведений о заявителе в его цифровом профиле.

Обобщая полученные результаты цифровизации, проходящей в органах исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов), можно сделать следующие выводы.

Цифровые технологии трансформируют то, как органы исполнительной власти реализуют свои полномочия. Благодаря цифровизации контрольная и надзорная деятельность может осуществляться более эффективно, государственные услуги становятся более доступными, появляются новые формы правового регулирования. Цифровые технологии также модернизировали процесс реализации полномочий исполнительной власти, изменив способы взаимодействия граждан с организациями и различных органов власти друг с другом. Кроме того, цифровизация позволила создать новые виды государственных услуг, а также изменить модель, регулирующие определенные аспекты жизни общества.

Плюсами цифровизации можно назвать и создание новых должностей, например в органах исполнительной власти (заместитель руководителя либо начальника отдела, отвечающего за цифровую трансформацию; администратор, методолог, инспектор ГИС ТОР КНД и др.). Соответствующее повышение квалификации сотрудников органов исполнительной власти позволяет повысить их компетенции для достижения необходимого результата в сфере цифровизации в соответствующем ведомстве. Трудно не согласиться с мнением П. П. Кабытова и О. Е. Стародубовой о том, что создание специальных структурных подразделений внутри организации безусловно будет способствовать оптимизации цифровых процессов и позволит

¹ См.: Телеграм-канал АО «Эволента» – ведущего разработчика отечественного ПО для государства, бизнеса и человека, одного из лидеров IT-рынка России: Эволента // URL: https://t.me/gk_evoluta (дата обращения: 12.10.2023).

понять, как наилучшим образом и рационально использовать внедряемые технологии [Кабытов, Стародубова 2020: 121].

Цифровизация оказала значительное влияние на компетенцию и круг полномочий органов исполнительной власти. С одной стороны, были внедрены новые полномочия по созданию и ведению государственных информационных ресурсов: реестров, фондов и систем. Органы исполнительной власти смогут управлять данными гораздо эффективнее благодаря межведомственным запросам, технологиям *big data* и искусственному интеллекту (ИИ). С другой стороны, не все «люди на местах» и подконтрольные (проверяемые) субъекты оказались готовы к цифровой трансформации. В системе органов исполнительной власти наблюдаются существенная инерционность и низкая цифровая грамотность. В связи с этим, исходя из принципа научного объективизма, нельзя не упомянуть минусы цифровизации в органах исполнительной власти:

трансформация довольно трудоемкая и требует больших финансовых затрат;

реализация процесса не всегда находит понимание среди служащих органов исполнительной власти, что снижает активность рядовых исполнителей, а зачастую и приводит к нежеланию работать в информационных системах;

в процессе перехода от бумажного документооборота к цифровому на некоторое время увеличивается объем документооборота, что влечет за собой излишнюю нагрузку на государственных служащих.

Тем не менее, повторим, цифровизация стала новой ступенью развития для органов исполнительной власти. Так, она позволяет им обеспечить доступ к данным в режиме реального времени. Например, в настоящий момент для того, чтобы определить техническое состояние объектов культурного наследия и влияние природных и техногенных факторов на состояние и эксплуатационную пригодность объектов культурного наследия, используются специализированные информационные системы. Благодаря им можно оценивать состояние контролируемых объектов, расположенных в тысячах километров от инспектора, в режиме реального времени при помощи датчиков и систем дистанционного наблюдения.

Мониторинг памятников архитектуры реализуется в рамках государственной програм-

мы «Цифровая экономика». Системы наблюдения подключаются к ГИС ТОР КНД для интеграции и передачи данных. Доступ в Систему предоставлен собственнику здания и сотрудникам государственной охраны. Контроль данных о состоянии объекта и окружающей среды (температура и влажность воздуха, а также иные показатели, влияющие на сохранность объектов культурного наследия¹) в режиме реального времени осуществляют Министерство культуры и другие надзорные ведомства. Это позволяет оперативно обрабатывать риски: в случае несанкционированного проникновения на контролируемый объект постороннего лица инспектор получает в ГИС ТОР КНД предупреждающий сигнал либо *push*-уведомление.

Кроме того, цифровизация может помочь в расследованиях, предоставляя доступ к *big data*, существенно сокращая процессуальные сроки и повышая качество работы по сравнению с традиционными неавтоматизированными ручными методами. Например, было внедрено новое программное обеспечение «Умный город», часть функционала которого связана с отслеживанием и анализом перемещения людей, выявлением потенциальных правонарушителей [Тихомиров 2018: 92]. Система применяется в Москве и в настоящий момент внедряется других городах России.

Когда искусственный интеллект используется для управления сложными задачами, вероятность сбоя может быть выше из-за непредвиденных обстоятельств или ограничений в вычислительной мощности. Заслуживает внимания тот факт, что среди ведущих ученых и практиков активизируются дискуссии по поводу использования машинного обучения и искусственного интеллекта во многих сферах жизни. Безусловно, заслуживает уважения мнение Стивена Хокинга (который придерживался его с момента появления технических возможностей машинного обучения) о том, что искусственный интеллект – «это громадная угроза для человечества»² [Шиббаева, Хохлова 2018: 33].

¹ Геоинформационные системы и современные методы наблюдения в вопросах инвентаризации и контроля состояния объектов культурного наследия // URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/adit-2012-t/914.html> (дата обращения: 15.09.2023).

² Stephen Hawking Warns of Dangerous AI // URL: <https://www.bbc.com/news/av/technology-37713942> (дата обращения: 15.09.2023).

Подобную позицию занимают Илон Маск¹, Стив Возняк² и др. Все перечисленные деятели науки и экономики сходятся во мнении, что технологии искусственного интеллекта не должны попасть в руки преступников или недемократических режимов, в противном случае возникнут угрозы правам и свободам человека и угрозы злоупотреблений со стороны злоумышленников.

В 2017 г. в Институте будущего жизни (FLI) была проведена Асиломарская конференция по безопасности применения искусственного интеллекта в военной сфере [Шибаяева, Хохлова 2018: 34]. Резолюцией данной конференции стали 23 принципа работы с искусственным интеллектом [Шибаяева, Хохлова 2018: 34]. Большинство из перечисленных на конференции принципов сопоставимы с принципами робототехники, впервые сформулированными Айзеком Азимовым в научно-фантастическом рассказе «Хоровод», опубликованном в 1942 г. Одним из важнейших принципов Асиломарской конференции является принцип разработки и внедрения искусственного интеллекта исключительно с позиций, соответствующих основным этическим идеалам, и для пользы всего человечества³. По сути это принцип непричинения вреда человеку и существования ИИ для человека (1-й и 2-й принципы Айзека Азимова либо основной принцип права – принцип гуманизма). С данным суждением трудно не согласиться. Внедряемые на базе ИИ информационные системы не должны приносить вреда человеку.

Рассмотрим наиболее вероятные риски и проблемы, связанные с процессом цифровизации и внедрением искусственного интеллекта в государственные информационные системы и сервисы.

Одним из основных недостатков является ограниченность ресурсов в определенных регионах, что может препятствовать доступу

к технологиям и инфраструктуре, необходимым для успешной цифровой трансформации. Помимо этого, органы исполнительной власти (в частности, контрольные и надзорные органы) могут столкнуться со значительными финансовыми затратами при внедрении новых технологий, доработках или модернизации информационных систем.

Другими существенными минусами могут стать «воздействие извне», возможность сбоев, а также погрешность в работе цифровых систем, основанных на технологии искусственного интеллекта (например, при работе с биометрическими данными). Весьма актуальным будет вопрос о рисках, способных возникнуть в случае возможных ошибок, сбоев информационных систем либо внешнего воздействия на ядро информационной системы (например, системы по распознаванию лиц), о которой речь шла выше. Не приведут ли данные риски к ограничению или даже нарушению конституционных прав человека? А если, например, ошибка в работе информационной системы приведет к необоснованному отказу, и система решит взыскать с заявителя дополнительную пошлину?

Еще одна проблема, связанная с использованием таких технологий, – проблема конфиденциальности. В России этические вопросы в работе с технологией *big data* и персональными данными начали обсуждаться сравнительно недавно и касаются, в том числе, использования персональных данных в автоматизированном виде [Минеева, Иммаева 2021: 534]. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ведет реестр операторов, осуществляющих обработку персональных данных. Все организации вне зависимости от формы собственности в случае работы с персональными данными обязаны разработать политику персональных данных и направлять в Роскомнадзор уведомления об их обработке⁴.

Поскольку все больше предприятий, учреждений и общественных объединений используют методы автоматизированной либо смешанной обработки данных с применением цифровых технологий, формируются цифровые базы персональных данных, растет и степень риска для субъектов персональных данных (например, компрометация

¹ Elon Musk Warns AI Could Cause «Civilization Destruction» Even as He Invests in It // URL: <https://edition.cnn.com/2023/04/17/tech/elon-musk-ai-warning-tucker-carlson/index.html> (дата обращения: 10.09.2023).

² Apple Cofounder Steve Wozniak Isn't Scared of A. I. – But He Believes It'll Be Used by «Horrible People» to Do «Evil Things» // URL: <https://fortune.com/2023/05/03/apple-cofounder-steve-wozniak-artificial-intelligence-challenges-agrees-with-microsoft-bill-gates/> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Леонов В. Двадцать три принципа Асиломара // URL: <https://www.sovmash.com/node/348> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Пункт 4 ст. 22 Федерального закона «О персональных данных».

данных, их утечка). Создание защищенных облачных сервисов, зашифрованных каналов системы межведомственного взаимодействия призвано решить эту проблему.

Для нивелирования указанных недостатков нужна тщательная работа команды высококвалифицированных разработчиков программного обеспечения, специалистов (инженеров) машинного обучения, аналитиков, юристов и методологов. Причем такая работа требует системного мышления и должна основываться на принципах верховенства права, законности, профессионализма и гуманизма, что позволит к завершению внедрения цифровых процессов в органах исполнительной власти свести любые погрешности или злоупотребления к минимуму.

Автоматизация определенных задач, таких как ввод данных, мониторинг дашбордов, автоматическое заполнение печатных форм, анализ отчетов, позволяет сотрудникам больше концентрироваться на важных аспектах своей работы, избавиться от бумажной волокиты, обеспечивая при этом точность и качество результатов работы в любое время. Кроме того, автоматизированные системы способны быстро обрабатывать большие объемы информации с минимальным вмешательством человека, экономят финансовые затраты как самих органов власти, так и физических и юридических лиц, которые являются заявителями, лицензиатами либо подконтрольными субъектами.

Используя алгоритмы искусственного интеллекта или модели машинного обучения, в системе, разработанной специально для целей управления, можно обеспечить гораздо более высокий уровень точности при анализе данных, чем вручную. Например, инспектор федерального государственного контроля (надзора) с помощью информационной системы геопространственных данных, интегрированной в ГИС ТОР КНД, может в автоматическом порядке обнаруживать несанкционированные свалки либо очаги лесных пожаров на расстояниях в сотни километров без применения дорогостоящей авиации и без физического присутствия.

Итак, рассмотрев преимущества и недостатки внедрения цифровых инструментов в деятельность органов исполнительной власти, отметим, что трудности перехода государственных услуг и функций на «цифровые рельсы» не отменяют необходимости дальнейшего развития и интеграции цифровых процессов. Их итоговыми целями являются общее улучшение качества государственных услуг, противодействие коррупции, сокращение неэффективных расходов из бюджета, повышение эффективности общественного контроля, решение проблемы цифрового неравенства, укрепление экономики Российской Федерации и обеспечение ее инвестиционной привлекательности. В совокупности это сможет обеспечить процветание России на долгие десятилетия вперед.

Список литературы

Александров Г. Д. Цифровизация правотворчества органов власти в городе Москве // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. материалов студ. науч. конф. (25 марта 2021 г.) / отв. ред. Н. М. Ладнушкина. Саратов: Саратов. источник, 2021. Ч. I. С. 327–330.

Важенин В. В., Баженов С. В. Проблемы правового регулирования деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 1. С. 42–46.

Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126.

Минеева Т. Г., Иммаева Б. А. Инновации в деятельности органов исполнительной власти по автоматизации и цифровизации документационных процессов // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 529–535.

Ноздрачев А. Ф. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 34–46.

Пашенцев Д. А., Залошло М. В., Иванюк О. А. и др. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: моногр. М.: Инфра-М, 2019. 232 с.

Протасов П. А. Биометрия в банковской системе РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 49. С. 141–148.

Рябышева А. В., Селентьева Т. Н. Цифровизация взаимодействия исполнительных органов государственной власти и подведомственных общеобразовательных учреждений // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сб. тр. Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. (1–4 июня 2021 г.). СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. Ч. 2. С. 169–174.

Тихомиров Ю. А. Влияние цифровизации на компетенцию федеральных органов исполнительной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 90–94.

Шубаева К. В., Хохлова Л. Н. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне // Теология. Философия. Право. 2018. № 4. С. 28–41.

Якунина А. В. Цифровизация предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций органами власти. 2022 // URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> (дата обращения: 12.10.2023).

Даниил Сергеевич Стенькин – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. 430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1. E-mail: d.s.stenkin@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5675-6654

Даниил Александрович Чучадеев – студент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. 430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1. E-mail: Chuchadeev.daniel@mail.ru.

ORCID: 0009-0000-0247-3977

Introduction of Digital Technologies into the Activities of Executive Authorities (on the Example of Control and Supervisory Authorities)

The authors analyze the phenomena of digitalization and digital transformation of executive authorities, and study the impact of digitalization on the decision-making mechanisms in the state bodies. The paper considers legal regulation of digitalization processes in the field of management and executive authorities (using the example of control (supervisory) bodies), and explains the mechanisms of digitalization, and also provides current examples of the implementation of information systems, digital services and cloud solutions.

The authors examine the reform of control and supervisory activities from the perspective of five years of experience in introducing digital processes, and its influence on the changes in the structure of government bodies in connection with the emergence of new functions, competencies and positions. The authors reveal the advantages and disadvantages of the digitalization in the activities of control (supervisory) authorities, and discuss, among other things, the ethics of using automated information systems.

Keywords: executive authorities, digitalization, digital transformation, public service, public function, powers, digital service

Recommended citation

Stenkin D. S., Chuchadeev D. A. Vnedrenie tsifrovyykh tekhnologii v deyatel'nost' organov ispolnitel'noi vlasti (na primere kontrol'nykh i nadzornykh organov) [Introduction of Digital Technologies into the Activities of Executive Authorities (on the Example of Control and Supervisory Authorities)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 64–75, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_64.

References

Aleksandrov G. D. *Tsifrovizatsiya pravotvorchestva organov vlasti v gorode Moskve* [Digitalization of Law-Making of Authorities in the City of Moscow], Ladnushkin N. M. (ed.)

Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya [Actual Problems of Law, Economics and Management]: conference papers, Saratov, Saratov. istochnik, 2021, vol. 1, pp. 327–330.

Kabytov P. P., Starodubova O. E. Vliyanie tsifrovizatsii na realizatsiyu polnomochii organov ispolnitel'noi vlasti [The Impact of Digitalization on the Implementation of the Powers of Executive Authorities], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 11, pp. 113–126.

Mineeva T. G., Immaeva B. A. Innovatsii v deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti po avtomatizatsii i tsifrovizatsii dokumentatsionnykh protsessov [Innovations in the Activities of Executive Authorities on Automation and Digitalization of Documentation Processes], *Yuridicheskaya tekhnika*, 2021, no. 15, pp. 529–535.

Nozdrachev A. F. Reforma gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya [Reform of State Control (Supervision) and Municipal Control], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 9, pp. 34–46.

Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Ivanyuk O. A. et al. *Tsifrovizatsiya pravotvorchestva: poisk novykh reshenii* [Digitalization of Lawmaking: Search for New Solutions], Moscow, Infra-M, 2019, 232 p.

Protasov P. A. Biometriya v bankovskoi sisteme RF [Biometrics in the Banking System of the Russian Federation], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2020, no. 49, pp. 141–148.

Ryabysheva A. V., Selent'eva T. N. *Tsifrovizatsiya vzaimodeistviya ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti i podvedomstvennykh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Digitalization of Interaction Between Executive Bodies of State Power and Subordinate Educational Institutions], *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v oblasti upravleniya, ekonomiki i torgovli* [Fundamental and Applied Research in the Field of Management, Economics and Trade]: conference papers, Saint Petersburg, POLITEKhp-PRESS, 2021, vol. 2, pp. 169–174.

Shibaeva K. V., Khokhlova L. N. Tri zakona robototekhniki Aizeka Azimova: k voprosu gumannosti primeneniya smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzheniya na voine [Isaac Asimov's Three Laws of Robotics: on the Question of the Humanity of the Use of Deadly Autonomous Weapons Systems in War], *Teologiya. Filosofiya. Pravo*, 2018, no. 4, pp. 28–41.

Tikhomirov Yu. A. Vliyanie tsifrovizatsii na kompetentsiyu federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti [The Impact of Digitalization on the Competence of Federal Executive Authorities], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 12, pp. 90–94.

Vazhenin V. V., Bazhenov S. V. Problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti podrazdelenii po obespecheniyu bezopasnosti lits, podlezhashchikh gosudarstvennoi zashchite [Problems of Legal Regulation of the Activities of Security Units of Persons Subject to State Protection], *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 1, pp. 42–46.

Yakunina A. V. *Tsifrovizatsiya predostavleniya gosudarstvennykh uslug i ispolneniya gosudarstvennykh funktsii organami vlasti* [Digitalization of the Provision of Public Services and the Performance of Public Functions by Authorities], 2022, available at: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> (accessed: 12.10.2023).

Daniil Stenkin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of state and administrative law, Mordovia State University named after N. P. Ogarev. 430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevistskaya str., 68/1. E-mail: d.s.stenkin@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5675-6654

Daniil Chuchadeev – student, Mordovia State University named after N. P. Ogarev. 430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevistskaya str., 68/1. E-mail: Chuchadeev.daniel@mail.ru.

ORCID: 0009-0000-0247-3977

Дата поступления в редакцию / Received: 08.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.10.2023

М. А. Кокотова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРЕДЕЛЫ ПРАВА НА НАСИЛИЕ УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ, ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ, АВСТРИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В статье рассматриваются акты, устанавливающие правовой статус организаций по борьбе с преступностью и регулирующие институт необходимой самообороны в Российской Федерации, Великобритании, Франции, Бельгии, Австрии и США. Прежде всего автор определяет, в каких государствах применение насилия членами подобных организаций в принципе допускается и как установлены его пределы. Затем сравниваются пределы легального насилия, к которому могут прибегать члены организаций по борьбе с преступностью и любые иные граждане (институт необходимой самообороны). В конце делается попытка выявить связь между тем, насколько широки пределы легального насилия, и предполагаемыми целями тех, кто его осуществляет.

На основании проведенного анализа выделены два подхода в правовом регулировании, которые заключаются в следующем:

1) существование организаций граждан, объединившихся для защиты своих домов, ограничивает государственную монополию на насилие (США, Великобритания);

2) существование организаций по борьбе с преступностью не ограничивает государственную монополию на насилие, поскольку их члены не могут его использовать (Франция, Бельгия) либо рассматриваются как помощники и, следовательно, в каком-то смысле как представители государства (например, народная дружина в РФ).

Ключевые слова: организации по борьбе с преступностью, легальное насилие, *Neighbourhood Watch*, *Les Citoyens référents*, *Le Partenariat Local de Prévention*, народная дружина

Для цитирования

Кокотова М. А. Пределы права на насилие участников организаций по борьбе с преступностью в России, Франции, Бельгии, Австрии, Великобритании и США // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 76–84. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76.

УДК 342.571

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76

Участие граждан в такой специфической сфере осуществления государственной власти, как борьба с правонарушениями, само по себе является достаточно спорным институтом; сомнения могут вызывать как наличие у непрофессионалов нужных для этого навыков, так и сама допустимость осуществления полномочий, неразрывно связанных с ограничением прав граждан теми, кто не наделен властными полномочиями. Более того, подобная деятельность может рассма-

триваться как отход от государственной монополии на насилие [Волков 1998: 40–41]. В то же время сосредоточение права на узаконенное насилие в руках одного субъекта позволяет сократить объем этого насилия и сделать его проявления более предсказуемыми. Кроме того, представители государства, в отличие от сторон и жертв конфликта, беспристрастны, а, значит, будут более сдержанны.

Неслучайно в некоторых государствах выработаны формы участия граждан в про-

филактике правонарушений, которые предполагают не вовлечение граждан непосредственно в деятельность по предотвращению преступлений, а лишь согласование с ними планов и программ в данной сфере. Такие формы предусмотрены в Испании¹ а также в отдельных государствах Латинской Америки: Мексике (*los Comités de Participación*)², Аргентине (*Foros de Seguridad*)³.

Вместе с тем, вероятно, и у общества, и у государства есть запрос на вовлечение граждан в обеспечение общественного порядка и в правоприменительной плоскости, а технологический прогресс приводит к замене публичного обеспечения безопасности мерами частной защиты, реализуемой и оплачиваемой частными лицами [Hartley 2012: 186], поскольку в мире практикуется помощь граждан полиции как на индивидуальной основе, так и в создаваемых ими организациях. Последний способ, впрочем, как раз и вызывает наибольшие опасения, поскольку предполагает бóльшую самостоятельность участвующих в охране общественного порядка от властей. Наиболее ярким примером, подтверждающим это, является опыт организации «Немецкие помощники полиции», члены которой совершали многочисленные правонарушения в ФРГ, позиционируя себя как помощников полицейских⁴.

Все сказанное порождает ряд вопросов, которые должны быть разрешены в правовых актах о статусе общественных организаций, осуществляющих борьбу с правонарушениями.

Должны ли они получить право на применение физической силы? Допустимо ли,

¹ См. страницу программы участия граждан на портале национальной полиции Испании: Programa colectivos ciudadanos // URL: https://www.policia.es/_es/colabora_participacion_colectivosciudadanos.php (дата обращения: 15.08.2023).

² Статья 38 Закона Мексики о предотвращении насилия и правонарушений посредством гражданского участия (*Ley para la Prevención Social de la Violencia y la Delincuencia, con Participación Ciudadana del Estado de México* (Última reforma POGG 29 de septiembre de 2020). 2020 // URL: <https://legislacion.edomex.gob.mx/sites/legislacion.edomex.gob.mx/files/files/pdf/ley/vig/leyvig193.pdf>) (дата обращения: 15.08.2023).

³ Subsecretaría de Participación Ciudadana // URL: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/subpart/foros.html> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Erkenntnisse über das «Deutsche Polizei Hilswerk». 2013 // URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/140/1714049.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

и если да, то в каких пределах, использование оружия? Предупреждение преступлений объективно связано с ситуациями, в которых может потребоваться его применение. Если при внезапном нападении человек может пользоваться лишь тем, что есть под рукой, то при патрулировании улиц можно заблаговременно приготовить средства защиты. В то же время чем больше таких средств допускает закон, тем выше риск несанкционированного насилия.

Действуют ли они в этих конфликтах от лица государства или только как рядовые граждане? Чем в последнем случае обосновывается предоставление им полномочий по ограничению прав других граждан (речь может идти прежде всего о нарушении права на жизнь и физическую неприкосновенность)? Могут ли члены этих организаций быть беспристрастными участниками конфликта, не имеющими никакой личной заинтересованности в его исходе? Если у них нет никакой заинтересованности, то какие мотивы побуждают их осуществлять эту деятельность?

При поиске ответов на эти вопросы, конечно, следует учитывать, что подобные организации не единственное исключение из запрета на применение силы, не исходящее от государственной власти. Другим исключением является институт самообороны, и доводы в пользу самообороны обосновывают также право на существование организаций по борьбе с преступностью в силу родственности этих институтов.

Таким образом, деятельность организаций по борьбе с преступностью может быть объяснена исходя из разных концепций. Логично предположить, что от того, какая концепция избрана, зависит правовое регулирование их деятельности, ведь для того, чтобы последняя осуществлялась эффективно, принципы объединения добровольцев в организации должны предоставлять максимальные возможности для достижения тех целей, которые они преследуют.

В настоящем исследовании сравнивается определение пределов права на применение силы у членов организаций, осуществляющих борьбу с преступлениями, в правовом регулировании во Франции, Бельгии, Австрии, США, Великобритании и РФ. При этом для целей исследования интересно определить, как установление этих пределов зависит от

предполагаемой мотивации участников организации по борьбе с преступностью. Выбор указанных государств обусловлен наличием в них организаций, осуществляющих борьбу с правонарушениями, при этом рассматривается только опыт организаций, но не практика привлечения граждан к помощи правоохранительным органам на индивидуальной основе.

Положительный ответ на вопрос о возможности применения силы добровольными участниками в борьбе с преступностью дается в государствах англо-саксонской правовой семьи, где зародилась и активно реализуется идея соседского дозора¹: постоянного наблюдения жителей за домами соседей для предотвращения хищений². Данный подход можно рассматривать как логическое продолжение максимы «Мой дом – моя крепость». Участие здесь состоит в том, что лица, проживающие рядом, создают организации соседского контроля, чтобы в сотрудничестве с полицией обеспечить надзор за своими домами, тем самым улучшив качество жизни своего сообщества [Arief, Coventry, Greathead 2011: 20].

В Великобритании подобные организации образуют собственную систему, включающую местные группы, региональные и общенациональную ассоциации³. В США аналогично действуют программа *National Neighborhood Watch*, объединяющая данные о местных организациях этого типа⁴, а также *National Association of Town Watch*⁵, обеспечивающая взаимодействие правоохранительных органов с отдельными волонтерами и волонтерскими группами.

Права членов таких организаций сводятся к обычному праву на самооборону, коль скоро они не обладают каким-то особым статусом. Впрочем, это не так мало. Как известно,

¹ EUCPN. What Works to Prevent Domestic Burglaries? 2021 // URL: https://eucpn.org/sites/default/files/document/files/2106_The%20prevention%20of%20domestic%20burglary_LR.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

² Neighbourhood Watch Presentation // URL: <https://www.eunwa.eu/presentations/NW/> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Our Team // URL: <https://www.ourwatch.org.uk/how-we-work/nationally/our-team> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Find a Watch Program // URL: <https://www.nnw.org/find-a-watch-program> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ About // URL: <https://natw.org/about/> (дата обращения: 15.08.2023).

в англосаксонском праве выработана доктрина замка, в соответствии с которой осуществление права на самооборону при защите чьего-то дома от преступного посягательства признается достаточным основанием для того, чтобы не быть обвиненным в совершении убийства [Graham 2021: 140]. Причем в американском праве можно применить данную доктрину к людям, которые находились не только у себя дома, но и в любом месте, где они могли присутствовать на законных основаниях [Suk 2008: 243].

В США эти положения «нашли отражение в законодательстве большинства штатов – на территории 45 из них приняты соответствующие акты. От региона к региону изменяются некоторые особенности – обстоятельства, наделяющие обитателя дома правом на убийство, наличие иммунитета от любых гражданских исков, поданных от имени нападавшего, но в целом жилище человека обеспечивается статусом особо охраняемой законом территории» [Шаяхметов 2016: 49].

В сочетании с закреплением права на ношение оружия в Конституции (вторая поправка к Конституции США) и его использования для самообороны [Шулус 2017: 94] данная доктрина обосновывает его использование членами соседских организаций при обнаружении ими правонарушителей. Подобные соображения находят подтверждение в отказе привлекать к ответственности членов *Neighbourhood Watch* за совершенные при реализации этого права убийства, что, впрочем, влечет недовольство общественности и критику исследователей (в качестве примера можно назвать дело Трэйвона Мартина, о котором писали, в частности, М. Армстронг и Дж. Карлсон [Armstrong, Carlson 2019]).

Аналогично в английском общем праве предписание, в соответствии с которым человек может убить нарушителя для предотвращения насильственного преступления (право на защиту жилища), действует параллельно с правом на самозащиту, которое не требует обосновывать свои действия от человека, в своем собственном доме убившего правонарушителя или причинившего ему серьезный физический ущерб [Levin 2010: 530].

Доктрина замка объясняет, почему организации, осуществляющие борьбу с правонарушениями, основываются именно на сообществах по месту проживания: ведь именно

здесь находится ключевой объект, подлежащий защите; одновременно она предоставляет правовую и культурную базу для использования силы членами *Neighbourhood Watch*. В то же время организации соседского контроля не обязательно уполномочиваются на применение силы.

Отрицательный ответ на вопрос о возможности применения силы дан в отдельных государствах континентальной Европы. Во Франции (в соответствии с абз. 4 ст. 3 циркуляра Министерства внутренних дел от 30 апреля 2019 г.), Бельгии (в соответствии с п. 3 Министерского циркуляра от 2 июля 2001 г. об информационных сетях кварталов) и Австрии¹ участники организаций по борьбе с преступностью уполномочены лишь сообщать о преступлении, свидетелем которого они стали, полиции, и ни на что большее. По сути, это означает, что им предоставлены даже более узкие права, чем те, что предусмотрены положениями уголовных кодексов данных государств о самообороне (ст. 122-5, 122-6 Уголовного кодекса Франции, ст. 416, 417 Уголовного кодекса Бельгии, § 3 Уголовного кодекса Австрии).

Такой подход можно объяснить идеей о несовместимости государственной монополии на узаконенное применение силы и частной милиции [Cognuot 2015: 22] и тем, что положения о самообороне установлены для насильственных преступлений, а организации соседского контроля занимаются профилактикой преступлений против собственности. Негативное отношение к самостоятельным действиям объединений граждан в сфере защиты правопорядка может объясняться опасениями, что они для защиты от правонарушителей будут прибегать к более радикальным методам, чем те, которые считает допустимыми государство (так, М. Гардэнье отмечает, что «бдительность» порождается отсутствием политической воли государства на решение проблемы [Gardenier 2018: 244]).

Следует отметить, что Франции после того, как начали создаваться по инициативе «снизу» организации по борьбе с преступностью *Voisins vigilants*, был введен институт граждан-докладчиков, выполнявших аналогичные функции, но под контролем мест-

ных властей, с оговоркой о том, что в циркуляре 2019 г. подчеркивается, что институт гражданского участия не следует смешивать с иными институтами, реализуемыми частными обществами, которые предлагают муниципалитетам платные услуги, включающие в себя проведение собраний, предоставление специальных вывесок или средств связи².

Таким образом, государства, следующие описанному выше подходу, запрещают применение физической силы и оружия гражданам, участвующим в борьбе с преступностью, и принимают меры, чтобы обеспечить соблюдение этого запрета.

Негативное отношение к самостоятельным действиям объединений граждан в сфере защиты правопорядка может объясняться опасениями, что они для защиты от правонарушителей будут прибегать к более радикальным методам, чем те, которые считает допустимыми государство

Применяя описанные соображения при анализе правового регулирования российских народных дружин, можно предположить, что России ближе англосаксонский подход, поскольку дружинники не только информируют полицию, но и могут сами осуществлять определенные действия, в том числе связанные с применением физической силы (ст. 19 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (в ред. от 31 декабря 2017 г. № 497-ФЗ, от 28 июня 2022 г., от 14 июля 2022 г., далее – Закон). По общему же правилу, права российских дружинников, как и участников *Neighbourhood Watch* в США и Великобритании, схожи с правами гражданина, находящегося в состоянии самообороны. Впрочем, следует учитывать сделанный на основании анализа судебной практики вывод о том, что «обороняющийся в США находится в более выигрышном положении, нежели в России» [Аникова 2022: 130].

Однако все же думается, это не означает, что подходы англосаксонского и российского нормотворцев идентичны, и разница здесь

¹ См. сайт организации по борьбе с преступностью: proNACHBAR. 2016 // URL: <https://www.freiwilligenweb.at/organisation/pronachbar/> (дата обращения: 19.08.2023).

² Circulaire IOJ1117146J du 30 avril 2019 du Ministère de l'Intérieur. 2019 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/circ?id=44631> (дата обращения: 04.07.2023).

заключается в предполагаемой **мотивации участников борьбы с преступностью**. Первый подход рассчитан на то, что данный интерес заключается в защите совместными усилиями своих домов от вторжения. Второй же, напротив, явно не рассматривает дружинников исключительно как граждан, защищающих свой интерес.

Так, предусмотрена возможность освобождения дружинников от работы, учебы на время дежурства (ч. 2 ст. 15 Закона). Подобные льготы государство предоставляет обычно тем, кто решает общезначимые задачи.

Важным представляется также то, что законодатель счел нужным оговорить наличие у народных дружинников права отказаться от исполнения возложенных на них обязанностей в случае, если имеются достаточные основания полагать, что их жизнь и здоровье могут подвергнуться опасности (ч. 2 ст. 17 Закона). Такая формулировка предполагает, что участие в работе народной дружины является не столько действием в своем интересе, сколько выполнением обязательств, причем исходя из того, что пределы их выполнения установлены императивным требованием закона, логично предположить, что это обязательства перед государством. Здесь мотивацией участников уже не может быть защита непосредственно своего дома и своих личных интересов – участие воспринимается, скорее, как долг перед обществом. Собственный же интерес гражданина реализуется более опосредованно: гражданин прилагает усилия для улучшения жизни в обществе, что выгодно всем членам этого общества, том числе ему самому.

Конечно, можно обсуждать, в какой мере подобные нормы являются пережитком советского законодательства, но в любом случае они включены в актуальное правовое регулирование. К тому же сам факт принятия федерального закона, регулирующего деятельность народных дружин, привел к тому, что их работа стала «включаться в показатели оценки работы как сотрудников полиции, так и администраций разного уровня» [Ходжаева 2019: 134], что обуславливает «централизованно-мобилизационный характер создания народных дружин» [Клейменов 2021: 138] (конечно, дружины создаются также по инициативе снизу при наличии устремлений «неравнодушных граждан и членов заинте-

ресованных групп в решении тех или иных проблем методами гражданского участия» [Ходжаева 2019: 129], как, например, народная дружина городского поселения Мурино¹).

Указанный подход воспринят и самими дружинниками: по данным социологических исследований, уровень готовности граждан участвовать в охране правопорядка зависит от степени их доверия полиции [Клейменов 2022: 206]; подобные соображения вряд ли принимались бы в расчет, если бы граждане воспринимали народную дружину как организацию, автономную от правоохранительных органов.

Таким образом, хотя законодатель не воспринял высказывавшуюся в доктрине позицию о статусе народных дружин как государственно-общественных объединений [Потапенкова 2010: 168], дружинники рассматриваются как помощники (о чем говорит, например, В. В. Фомин [Фомин 2006: 28]) и символические представители государства, статус которых «сравним со статусом сотрудника полиции» [Гинц 2013: 1]. Соответственно, предоставление им права на применение силы уже не означает ограничения государственной монополии.

Описанные схемы правового регулирования определяют не разные варианты решения одной проблемы; различие прослеживается уже на этапе ее постановки. Если участие граждан – способ реализации ими своих прав на самозащиту, это задает совсем иную систему координат, чем участие, рассматриваемое как помощь граждан государству в реализации его обязанностей по защите правопорядка. Такое различие тем более удивительно, что наличие у государства полномочий по охране правопорядка признают даже самые существенно ограничивающие круг этих полномочий теории.

Данное различие связано, думается, со степенью доверия к государству. Англосаксонский вариант правового регулирования отдает предпочтение личной заинтересованности в результате, не доверяя всецело защите государству. Российский законодатель, напротив, предполагает, что больших успехов можно достигнуть, полностью предоставив руководство процессом государству и действуя по его указке. Законодатели, отказывающиеся орга-

¹ Дружина Мурино Реагирует ГБР Канал // URL: <https://t.me/s/murino-react> (дата обращения: 19.08.2023).

низациям по борьбе с преступностью в праве применять силу, ищут компромисс между доверием государству и частным лицам (и, думается, находят его, но за счет снижения эффективности деятельности последних).

Тот факт, что наибольшая степень допустимого применения силы предоставлена не гражданам-представителям государства, а именно гражданам, защищающим свой дом, может быть объяснена идеей о возможности изменения в конкретной ситуации условий социального контракта [Albert 2009: 2], в котором видят истоки современной нормы о государственной монополии на легитимное использование физической силы [Krahmann 2009: 34]. С этой точки зрения жители, объединяющиеся с оружием в руках для защиты своего дома, ограничивают суверенитет государства [Crawford 2001: 458], чтобы частично вернуть себе свои исходные права, ранее переданные ими государству. Однако и в иных концепциях государства полный запрет на применение силы обычными гражданами выглядел бы обоснованным только при условии стопроцентной гарантированной защиты государством от правонарушений, что в принципе невозможно. Если же государство не может повсеместно обеспечить исполнение правил, признанных им самим обязательными, то граждане вправе помочь ему. Их помощь в данном случае не будет умалять власти государства, так как она преследует те же

цели, что и государство, и осуществляется по предписанным им правилам.

Вывод. Рассматривая виды организаций по борьбе с преступностью, существующие в континентальной Европе, Великобритании США и России, исходя из отношения к негосударственному насилию можно выделить два подхода:

1) государственная монополия на применение силы ограничивается в пользу граждан, самоорганизующихся для защиты от преступлений (США, Великобритания (*Neighbourhood Watch*);

2) граждане участвуют в предотвращении преступлений, но государственная монополия на применение силы не ограничивается, поскольку граждане лишены права применять его (Франция (*Les citoyens référents*), Бельгия (*Le Partenariat Local de Prévention*), Австрия (*proNACHBAR*) либо рассматриваются как помощники государства (РФ (народная дружина).

Думается, что разница между описанными вариантами правового регулирования характеризует не только участие граждан в предупреждении преступлений, но и в целом позицию гражданина по отношению к государству. Представляется, что участие граждан в предупреждении преступлений в любом варианте отвечает идее участия граждан в осуществлении публичной власти, но само участие здесь понимается неодинаково.

Список литературы

- Albert R. Counterconstitutionalism // *Dalhousie Law Journal*. 2009. Vol. 31. № 183. P. 1–55.
- Arief B., Coventry L., Greathead D. Towards the Implementation of an Internet-Based Neighbourhood Watch Scheme // 3rd International Conference on Computational Aspects of Social Networks. Salamanca, 2011. P. 19–22.
- Armstrong M., Carlson J. Speaking of Trauma: the Race Talk, the Gun Violence Talk, and the Racialization of Gun Trauma. 2019 // URL: <https://repository.arizona.edu/bitstream/handle/10150/640995/s41599-019-0320-z.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 19.08.2023).
- Cornuot F.-X. L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde: these en droit: thèse de doctorat en droit public. Strasbourg: Université de Strasbourg, 2015. 813 p.
- Crawford A. Les politiques de sécurité locale et de prévention de la délinquance en Angleterre et au Pays de Galles: nouvelles stratégies et nouveaux développements // *Déviance et Société*. 2001. Vol. 25. № 4. P. 427–458.
- Gardenier M. Sauvons Calais, un groupe anti-migrants. Une perspective: «rétablir l'ordre» // *Revue européenne des migrations internationales*. 2018. Vol. 34. № 1. P. 235–256.
- Graham L. D. Protecting the Home: Castle Doctrine in North Carolina // *Campbell Law Review*. 2021. Vol. 43. № 1. P. 137–154.
- Hartley K. Conflict and Defence Output: An Economic Perspective // *Revue d'économie politique*. 2012. Vol. 122. № 2. P. 171–195.

Krahmann E. Private Security Companies and the State Monopoly on Violence: A Case of Norm Change? Frankfurt: Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2009. 34 p.

Levin B. A Defensible Defense? Reexamining Castle Doctrine Statutes // Harvard Journal on Legislation. 2010. Vol. 47. № 523. P. 523–553.

Suk J. C. The True Woman: Scenes from the Law of Self-Defense // Harvard Journal of Law & Gender. 2008. Vol. 31. № 237. P. 237–275.

Аникова Р. И. Пределы необходимой обороны: опыт Российской Федерации и США // Трибуна ученого. 2022. № 2. С. 128–134.

Волков В. В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства исследовательская гипотеза // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 39–47.

Гинц Е. М. К вопросу о гражданско-правовой ответственности участников добровольных народных дружин // Правовая идея. 2013. № 1. С. 1.

Клейменов Е. А. Состояние и проблемы взаимодействия полиции и народных дружин в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2. С. 129–143.

Клейменов Е. А. Социальный потенциал участия граждан в деятельности народных дружин: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2. С. 194–209.

Потапенкова И. В. Административно-правовое регулирование участия народных дружин в охране общественного порядка: реалии и тенденции // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 164–168.

Фомин В. В. Возрождение народных дружин – потребность сегодняшнего времени // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 27–29.

Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2019. № 3. С. 105–141.

Шаяхметов Т. Р. Некоторые аспекты развития и применения института необходимой обороны в Соединенных Штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 46–52.

Шулус А. А. Конституционно-правовая сущность и содержание права на оружие в Соединенных Штатах Америки // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 5А. С. 86–98.

Мария Александровна Кокотова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: km231089@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-9379-5038

The Limits of Legally Permitted Violence for Members of the Organizations Devoted to Crime Prevention in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA

The article examines the acts establishing the legal status of crime prevention organizations and regulating the institution of self-defense in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA. Firstly, the author determines in which countries the use of violence is permitted for citizens, who participate in prevention of crime, and how its limits are established. Secondly, the limits of permitted violence that members of crime prevention organizations and any other citizens (the institution of self-defense) can resort to are compared. Thirdly, an attempt is made to identify the relationship between the extent of legal violence and the aims of those who use it.

Based on the analysis, two approaches to legal regulation have been identified, which are as follows:

1) the existence of citizens organizations united to protect their homes limits the state monopoly on violence (Great Britain, USA (Neighbourhood Watch));

2) the existence of crime prevention organizations does not limit the state monopoly on violence, since their members cannot use it (France, Belgium) and can only call the police (France (*Les citoyens référents*), Belgium (*Le Partenariat Local de Prévention*)), or they are considered as assistants and, therefore, in a sense, as representatives of the state (for example, the People's Druzhina in Russia).

Keywords: legally permitted violence, organizations devoted to crime prevention, Neighbourhood Watch, *Les Citoyens référents*, *Le Partenariat Local de Prévention*, People's Druzhina

Recommended citation

Kokotova M. A. Predely prava na nasilie uchastnikov organizatsii po bor'be s prestupnost'yu v Rossii, Frantsii, Bel'gii, Avstrii, Velikobritanii i SShA [The Limits of Legally Permitted Violence for Members of the Organizations Devoted to Crime Prevention in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 76–84, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76.

References

- Albert R. Counterconstitutionalism, *Dalhousie Law Journal*, 2009, vol. 31, no. 183, pp. 1–55.
- Anikova R. I. Predely neobkhodimoi oborony: opyt Rossiiskoi Federatsii i SShA [Limits of Necessary Defence: Experience of Russian Federation and USA], *Tribuna uchenogo*, 2022, no. 2, pp. 128–134.
- Arief B., Coventry L., Greathead D. *Towards the Implementation of an Internet-Based Neighbourhood Watch Scheme*, 3rd International Conference on Computational Aspects of Social Networks, Salamanca, 2011, pp. 19–22.
- Armstrong M., Carlson J. *Speaking of Trauma: the Race Talk, the Gun Violence Talk, and the Racialization of Gun Trauma*, 2019, available at: <https://repository.arizona.edu/bitstream/handle/10150/640995/s41599-019-0320-z.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 19.08.2023).
- Cornuot F.-X. *L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde: these en droit: thèse de doctorat en droit public*, Strasbourg, Université de Strasbourg, 2015, 813 P.
- Crawford A. Les politiques de sécurité locale et de prévention de la délinquance en Angleterre et au Pays de Galles: nouvelles stratégies et nouveaux développements, *Déviance et Société*, 2001, vol. 25, no. 4, pp. 427–458.
- Fomin V. V. Vozrozhdenie narodnykh druzhin – potrebnost' segodnyashnego vremeni [Revival of Public Security Brigades – Necessity of Modern Time], *Ugolovno-issledovatel'skoe pravo*, 2006, no. 2, pp. 27–29.
- Gardenier M. Sauvons Calais, un groupe anti-migrants. Une perspective: «rétablir l'ordre», *Revue européenne des migrations internationales*, 2018, vol. 34, no. 1, pp. 235–256.
- Gints E. M. K voprosu o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti uchastnikov dobrovol'nykh narodnykh druzhin [To the Issue of Civil Responsibility of the Members of Voluntary People's Squads], *Pravovaya ideya*, 2013, no. 1, p. 1.
- Graham L. D. Protecting the Home: Castle Doctrine in North Carolina, *Campbell Law Review*, 2021, vol. 43, no. 1, pp. 137–154.
- Hartley K. Conflict and Defence Output: An Economic Perspective, *Revue d'économie politique*, 2012, vol. 122, no. 2, pp. 171–195.
- Khodzhaeva E. Vozrozhdenie DND (dobrovol'nykh narodnykh druzhin) v Rossii: primer navyazannoi sverkh mobilizatsii [Revival of the PVS (People's Volunteer Squads) in Russia: a Case of Top-Down Social Mobilization], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2019, no. 3, pp. 105–141.
- Kleimenov E. A. Sostoyanie i problemy vzaimodeistviya politsii i narodnykh druzhin v sotsiologicheskom izmerenii [Certain Aspects of Interaction between the Police and the People's Squads], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2021, no. 2, pp. 129–143.

Kleimenov E. A. Sotsial'nyi potentsial uchastiya grazhdan v deyatel'nosti narodnykh družhin: regional'nyi aspekt [Social Potential of Citizens' Participation in the Activities of People's Teams: Regional Aspect], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2022, no. 2, pp. 194–209.

Krahmann E. *Private Security Companies and the State Monopoly on Violence: A Case of Norm Change?* Frankfurt, Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2009, 34 p.

Levin B. A Defensible Defense? Reexamining Castle Doctrine Statutes, *Harvard Journal on Legislation*, 2010, vol. 47, no. 523, pp. 523–553.

Potapenkova I. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie uchastiya narodnykh družhin v okhrane obshchestvennogo poriadka: realii i tendentsii [Administrative and Legal Regulation of the Participation of National Squads in the Protection of Public Order: Realities and Trends], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2010, no. 6, pp. 164–168.

Shayakhmetov T. R. Nekotorye aspekty razvitiya i primeneniya instituta neobkhodimoi oborony v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Some Aspects of the Development and Application of the Legal Institution of Self-Defense in the USA], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, no. 1, pp. 46–52.

Shulus A. A. Konstitutsionno-pravovaya sushchnost' i sodержание prava na oruzhie v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Constitutional and Legal Essence and Content of the Right to Arms in the United States of America], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2017, vol. 7, no. 5A, pp. 86–98.

Suk J. C. The True Woman: Scenes from the Law of Self-Defense, *Harvard Journal of Law & Gender*, 2008, vol. 31, no. 237, pp. 237–275.

Volkov V. V. Monopoliya na nasilie i skrytaya fragmentatsiya rossiiskogo gosudarstva: issledovatel'skaya gipoteza [Monopoly on Violence and the Hidden Fragmentation of the Russian State: Research Hypothesis], *Polis, Politicheskie issledovaniya*, 1998, no. 5, pp. 39–47.

Maria Kokotova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: km231089@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-9379-5038

Дата поступления в редакцию / Received: 05.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.09.2023

В. П. Горбачев

Донбасский государственный университет юстиции
(ДГУЮ Минюста России)
(Донецк)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.

В статье рассмотрена роль прокурора в стадии предварительного следствия в Российской империи. Раскрыты не только правовые основы прокурорского надзора, но и реальная практика его осуществления после судебной реформы 1864 г. Проанализированы объем, предмет и методы надзорной работы прокуратуры. Обращается внимание на имевшиеся конфликты между прокуратурой и судебными следователями. Показаны нарушения, которые выявляла прокуратура в деятельности следователей, и эффективность реагирования на них. Проанализированы недостатки прокурорского надзора за предварительным следствием. Сделан вывод о низком качестве прокурорского надзора непосредственно в ходе предварительного следствия и об осуществлении надзора в основном при изучении уголовных дел, по которым предварительное следствие уже окончено и которые представлены судебным следователем в прокуратуру. В результате этого надзор во многом носил «кабинетный» характер. Отсутствие фактического прокурорского надзора за следствием способствовало различным злоупотреблениям следователей.

Раскрыты объективные и субъективные причины недостатков прокурорского надзора (небольшой штат прокуратуры, большой объем работы, личные качества работников и т. п.). Рассмотрены предложения и принимавшиеся меры по повышению уровня этого надзора. Обращается внимание на некоторые неточности в исследованиях данного вопроса.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., прокурор, прокурорский надзор, судебный следователь, предварительное следствие, уголовное дело

Для цитирования

Горбачев В. П. Прокурорский надзор за предварительным следствием в Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 85–95. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_85.

УДК 343.163+343.162.1“18/19”

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_85

Введение

Уголовный процесс в современной России и правовой статус в нем прокурора неоднократно подвергались трансформации. По различным аспектам прокурорского надзора в уголовном процессе велись и ведутся многочисленные дискуссии. Решению проблем в этой сфере может способствовать изучение богатого исторического опыта. Большой материал в этом отношении дает изучение судебной реформы 1864 г., которая коренным образом преобразовала всю судебную систему, предварительное следствие и прокурорский надзор.

В современных исследованиях истории прокурорской реформы рассматривается в основном нормативное регулирование деятельности прокурора на различных стадиях уголовного процесса, а правоприменительная деятельность прокуратуры остается без достаточного внимания. Между тем этот вопрос имеет принципиальное значение для выяснения фактической роли прокурора, которая не всегда соответствовала предписаниям закона.

Многие современники реформы, в том числе прокурорские работники, отмечали неудовлетворительность существовавшего предварительного следствия. Об этом много

писали в юридической прессе и литературе. Сенатор А. Ф. Кони в 1894 г. особое внимание обратил на медленность и бесплодность следствий, почти 60 % которых прекращалось, а также на недостаточное наблюдение за производством следствия и дознания¹. В связи с этим важно выяснить, каково было не только нормативное регулирование, но и реальное состояние прокурорского надзора за предварительным следствием в Российской империи после судебной реформы 1864 г.

Нормативное регулирование прокурорского надзора за предварительным следствием

Предварительное следствие являлось стадией уголовного процесса, на которой осуществлялся сбор доказательств для выяснения обстоятельств преступления и установления лица, которое его совершило. В результате судебной реформы надзор за предварительным следствием был изъят из полномочий губернского начальства и полностью возложен на прокуратуру. Об объемах работы по надзору за расследованием преступлений свидетельствует статистика. Прокуратура гражданского ведомства за 46 лет (1867–1912 гг.) направила в суды 6 032 548 уголовных дел с обвинительными актами и заключениями о прекращении, а также свыше 14 млн дел для их прекращения по инициативе следователей [Грёдингер 1915: 52]. Военная прокуратура за 45 лет (1868–1912 гг.) приняла решение по 271 810 делам².

Для осуществления надзора за предварительным следствием закон предоставил прокуратуре необходимые полномочия (ст. 280–286 Устава уголовного судопроизводства; далее – УУС), а министр юстиции в своих циркулярах конкретизировал предмет и методы этого надзора. К предмету надзора министр относил наблюдение за исполнением предписаний закона о порядке проведения следственных действий и их процессуально-го оформления, за законностью избрания мер

пресечения³, за сроками расследования уголовных дел (особенно тех, по которым были арестованы какие-либо лица), за представлением следователями в прокуратуру предусмотренных законом сведений, за качественным исполнением ими требований других следователей о проведении следственных действий. Среди методов надзора министр выделял личное присутствие чинов прокуратуры при проведении следственных действий, изучение уголовных дел, дачу по ним указаний, возвращение дел для дополнительного следствия⁴. В связи с этим необоснованным представляется утверждение о том, что «прокурор не осуществлял надзор за исполнением судебным следователем уголовно-процессуального законодательства» [Рощина 2006: 12].

Закон предоставил чинам прокуратуры право присутствовать при проведении любых следственных действий. Министр юстиции рекомендовал им делать это по более важным делам⁵, а на практике они при производстве следственных действий присутствовали редко⁶.

Прокуроры и их товарищи (в современном понимании – помощники) имели право проверять уголовные дела, но только на месте у следователя. Несмотря на это, они нередко требовали дела для проверки к себе⁷. Узаконить такую практику в 1869 г. предложила правительственная комиссия под председательством сенатора Петерса. Однако это предложение принято не было⁸.

³ Подробнее см.: [Горбачев 2016].

⁴ Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. Ч. III. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1889. С. 44; Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. § 27. С. 38–39.

⁵ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. § 27. С. 38.

⁶ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 3. Разд. 1. С. 20.

⁷ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. С. 191.

⁸ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое: Отчет Высочайше учрежденной в 1869 году комиссии для исследования недостатков современного состояния следственной части. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1883. С. 240.

¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 1. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. С. 133–134, 136.

² Сведения за 1867–1887 гг.: [Иллюстров 1890: 78–79]; за 1888–1912 гг. обобщены сведения «Ведомостей о движении дел по военно-прокурорскому надзору», которые в качестве приложений к отчетам Главного военно-судного управления включены в ежегодные Всеподданнейшие отчеты Военного министерства.

Министр юстиции требовал от прокуроров чаще изучать уголовные дела, а в 1896 г. он обязал их проводить проверки всех следственных производств и давать следователям необходимые указания не менее одного раза в месяц, а в наблюдательных производствах по каждому делу ежемесячно делать записи о состоянии следствия, о планируемых по нему действиях и о причинах задержки окончания дела¹. До этого общего требования о ежемесячной проверке уголовных дел не было, такая периодичность проверок была установлена только некоторыми прокурорами судебных палат [Городыский 1884: 154]. До Наказа министра юстиции 1896 г. не предусматривалось и общего требования о ведении наблюдательных производств по уголовным делам; такие производства заводились товарищами прокурора только в некоторых округах².

Изучение уголовных дел предполагало значительный объем работы. Например, один из товарищей прокурора в июне 1916 г. проверил 156 уголовных дел³. При этом были случаи сокрытия следователями дел от прокуратуры [Фукс 1889: 39]⁴.

Закон предоставил прокуратуре право давать следователям указания («требования», «предложения»), однако только по вопросам, которые относились к исследованию преступлений и сбору доказательств. Указания могли быть не только письменными, но и устными. Министр юстиции рекомендовал давать следователям указания по возможности письменные⁵.

Указания по делам позволяли прокуратуре влиять на ход расследования. Однако для следователя обязательными были только законные указания, поэтому он имел право оценивать их законность и не должен был

оценивать их обоснованность, целесообразность и полезность. В юридической литературе разъяснялось, что следователь не имел права оспаривать указания прокуратуры о привлечении лица в качестве обвиняемого, даже если он не соглашался с фактическим основанием для этого; а свое несогласие следователь мог выразить только указанием на то, что лицо привлечено в качестве обвиняемого по требованию прокурора [П. П. 1882: 7]. Право прокуратуры требовать привлечения лица в качестве обвиняемого и обязанность следователя исполнить такое требование 6 марта 1895 г.⁶ и 5 апреля 1908 г. было подтверждено Сенатом [Устав уголовного судопроизводства 1914: 653].

Высказывались и мнения о том, что следователь должен был исполнять даже бесполезные предложения прокурора (например, о допросе ненужных свидетелей); при этом делалась оговорка о том, что после исполнения такого предложения прокурора следователь мог сообщить об этом суду, который не имел права обсуждать действия прокурора, однако мог сообщить об этом вышестоящему прокурору [П. П. 1882: 4–6]. На практике следователи иногда отказывались выполнять указания прокуратуры в связи с их незаконностью⁷. В таких случаях для разрешения возникшего конфликта прокурор мог обратиться в суд. Кроме того, прокурор имел право при неисполнении его законных указаний возбудить вопрос о дисциплинарной ответственности следователя.

Анализ законодательства показывает неправильность утверждения о том, что прокурор имел право отменять незаконные постановления судебных следователей и отстранять следователей от дальнейшего ведения следствия, если они допустили нарушение закона при расследовании уголовных дел [Савуляк 2010: 189]. Такое право имел только суд. Практические работники высказывали мнение о необходимости предоставить прокурорам право давать суду обязательные предложения об отводе следователей от про-

¹ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. § 15. С. 25; § 27. С. 38–39.

² Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 3. Разд. 1. С. 20.

³ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАУ). Ф. 317. Оп. 6. Д. 567. Л. 119.

⁴ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 2. С. 83; [Z. 1886: 118, 138].

⁵ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. § 27. С. 39.

⁶ Сборник решений Общего собрания кассационных и первого с кассационными департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866–1896 г.) / под ред. А. К. Гаугера. 3-е изд., пересм. и испр. СПб.: Гос. тип., 1905. С. 932.

⁷ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 635. Оп. 1-а. Д. 15. Л. 42–45, 183–184, 236.

изводства следствия по конкретным делам¹. Однако это предложение не получило законодательного закрепления

Состояние прокурорского надзора за предварительным следствием

Министр юстиции требовал, чтобы работники прокуратуры обеспечивали постоянное и непрерывное наблюдение за ходом следствия, осуществляли надзор за действиями следователей не только по отдельным делам, но и за их служебной деятельностью вообще². В результате прокуратура выявляла самые различные нарушения следователями уголовно-процессуального законодательства: несвоевременный допрос задержанных лиц, незаконные аресты, нарушения при оформлении протоколов следственных действий, оставление без ответа заявлений арестованных лиц об изменении меры пресечения, невыполнение требований закона об ознакомлении обвиняемых с материалами дела после окончания следствия, небрежное оформление материалов уголовных дел и т. п.³

О выявленных нарушениях и вообще о неудовлетворительной деятельности следователей товарищи прокурора уведомляли прокурора, который в порядке надзора сообщал об этом председателю окружного суда и мог возбудить вопрос о дисциплинарной или судебной ответственности следователя⁴. При этом, по разъяснениям Главного военного суда, суд не вправе был уклоняться от обсуждения сообщений прокурора о нарушениях в деятельности следователя [Швейковский 1914: XIV, 40, 43]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что по сообщениям прокуратуры суды в некоторых случаях возбуждали дисциплинарное производство в отношении следователей. Однако чаще всего они ограничивались тем, что указывали следователям на допущенные нарушения, разъясняли им неправильность их действий,

рекомендовали в дальнейшем не нарушать закон или же просто принимали объяснения следователя к сведению. Во многих ситуациях такие решения суды принимали с учетом большой нагрузки следователей и общей удовлетворительности их деятельности⁵.

Несмотря на большой объем проводимой работы, положительных результатов в надзоре за производством следствия, по наблюдениям современников добивались только отдельные прокуратуры. При этом такие единичные проявления благоприятного влияния прокуратуры на состояние следствия не устраняли общих недостатков надзора⁶.

С самого начала судебной реформы в Министерство юстиции поступала информация о недостатках прокурорского надзора за следствием. В отчете Министерства за 1868 г. указано, что предписание закона о наблюдении прокуроров за производством следствия остается «во многих отношениях мертвою буквою»⁷. По утверждению в 1874 г. прокурора Одесской судебной палаты Г. А. Евреинова, деятельного наблюдения за следствием во время его производства почти не проводилось. Неудовлетворительность и формальность надзора за следствием работники прокуратуры признавали и в начале 1880-х гг.⁸ В юридической литературе и прессе также отмечались «полная несостоятельность» [Фукс 1889: 39], «полное отсутствие» наблюдения за производством следствия [Тимановский 1883: 299], констатировалось, что прокурорский надзор за следствием «был в большинстве случаев слаб или недостаточно энергичен, за исключением немногих дел, выдававшихся по своей важности» [Даневский 1895: 3].

Нередко вместо изучения уголовных дел товарищи прокурора ограничивались запросом у следователей информации о том, в каком положении находятся конкретные дела и какие меры приняты для их скорейшего окончания⁹.

¹ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. С. 196.

² Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1878. С. 318.

³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 835. Оп. 1. Д. 514. Л. 5, 10–11; Д. 515. Л. 1, 5, 27.

⁴ ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 6. Д. 307. Л. 63–64, 92–93, 95, 102, 104-об.; ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 514. Л. 5, 7, 9, 10, 19; Д. 515. Л. 1, 3, 19; Д. 572. Л. 1–3; Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. § 28. С. 40.

⁵ ГАОО. Ф. 635. Оп. 1-а. Д. 15. Л. 16, 49-об., 186, 250-об.–251; ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 226. Л. 63–63-об.; Д. 514. Л. 8, 12; Д. 515. Л. 14, 17, 36–39; Д. 572. Л. 3; ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 6. Д. 307. Л. 64, 113.

⁶ По поводу инструкции прокуроров судебных палат // Киевлянин. 1882. № 3. С. 2.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 93. Л. 47-об.

⁸ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. С. 37, 214, 216, 220.

⁹ ГАОО. Ф. 634. Оп. 1. Д. 778. Л. 17, 34.

Правительственные комиссии, созданные для пересмотра законодательства по судебной части, в 1869 и 1900 г. тоже обращали внимание на недостатки прокурорского надзора, однако не так негативно оценивали его состояние, называя прокурорский надзор за производством следствий «неуспешным» и «недостаточным». Они отмечали, что прокуратура сравнительно редко проявляла активное участие в делах во время производства следствия, указания давала в основном по особо важным делам и при этом обычно в конце следствия. Прокуратура ограничивалась в основном изучением окончанных следственных производств, в результате чего около 10 % дел возвращались для доследования¹.

Отсутствие фактического прокурорского надзора за следствием способствовало различным злоупотреблениям следователей, за которые они привлекались даже к уголовной ответственности. Например, в 1884 г. Санкт-Петербургская судебная палата осудила следователя Федорова по 49 обвинениям. На протяжении ряда лет у него оставались без расследования многие уголовные дела, которые он даже не записывал в книги учета и хранил у себя дома. В ходе сенаторской ревизии обнаружено 422 таких дела, однако в ежемесячных ведомостях, которые следователь представлял в суд, на 1 января 1883 г. значилось только 89 дел. На запросы прокурора следователь представлял ложную информацию о ходе расследования даже тех дел, по которым были арестованы обвиняемые. Этим нарушениям способствовало то, что прокуратура длительное время не сверяла отчетность следователя с информацией полиции о направленных ему делах, не проверяла его книги учета уголовных дел и не изучала сами уголовные дела. Все эти нарушения были выявлены только после проверки жалобы, поступившей от частного лица [Катков 1898: 512–513; Фукс 1889: 39; Z. 1886: 118, 138].

¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства: в 5 т. Т. 2. СПб.: Сенатская тип., 1900. С. 48; Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое. С. 204, 205; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 3. Разд. 1. С. 20.

Прокуроры окружных судов получали замечания от прокуроров судебных палат, если нарушения при расследовании дел выявляли не они, а прокуратура палаты². Однако сами прокуроры судебных палат не всегда реагировали на известные им нарушения при производстве следствия. Например, по делу об армянской революционной организации «Дашнакцутюн» следователь Н. И. Лыжин совершил многочисленные подлоги, на что был подан ряд жалоб. Однако прокурор Новочеркасской судебной палаты И. М. Золотарев ограничился предложением не верить слухам о каких бы то ни было неправильностях, заявил, что следствие по этому делу является шедевром следственного искусства, и предупредил судей, что удовлетворение жалоб на следователя вызовет неудовольствие министра юстиции³. При рассмотрении дела в суде совершенные подлоги подтвердились; в связи с этим против следователя было возбуждено уголовное преследование, которое затем было прекращено в связи с признанием его невменяемым [Падение царского режима 1927: 370].

Отсутствие фактического прокурорского надзора за следствием способствовало различным злоупотреблениям следователей, за которые они привлекались даже к уголовной ответственности

Причины недостатков прокурорского надзора

Причины недостатков прокурорского надзора за производством предварительного следствия были объективными и субъективными.

К объективным причинам относились небольшой штат прокуратуры, многообразие ее обязанностей, не позволявшее сосредоточиться только на надзоре за следствием, а также постоянно увеличивающийся объем работы. Это с самого начала признавало Министерство юстиции, которое в своем отчете за 1868 г. указало, что недостаточность штата прокуратуры делала невозможным наблюдение не только за дознанием полиции, но и за предварительным следствием. Товарищи прокурора заведовали территориальны-

² ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 226. Л. 59–60.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 430. Л. 228-об.–229.

ми участками, в которые входили обычно два уезда, а иногда три и даже четыре¹. Поэтому физически они не могли осуществлять надзор за делами тех уездов, в которых не проживали постоянно, а бывали только один раз в месяц, приезжая на заседания мирового съезда. Товарищи прокурора давали заключения в мировых съездах, поддерживали обвинение в суде, посещали места лишения свободы, выполняли другую работу, а на надзор за следствием у них не оставалось времени². С большинством уголовных дел они знакомились не в ходе их расследования, а только после окончания следствия и представления следователем дел в прокуратуру.

В результате надзор за следствием стал «кабинетным», что признавали прокуроры судебных палат и даже министр юстиции³. Закон закрепил принцип постоянного прокурорского надзора (ст. 278 УУС), однако такой надзор за расследованием всех уголовных дел был физически невозможным, он мог осуществляться только в самых общих чертах или только по немногим наиболее важным делам. Это в разные годы признавали работники не только прокуратуры, но и суда, а также сенаторы [Даневский 1895: 60; Муравьев 1889: 525; Случевский 1916: 230 Z. 1886: 129]⁴.

При недостаточном штате товарищей прокуроров нагрузка на них постоянно возрастала. Если в 1872 г. на одного работника прокуратуры окружного суда в среднем приходилось 127 поступивших дел, то в 1914 г. – 448, т. е. в 3,5 раза больше⁵. По отдельным судебным округам нагрузка была еще больше. Так, за 1897–1905 гг. наибольшая нагрузка на одного товарища прокурора окружного суда была в округе Киевской судебной палаты в 1905 г. (587 дел)⁶,

¹ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое. С. 205.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 93. Л. 47-об.–49.

³ Там же. Л. 48; Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. С. 37, 145, 304–305.

⁴ См. также: Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. С. 215–216, 220, 235.

⁵ Свод статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1873. С. 12; Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1914 год. Пг.: Сенатская тип., 1915. С. 61.

⁶ Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1904 году. СПб.: Сенатская

в 1914 г. – в Омском судебном округе (596 дел)⁷. У многих товарищей прокурора объем работы был еще больше. Например, одному из них за 10 месяцев 1910 г. поступило 726 дел⁸.

В военной прокуратуре нагрузка по уголовным делам на одного работника была значительно меньше. Она постепенно сократилась со 137 дел в 1872 г. до 45 в 1885 г. [Иллюстров 1890: 74–75], однако в революционный период начала XX в. резко возросла. При отсутствии большой нагрузки недостатки военно-прокурорского надзора за следствием объяснялись спецификой организации деятельности военной прокуратуры, особенно в военное время. Главный военный прокурор А. К. Имеретинский в 1882 г. отметил, что совместное пребывание в одном месте военного прокурора с его помощниками превращало надзор за следствием почти в фиктивный, так как из 74 военных следователей под надзором прокуратуры фактически работали только 15, которые находились в городах, где располагались военно-окружные суды и прокуратура [Столетие 1914: 375].

Для непосредственного надзора за производством следствия необходимо было выезжать в командировки. Однако по финансовым соображениям право командировок было ограниченным, поэтому надзор за следствием осуществлялся «попутно» при выездах работников прокуратуры на места для участия в заседаниях судов⁹. В связи с этим, по свидетельству современников, надзор превращался в основном «в бесплодную письменную форму» [Военный суд 1883: 154].

Субъективные причины недостатков прокурорского надзора были связаны с личными качествами товарищей прокурора, их добросовестностью и с тем, что они не проживали в уездах, которые были закреплены

тип., 1907. 518 с. Общий обзор. С. 8; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1905 году. СПб.: Сенатская тип., 1908. 514 с. Общий обзор. С. 8.

⁷ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1914 год. С. 61.

⁸ ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 337. Л. 74.

⁹ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. § 27. С. 38–39; Инструкция военно-прокурорскому надзору военно-окружных судов. § 10 // Военный сборник. 1891. № 1. Отд. 2. С. 50.

за ними для надзора. Постепенно товарищи прокурора переезжали из этих уездов жить в более престижные города, где находились окружные суды¹. Связанное с этим их редкое появление в своих надзорных участках приводило к тому, что наблюдение за ходом расследования уголовных дел было фрагментарным и формальным. Поэтому министр юстиции Д. Н. Набоков циркуляром от 14 августа 1879 г. № 14758 обязал расселить товарищей прокуроров окружных судов по их надзорным участкам, а в городах, в которых расположены окружные суды, оставить для жительства только самое необходимое их количество (не более двух-трех).

Циркуляр преследовал две цели: 1) обеспечить товарищам прокурора возможность более бдительно наблюдать за деятельностью судебных следователей, чаще посещать места заключения «и вообще быть ближе к населению»; 2) снизить путевые расходы². Исполнение указанного циркуляра благоприятно отразилось на ходе дознаний и предварительных следствий. Однако постепенно под различными предлогами началось отступление от требований министра юстиции. В результате к середине 1890-х гг. большинство товарищей прокурора проживало в городах, в которых находился суд³. К 1 января 1910 г. в своих закрепленных надзорных участках (т. е. в уездах за пределами места нахождения окружных судов) проживало только 14,7 % товарищей прокурора (133 из 907). При этом в округах 56 судов (из 106) все товарищи прокурора проживали в городах, в которых находились окружные суды. Отсутствие их в своих уездных участках неблагоприятно отражалось на качестве дознания и предварительного следствия. В связи с этим министр юстиции 15 марта 1910 г. вновь обязал прокуроров судебных палат до 1 сентября перевести товарищей прокурора на жительство в пределы закрепленных за ними надзорных участков⁴.

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 93. Л. 49–49-об.

² Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 2. С. 181.

³ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 2. С. 201.

⁴ Циркуляр Министерства юстиции от 15 марта 1910 г. № 3269 // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 42–46.

Эффективность надзора за следствием зависела также от опытности товарищей прокурора. Однако на эти должности иногда назначались лица, которые сами уголовные дела не расследовали и даже не рассматривали, поэтому влияние таких товарищей прокурора на предварительное следствие не всегда достигало цели⁵.

Предложения и меры по повышению уровня прокурорского надзора

Для устранения имевшихся недостатков прокурорского надзора высказывались различные предложения. В первую очередь предлагалось увеличить штат прокуратуры, чтобы товарищ прокурора был в каждом уезде⁶. Предлагалось также прокурорский надзор ограничить наблюдением за уголовным преследованием и сбором доказательств, а наблюдение за сроками расследования и внешним делопроизводством следователей сохранить за судами⁷. В юридической литературе и законопроектной работе были и более радикальные предложения. На практике работники прокуратуры не имели физической возможности осуществлять постоянный надзор за всеми делами непосредственно в ходе их расследования. В связи с этим бывший прокурор П. Н. Обнинский предлагал вообще отменить этот надзор и сохранить только надзор за полнотой завершеного расследования при изучении прокурором поступившего к нему от следователя оконченого дела [Обнинский 1891: 67]. Один из следователей предложил сохранить за прокуратурой в ходе предварительного следствия только надзорные полномочия и исключить ее право давать по делам указания⁸.

В военном ведомстве после окончания Русско-турецкой войны практические работники высказали предложения об улучшении военно-прокурорского надзора в полевых военных судах, так как в военное время из-за отдаленности прокуратуры от места производства следствия надзор за ним в большинстве случаев не производился. Предлагалось, чтобы прокуроры не находились на одном

⁵ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 5. С. 24.

⁶ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. С. 67, 73, 140, 238–239, 308, 394, 396.

⁷ Там же. Ч. 2. С. 393.

⁸ Там же. С. 396.

месте, а «циркулировали» около войск, объезжали периодически (или немедленно по возникшему делу) части войск, наблюдали за следствием на месте его производства, давали заключения по делам, получали мнение начальника части и составляли обвинительные акты, не выезжая из места расположения части [Максимов 1879: 24, 31; Шендзиковский 1892: 51, 52].

С целью сделать надзор за производством следствия действенным главный военный прокурор А. К. Имеретинский в 1882 г. предложил децентрализовать прокурорский надзор, т. е. часть помощников прокуроров рассредоточить по местам расположения штабов пехотных дивизий. Это предложение обсудили в военном ведомстве, и в большинстве поступивших на него отзывов децентрализация военно-прокурорского надзора была признана полезной и даже необходимой мерой. Однако в некоторых отзывах обращалось внимание на вред от установления такого порядка распределения помощников военного прокурора в округе, поскольку децентрализация препятствовала бы наблюдению за их деятельностью, нагрузка была бы крайне неравномерной, а надзор за следствием сводился бы к надзору за действиями, производившимися в месте пребывания помощника военного прокурора. Кроме того, переход к децентрализации вызвал бы новые расходы. Эти и некоторые другие соображения побудили главного военного прокурора отказаться от проекта децентрализации прокурорского надзора [Столетие 1914: 360, 375–377].

Министр юстиции также принимал меры для повышения качества прокурорского надзора. В частности, чтобы контролировать периодичность изучения уголовных дел, он циркуляром от 10 мая 1916 г. № 4350 предписал товарищам прокурора ежемесячно отчитываться о количестве дел, которое они проверили в течение месяца в каждом следственном участке, и о причинах, по которым эта обязанность ими не была исполнена¹.

Заключение

Прокуратура имела необходимые полномочия для осуществления надзора за предварительным следствием. Однако по ряду объективных причин она не могла в необходимой степени реализовать их по всем уголовным делам непосредственно в ходе следствия, а субъективные причины еще больше снижали качество прокурорского надзора. Надлежащий надзор отдельных прокуратур не устранял общих недостатков прокурорского надзора в масштабах всей империи. Надзор в ходе предварительного следствия по большинству дел был недостаточным, формальным или вообще не производился. В результате свои надзорные полномочия прокуратура реализовывала в основном после окончания следствия, при изучении поступающих от следователей окончанных уголовных дел, а недостатки прокурорского надзора способствовали появлению недостатков у предварительного следствия.

¹ ГАРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 164. Л. 24.

Список литературы

З. За лето (Юридическая хроника) // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 8.

Военный суд, его защитники и разрушители. СПб.: Тип. М. И. Румша, 1883. 197 с.

Горбачев В. П. Влияние прокурора на применение заключения под стражу как меры пресечения по судебной реформе 1864 года в Российской империи // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2016. № 1. С. 224–229.

Городыцкий Я. Обстановка деятельности судебных следователей // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 9. С. 95–168.

Грёдингер Ф. И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II. Пг.: Сенатская тип., 1915. 55 с.

Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. 89 с.

Иллюстров И. Военные суды в русской армии за 25-летие. 1861–1885 г.: Обзор статистических сведений по Всеподданнейшим отчетам военного министерства. М.: Типолит. А. Тяжелова, 1890. 162 с.

Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1898. 671 с.

Максимов Н. Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Ч. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1879. 35 с.

Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М.: Университетская тип., 1889. Т. 1. 552 с.

Обнинский П. Н. Предстоящая реформа в нашей следственной части, как средство устранения замечаемых в ней недостатков (из наблюдений бывшего прокурора) // Юридический вестник. 1891. Т. 7. Кн. 1. С. 60–84.

П. П. Пределы обязательности прокурорских предложений, обращенных к следователю // Криминалист. 1882. № 4. С. 4–7.

Падение царского режима / ред. П. Е. Щеголева. Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. 7. 477 с.

Рощина Ю. В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 32 с.

Савуляк Р. В. Реорганізація органів прокуратури за судовою реформою 1864 року в Україні: дис. ... канд. юрид. наук. Львів, 2010. 237 с.

Случевский В. Об ограничении прав защиты по вызову свидетелей // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 205–232.

Столетие военного Министерства. 1802–1902. Т. 12. Кн. 1. Ч. 2 / под ред. В. А. Апушкина. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1914. 499 с.

Тимановский А. Внутренние судебные порядки // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 292–317.

Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. III. С. 584–944.

Фукс В. Я. Суд и полиция. М.: Университетская тип., 1889. Ч. 2. 232 с.

Швейковский П. А. Устав военно-судебный (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XXIV. изд. 4). СПб.: Тип. М. Волковича, 1914. 1512 с.

Шендзиковский И. О военном суде в военное время (полевом военном суде). СПб.: Тип. департамента уделов, 1892. 127 с.

Василий Павлович Горбачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Донбасского государственного университета юстиции (ДГУЮ Минюста России). 283049, Российская Федерация, Донецк, ул. Лебединского, д. 9. E-mail: gorvp58@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8632-8768

Prosecutor's Supervision of the Preliminary Investigation in the Russian Empire after the Judicial Reform of 1864

The article considers the role of the prosecutor at the stage of preliminary investigation in the Russian Empire. It reveals not only the legal foundations of prosecutorial supervision, but also the actual practice of its implementation after the judicial reform of 1864. The workload, subject and methods of supervisory work of the prosecutor's office are analyzed. Attention is drawn to the conflicts between the Prosecutor's Office and judicial investigators. The violations that the Prosecutor's Office revealed in the activities of investigators and the effectiveness of the response to them are shown. The shortcomings of the prosecutor's supervision over the preliminary investigation are analyzed. The conclusion is made about the low quality of prosecutor's supervision directly during the preliminary investigation and about the realization of supervision mainly in the study of criminal cases in which the preliminary investigation has already been completed and which are submitted by the judicial investigator to the prosecutor's office. As a result, supervision was largely of an «armchair» nature. The lack of actual prosecutorial supervision over the investigation contributed to various abuses by investigators.

The objective and subjective reasons for the shortcomings of the prosecutor's supervision are shown (a small staff of the Prosecutor's Office, a large amount of work, personal qualities of employees,

etc.). Proposals and measures taken to increase the quality of this supervision were considered. Attention is drawn to some inaccuracies in the coverage of this issue in certain studies.

Keywords: *judicial reform of 1864, prosecutor, prosecutor's supervision, judicial investigator, preliminary investigation, criminal case*

Recommended citation

Gorbachev V. P. Prokurorskii nadzor za predvaritel'nym sledstviem v Rossiiskoi imperii posle sudebnoi reformy 1864 g. [Prosecutor's Supervision of the Preliminary Investigation in the Russian Empire after the Judicial Reform of 1864], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 85–95, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_85.

References

Apushkin V. A. (ed.) *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902* [The Centenary of the War Ministry. 1802–1902], Saint Petersburg, Tip. t-va M. O. Vol'f, 1914, vol. 12, book 1, pt. 2, 499 p.

Danevskii V. P. *Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma* [Our Preliminary Investigation, Its Shortcomings and Reform], Moscow, T-vo skoropechatni A. A. Levenson, 1895, 89 p.

Fuks V. Ya. *Sud i politsiya* [Court and Police], Moscow, Universitetskaya tip., 1889, pt. 2, 232 p.

Gernet M. N. (ed.) *Ustav ugovornogo sudoproizvodstva. Sistemicheskii kommentarii* [The Statute of Criminal Proceedings. Systematic Commentary], Moscow, Tip. A. I. Mamontova, 1914, vol. 3, pp. 584–944.

Gorbachev V. P. Vliyanie prokurora na primeneniye zaklyucheniya pod strazhu kak mery presecheniya po sudebnoi reforme 1864 goda v Rossiiskoi imperii [Prosecutor's Influence on the Use of Detention as a Measure of Restraint on Judicial Reform in 1864 in the Russian Empire], *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*, 2016, no. 1, pp. 224–229.

Gorodyskii Ya. Obstanovka deyatel'nosti sudebnykh sledovatelei [The Situation of the Activity of Judicial Investigators], *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava*, 1884, no. 9, pp. 95–168.

Gredinger F. I. *Prokurorskii nadzor za pyat'desyat let, istekshikh so vremeni ego preobrazovaniya po Sudebnym ustavam imperatora Aleksandra II* [Prosecutor's Supervision for the Fifty Years that Have Elapsed since Its Transformation under the Judicial Statutes of Emperor Alexander II], Petrograd, Senatskaya tip., 1915, 55 p.

Illyustrov I. *Voennye sudy v russkoi armii za 25-letie. 1861–1885 g.: Obzor statisticheskikh svedenii po Vsepoddanneishim otchetam voennogo ministerstva* [Military Courts in the Russian Army for the 25th Anniversary. 1861–1885: A Review of Statistical Data on the Most Submissive Reports of the War Ministry], Moscow, Tipolit. A. Tyazhelova, 1890, 162 p.

Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1884 god* [Collection of Leading Articles of the Moscow Vedomosti. 1884], Moscow, Tip. V. V. Chicherina, 1898, 671 p.

Maksimov N. *Statisticheskii ocherk voenno-sudnoi chasti vo vremya voiny 1877–1878 gg. na Balkanskom poluostruve* [Statistical Sketch of the Military-Judicial Unit during the War of 1877–1878 on the Balkan Peninsula], Saint Petersburg, Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1879, pt. 1, 35 p.

Murav'ev N. V. *Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatel'nosti* [Prosecutor's Supervision in Its Structure and Activities], Moscow, Universitetskaya tip., 1889, vol. 1, 552 p.

Obninskii P. N. Predstoyashchaya reforma v nashei sledstvennoi chasti, kak sredstvo ustraneniya zamechaemykh v nei nedostatkov (iz nablyudenii byvshego prokurora) [The Upcoming Reform in our Investigative Unit, as a Means of Eliminating the Shortcomings Noticed in It (From the Observations of the Former Prosecutor)], *Yuridicheskii vestnik*, 1891, vol. 7, no. 1, pp. 60–84.

P. P. Predely obyazatel'nosti prokurorskikh predlozhenii, obrashchennykh k sledovatelyu [The Limits of the Obligation of the Prosecutor's Proposals Addressed to the Investigator], *Kriminalist*, 1882, no. 4, pp. 4–7.

Roshchina Yu. V. *Sudebnyi sledovatel' v ugovnom protsesse dorevolutsionnoi Rossii* [Judicial Investigator in the Criminal Procedure of Pre-Revolutionary Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2006, 32 p.

Savulyak R. V. *Reorganizatsiya organiv prokuraturi za sudovoyu reformoyu 1864 roku v Ukraïni* [Reorganization of Public Prosecutor's Office in Ukraine According to 1864 Court Reform]: cand. jur. sc. thesis, Lviv, 2010, 237 p.

Shchegolev P. E. (ed.) *Padenie tsarskogo rezhima* [The Fall of the Tsarist Regime], Leningrad, Gos. izd-vo, 1927, vol. 7, 477 p.

Shendzikovskii I. *O voennom sude v voennoe vremya (polevom voennom sude)* [About the Military Court in Wartime (Field Military Court)], Saint Petersburg, Tip. departamenta udelov, 1892, 127 p.

Shveikovskii P. A. *Ustav voenno-sudebnyi (Sv. Voen. Post. 1869 g., kn. XXIV. izd. 4)* [The Statute of the Military-Judicial (Code of Military Rulings. 1869, book XXIV. ed. 4), Saint Petersburg, Tip. M. Volkovicha, 1914, 1512 p.

Sluchevskii V. *Ob ogranichenii prav zashchity po vyzovu svidetelei* [On the Restriction of the Rights of the Defense to Call Witnesses], *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1916, no. 1, pp. 205–232.

Timanovskii A. *Vnutrennie sudebnye poryadki* [Internal Judicial Procedures], *Yuridicheskii vestnik*, 1883, no. 2, pp. 292–317.

Voennyi sud, ego zashchitniki i razrushiteli [The Military Court, Its Defenders and Destroyers], Saint Petersburg, Tip. M. I. Rumsha, 1883, 197 p.

Z. *Za leto* (Yuridicheskaya khronika) [Over the Summer (Legal Chronicle)], *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*, 1886, book 8.

Vasily Gorbachev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of theory and history of state and law. 283049, Russian Federation, Donetsk, Lebedinskogo str., 9. E-mail: gorvp58@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8632-8768

Дата поступления в редакцию / Received: 08.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.09.2023

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 0.10.2023. Формат 60×84/8.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,52.
Тираж 100 экз. Заказ №
Дата выхода в свет .10.2023.
Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5

